

ИСКАТЕЛЪ

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

6

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

1986

ИСКАТЕЛЬ 6

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

1986

В ВЫПУСКЕ:

Анатолий РОМОВ

2

В ЧУЖИХ НЕ СТРЕЛЯТЬ

Роман

Виктор ПРОНИН

68

**СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ
ПОХИТИТЕЛЬ БРИЛЛИАНТА**

Рассказы

Дмитрий ЖУКОВ

89

СЛУЧАЙ НА ВУЛКАНЕ

Фантастический рассказ

Конрад ФИАЛКОВСКИЙ

98

**ОПАСНАЯ ИГРУШКА
РАЗНОВИДНОСТЬ НОМО
SAPIENS**

УТРО АВТОРА

Фантастические рассказы

ОСНОВАН В 1961 ГОДУ

№ 156

Выходит 6 раз в год. Распространяется только в розницу

Анатолий РОМОВ

**В ЧУЖИХ
НЕ СТРЕЛЯТЬ**

РОМАН

Собака лаяла зло, с подвыванием.

Дворник Трофимов, нащупав в темноте одежду, встал, чертыхнулся и вышел на улицу. Несмотря на второй час ночи, было светло; собачья конура стояла далеко, наискосок по двору, у самого забора.

— Черти б тебя взяли... Шарик, фу!

Остановившись у конуры, посмотрел на собаку. Огромный пес бурой масти, со свисающим вниз подшерстком, замолчал, но, глядя в пространство, продолжал вздрагивать и тихо рычать. Дворник тронул пса за загривок, недовольно потряс:

— Очумел совсем! Что лаешь? — Всмотрелся в светлую мглу. За большим, изрытым канавами и заросшим бурьяном пустырем привычно темнел корпус электромеханического завода.

— Ну что людям нервы портишь, никого и нет?

Глядя на хозяина, Шарик вильнул хвостом, коротко тьякнул.

— Давай, Шарик, чтоб не было этого больше. Слышишь?

Трофимов оставил пса и, придерживая на ходу штаны, вернулся в свою каморку. Улегся, попытался заснуть — не получилось. Сказал, прислушиваясь к дыханию спящей рядом жены:

— Все ж зря собака лаять не будет.

2

В 1912 году Голодай, северная часть Васильевского острова, представлял собой одно из самых заброшенных мест Петербурга. Отдаленный от Петроградской стороны Малой Невой, а от Васильевского острова речкой Смоленкой, Голодай также был своего рода островом, почти необитаемым. Центр этого островка занимали болота, на западной части размещались керосиновые склады, на восточной, около Немецкого и Армянского кладбищ, — канатная фабрика и Чухонская слобода. Кроме слобожан, работников фабрики, здесь никто не жил.

В два часа ночи 7 июня 1912 года было светло как днем. В тишине ночной белизны вдоль берега Малой Невы, по Пятигорской улице, медленно двигалось ландо. Но вряд ли кто-то мог бы заметить движение экипажа — слобожане спали, гуляющие сюда не заходили, лошадь же, умело придерживаемая вожжами, шла ровно; на ее копыта были надеты специальные резиновые галоши.

В пролетке, тесно прижавшись друг к другу, сидели двое мужчин во фраках и котелках. Одному было около тридцати, второй, сухопарый, с подстриженной щеточкой светлых усов, державший вожжи, казался постарше. Оба сосредоточенно следили за дорогой и молчали.

Лошадь остановилась возле высокого забора. Из калитки выглянул сторож.

— Чего надо, господа?

Старший поднял палец к губам, зашипел:

— Тс-с... Не узнал? Я же тебя предупреждал...

— А-а. Да, да, признал, простите, господин хороший. — Сто-
рож замаялся, не зная, что сказать еще. — Сослепу-то не уви-
дел. Так вы что, это... С дамами?

— С дамами, с дамами. — Старший быстро сунул сторожу
рубль. — Только тише. Сядь на облучок, покажешь, как про-
ехать.

— А где дамы-то?

— Они ждут... В другом экипаже, тут, неподалеку.

Сторож помедлил и, решившись, вышел к пролетке.

— Ладно уж. Хорошо-с. Покажу, как не показать. — Подо-
брав плащ, уселся. Молодой достал из кармана кастет, при-
мерился — и коротким рассчитанным движением ударил сто-
рожа по затылку. Тот дернулся, вяло осел; старший ловко под-
хватил тело, не давая сползти. Поднял вожжи — и вороная
развернулась и двинулась назад по дороге, ведущей в центр го-
лодаевских болот.

Вскоре старший остановил кобылу. Зеленая вода подступа-
ла здесь к самой дороге. Молодой прыгнул с подножки, вдво-
ем они осторожно сняли тело и, привязав к ногам две чугун-
ные гири, столкнули в воду. Снова уселись в пролетку, и стар-
ший тронул вожжи.

3

Еще через три дня в Петербурге, на Московской заставе, вспыхнул крупный пожар. Пожар был из тех, которые входят
потом в городские хроники: горел электромеханический завод
фирмы «Н. Н. Глебов и К^о». Там, где стояли штабеля бочек
с варом, обмоточным материалом и нефтью, огонь временами
поднимался вверх до десяти метров. Сторож, работавший здесь
недавно, вторую неделю, так и не смог объяснить, откуда по-
явились первые языки пламени. Были вызваны пожарные; надо
сказать, подъехали они довольно быстро. Команда тут же при-
ступила к тушению, но практически ничего нельзя было сде-
лать: рухнула крыша. К трем часам утра от завода «Н. Н. Гле-
бов и К^о» ничего не осталось — только слабо дымились голые
стояки стен.

За пожаром наблюдали почти все обитатели соседних домов.
Многие из них вышли на улицу, высыпали и жильцы дома, в
котором дворничал Трофимов. Жильцы тревожно хмурились, на-
блюдая за догорающим заводом. Только сам Трофимов, присев
на корточки, плакал. Голова лежащего у забора пса была раз-
бита, но приподнявшиеся губы, обнажив бессильные теперь клы-
ки, казалось, все еще угрожают кому-то.

4

Петербургский адвокат Арсений Дмитриевич Пластов вернул-
ся с обычного утреннего променада. Открывая дверь с медной
табличкой: «К. с. А. Д. Пластов, присяжный поверенный», он
усмехнулся. Когда-то этот адрес на Моховой, 2, и медная таб-
личка были известны многим, теперь же о них постепенно на-
чинают забывать. Сам же он, тридцатилетний Арсений

Пластов, за эти годы карьеры так и не сделал, остался все тем же «к. с.»*, адвокатом без клиентуры, но зато остался честным. Пластов считал, что иначе нельзя, и вместе с другими подписал петицию против введения военно-полевых судов**.

Пластов прошелся по кабинету, тронул корешки книг, и в это время раздался звонок.

За дверью стоял хорошо одетый человек среднего роста, лет сорока — сорока пяти, с небольшой русой бородой. Он выглядел уверенным и знающим себе цену; впрочем, в его глазах адвокат уловил растерянность попавшего в беду клиента.

— Меня зовут Николай Николаевич Глебов, я владелец фирмы Глебова. Вы — Арсений Дмитриевич Пластов?

— Совершенно верно. Прошу.

Проходя вслед за гостем в кабинет, Пластов попытался вспомнить все, что читал в последних газетах о случившемся три дня назад пожаре. Как назло, в голове вертелись лишь общие слова: «пожар на электромеханическом заводе» и «миллионный убыток».

— Я весь внимание, Николай Николаевич.

— Прежде всего, Арсений Дмитриевич, хотел бы надеяться, что разговор останется между нами.

— Можете всецело на меня рассчитывать. Я адвокат, и этим все сказано.

— Наверняка вы слышали о пожаре, случившемся на моем заводе в воскресенье. Завод сгорел, его больше не существует. Я хочу получить страховую компенсацию, но обстоятельства подсказывают: без услуг юриста мне не обойтись. В качестве вознаграждения хочу предложить вам три процента от страховой суммы.

Пластов осторожно придвинул к гостю сигары — сам он не курил. Судя по поведению Глебова, дело не простое, раз речь сразу же пошла о вознаграждении.

— Где вы застрахованы? В «Фениксе»? Или в «России»?

— В «России».

— Сумма страховки?

— Полтора миллиона рублей.

Пластов с огорчением поймал себя на том, что высчитывает, сколько составят три процента от полутора миллионов. Сорок пять тысяч рублей. Да, о таких суммах он давно уже и думать забыл.

— Уточним: в каких случаях вы можете получить эти полтора миллиона?

— В страховом соглашении написано: при полной гибели объекта. Точнее: при уничтожении 90 процентов стоимости предприятия.

— И сейчас как раз тот самый случай?

* «К. с.» — коллежский секретарь, чин X класса, соответствующий военному чину «штабс-капитан».

** После поражения революции 1905 года царским правительством 19 августа 1906 года были введены в чрезвычайном порядке военно-полевые суды, действовавшие вопреки всем юридическим нормам в мирное время. Представителями общественности было направлено в адрес царского правительства несколько петиций с требованием отмены военно-полевых судов как противоправных.

— Да, тот самый. Вот страховой полис... — Глебов достал из кожаной папки полис и положил на стол.

— Кто обычно защищает ваши интересы?

— Контора «Трояновский и Андерсен».

— Сергей Игнатьевич Трояновский один из лучших адвокатов России, и вы отказываетесь от его услуг? Вряд ли кто в нашем корпусе решится перебежать дорогу такому метру. И особенно я.

— Мне рекомендовали вас как смелого человека.

Услышав это, Пластов с иронией подумал: «Милый господин, попали бы вы в мою шкуру». Глебов взял сигару, прикурил, сделал затяжку; после этого некоторое время сумрачно разглядывал корешки книг за спиной Пластова.

— Арсений Дмитриевич, до воскресенья я был богатым человеком, у меня было интересное дело, которое я любил и в котором прекрасно разбирался. Отличные сотрудники, а главное — завод. Созданный собственными руками электромеханический завод. Я ведь не только заводчик, я инженер. Теперь же... Во-первых, пропало все — и дело, и завод. Во-вторых, у страхового общества «Россия» есть серьезные сомнения: был ли этот пожар действительно ненамеренным.

— Они вас официально уведомили об этом?

— Сегодня утром ко мне пришел страховой агент «России». Пока в частном порядке, но он все же предъявил доказательства, что пожар подстроен мною.

— Простите, вы можете мне довериться: а на самом деле?

— На самом деле я не имею к пожару никакого отношения. Не знаю, откуда и как эти доказательства попали в руки страховой компании. Но, насколько я понял, спорить с ними будет очень трудно. Приписать их появление можно только странному стечению обстоятельств, но ясно: для любого суда эти доказательства прозвучат убедительно.

— Что же предлагает «Россия»?

— Мне кажется, они ведут дело к тому, чтобы я добровольно отказался от страховки.

— А если нет?

— Точных намерений «России» я пока не знаю. Но, судя по всему, если я откажусь, они начнут процесс. Ну и — вы ведь знаете, они могут нанять для борьбы со мной лучшего адвоката России. — Глебов осторожно отложил сигару, и Пластов заметил: пальцы дрогнули. — Сразу после визита страхового агента я отправился к своему постоянному адвокату Трояновскому. Конечно, Сергей Игнатьевич уверял меня, что будет драться как лев. Но... когда я попросил Трояновского высказаться откровенно — мы ведь с ним друзья, — он сказал, что на моем месте добровольно уступил бы страховку.

— Он сослался на какие-то причины?

— Нет, не сослался. Но шансов выиграть процесс, как он считает, у нас почти нет. Так что... я стою перед полным фиаско. Если я не получу страховки, мне грозит позор, долговая яма. Это в лучшем случае. В худшем, если докажут преступный умысел, — каторга.

Пластов подошел к окну, глянул на привычно оживленный тротуар Моховой. Дело скользкое, это чувствуется сразу, но

ведь впервые за много лет он получает возможность заработать большие деньги. Причем, что самое главное, честно.

— Николай Николаевич, вряд ли я помогу вам больше, чем Трояновский. И потом... если кто-то посоветовал вам прийти ко мне, он наверняка должен был сказать, что... — Пластов поймал взгляд Глебова. Тот закончил за него:

— Что вы не у дел и в черных списках? Да, меня об этом предупредили. Это сделал один из помощников Трояновского, Владимир Иванович Тиргин. Кажется, вы вместе учились?

— Володя Тиргин... Пай-мальчик, не хватающий звезд с неба. Что это он вдруг вспомнил?

— Тиргин видел, что я в отчаянном положении.

— И это все?

— Думаю, у Тиргина... Как бы это сказать, особое отношение... — Глебов сделал паузу. — Ко мне.

— Что же сказал Тиргин?

— Он целиком согласился с Трояновским, но заметил, что есть последнее, отчаянное средство — ваша помощь. Теперь я вижу — он не ошибся. Кстати, если речь пойдет о гонораре, я мог бы увеличить вознаграждение до пяти процентов.

Пластов на секунду снова повернулся к окну и невольно застыл. Внизу, у одного из подъездов, так хорошо ему знакомых, стоял невысокий человек лет тридцати пяти. Новость: Тиргин никогда не будет прятаться в подъезде просто так. Помедлив, Пластов повернулся.

— Подождем о гонораре. Прежде всего я должен решить для себя, есть ли у меня, а значит, и у вас, хоть какой-то шанс. Отлично знаю: Трояновский никогда не будет ронять марку и отказываться от дела, если есть хоть какая-то надежда на успех. — Он еще раз глянул в окно. Тиргин исчез. Что было ему нужно? Непонятно. Выслеживал? Но в выслеживании Глебова для Тиргина как будто не было никакого смысла. Мелькнуло: Тиргин — ключ к Трояновскому.

— Николай Николаевич, расскажите коротко о так называемых доказательствах страховой компании. — Так как Глебов колебался, Пластов добавил: — Вы понимаете, без них о деле не стоит и говорить?

Владелец сгоревшего завода кивнул:

— Мелких сгоревших проводов, к которым компания могла бы придраться, немало, я изложу главные. Во время пожара на заводе находился один сторож, что естественно, так как был выходной день. Обычно мои сторожа всегда отлично справлялись с обязанностями. Но на этот раз сторож был, мне кажется, просто пьян. Видите ли, последние несколько лет сторожами у меня работали опытные люди, совершенно не пьющие. Дежурили они через день. Но... за пять дней до пожара одного из них, Ермилова, я уволил. Признаться, сейчас я вижу, что без всяких причин. Как говорится, этот Ермилов попал мне под горячую руку.

— Из главных причин все?

— Да, если не считать покупки семидесяти бочек нефти и вара перед самым пожаром. Видите ли, нефть входит в состав изоляционного материала для проводов. Эти семьдесят бочек, годовой запас, я, как назло, принял и разместил на заводе в субботу, перед самым пожаром.

— Получается, вы действительно подготовили условия для того, чтобы завод сгорел.

— Получается.

— Из фактов, говорящих против вас, все?

— Как будто все... Естественно, имели место другие мои оплошности, скажем, отсутствие предохранительных противопожарных переборок, большое количество разбросанного по заводу прессшпана, кое-что другое, но это... нужно считать лишь дополнением.

— Да, обстоятельства более чем грустные. — Пластов встал; Глебов поднялся вслед за ним. — Думаю, Трояновский прав, серьезный юрист вряд ли возьмется за это дело.

В кабинете наступило неловкое молчание.

— Вы мне отказываете?

— Николай Николаевич, если говорить честно, да, отказываю. Глебов усмехнулся.

— Что ж. Имею честь.

— Подождите. — Они медленно двинулись к выходу. — Если вы дадите мне некоторое время на размышление, не исключено, что я все-таки за него возьмусь.

Глебов остановился у двери, взял шляпу.

— Что значит «некоторое время»?

— Ну, допустим, день, два.

— Что ж... У меня нет другого выхода.

— Понимаю... В «России» пока ничего не говорите. Скажите: вам нужно подумать. Постарайтесь как можно дольше оттянуть момент решительного разговора. Я же... Я позвоню вам в самое ближайшее время. — Пластов шелкнул замком, приоткрыл дверь. — Скажите, кому из людей на заводе вы могли бы доверять?

— Каждому.

— Так не бывает.

Глебов задумался, достал из кармана глянцевую тетрадку:

— Возьмите, это рекламный каталог нашего завода. Там вы найдете интересующие вас адреса, телефоны, имена. Если говорить об особо доверенных, я бы назвал директора-распорядителя Гервера, начальника производства Ступака, инженеров Субботина и Вологодина.

— Спасибо. — Пластов спрятал проспект, вышел вместе с Глебовым на лестничную площадку. — Значит, старого опытного сторожа вы выгнали. Откуда взялся новый?

— Его по моему запросу прислала биржа труда — естественно, с рекомендациями. Я очень тщательно подхожу к отбору людей.

— А где сейчас старый сторож... Ермилов, по-моему? — Так как Глебов замешкался, Пластов пояснил: — Я имею в виду, нашел ли он другую работу?

— Думаю, нашел... Это был человек толковый и дельный. Сейчас я уже жалею, что выгнал его.

— Но где он и что с ним, вы не знаете?

— Нет. Сами понимаете, мне сейчас не до этого.

— Кто мог бы указать мне его адрес?

— Думаю... Думаю, это знает Гервер, директор-распорядитель.

— Хорошо. О своем решении я вас уведомлю.

Вернувшись в кабинет, Пластов быстро записал в блокнот: «На сегодня: Гервер, Ступак, Субботин, Вологдин». Помедлил — и добавил: «Бывш. сторож, Тиргин».

Спустившись во двор с черного хода, Пластов заглянул в дворницкую. К здешнему дворнику он обращался не раз, по поручению Пластова тот ходил и в университет.

— Михеич, выручи, братец? Вот тебе пятиалтынный, сходи-ка в университет? Ты ведь комнату пятикурсников знаешь? Там ночует Хржанович, попроси передать — пусть сегодня-завтра заедет ко мне.

После этого Пластов поехал к Московской заставе. Пока мимо ползли дома Литейного и Владимирского проспектов, а потом Загородного и Забалканского, внимательно просмотрел рекламный проспект завода «Н. Н. Глебов и К^о». Четыреста рабочих, средняя стоимость продукции триста тысяч рублей в год, традиционное производство — оборудование для силовых и осветительных станций, электромашины, небольшие генераторы; в последнее время завод стал осваивать выпуск пускорегулирующей аппаратуры. В трамвае он встал у окна на задней площадке и, проезжая место в начале Забалканского проспекта, где раньше тянулось саженой на сто предприятие Глебова, хорошо разглядел то, что осталось от бывшего электромеханического завода. Часть лежащей на земле крыши, разбросанное и покрытое копотью оборудование... Нет никакого сомнения — завода Глебова больше не существует. Трамвай шел медленно, и Пластов успел рассмотреть окружавшие заводскую территорию дома и тянувшийся слева от завода изрытый канавами и ямами, заросший кустарником пустырь. Место пожара окружало веревочное ограждение; большинство прохожих сейчас шли мимо, не задерживаясь.

Трамвай остановился далеко от заводской территории, и Пластову пришлось идти пешком. Он не спеша прошел мимо пустыря, внимательно разглядывая тянущиеся вдоль бывших заводских стен рывины, слежавшиеся глыбы, сухой выветрившийся суглинок и покрывающий его бурьян. Пустырь как пустырь, и все же Пластов подумал: если допустить, что кто-то захотел бы ночью незаметно подойти к заводу, самым удобным было бы подойти именно отсюда. Вглядевшись в непроходимые дебри кустарника, скрывающие застарелые кучи мусора, добавил: для этого надо было бы также обладать ловкостью и сноровкой.

Рабочие, разбиравшие завалы, не обратили на него никакого внимания. Они выполняли указания человека в белой инженерской тужурке. Пластов коснулся шляпы:

— Прошу прощения. Меня зовут Арсений Дмитриевич Пластов. Я хотел бы видеть кого-либо с завода Глебова. Я адвокат и, может быть, буду защищать интересы вашей фирмы.

Человек в тужурке повернулся:

— Начальник производства Федор Илларионович Ступак. Что именно вас интересует?

— Все, что вы знаете о пожаре.

— Завод сгорел быстро. В шесть утра в воскресенье мне позвонил Субботин, наш инженер. В половине седьмого я был на месте. Конечно, все уже сгорело. Оставалось только под-

считывать потери, чем я и занялся. С теми, кто успел подъехать.

— Таких было много?

— Некоторая часть рабочих, матросы.

— При чем здесь матросы?

— По просьбе Морского ведомства завод в последнее время выполнял некоторые заказы для флота.

— Если это представляет военный секрет, вы можете не говорить, но... Мне хотелось бы знать, что это были за заказы?

— Инженер Вологдин на испытательной станции модернизировал генераторы для радиостанций учебно-минного отряда.

— Удалось что-то спасти?

— Все самое ценное сгорело. Остался десяток пригодных к реконструкции динамо-машин, одну из них я и пытаюсь вытащить. Морякам повезло еще меньше — они обнаружили лишь три генератора с более или менее сохранившейся обмоткой. Извините, я спешу.

— Ради бога, еще минуту. Чем вы можете объяснить возникновение пожара?

— Думаю, могло произойти самовозгорание. Погода стояла сухая. Сторож свою вину категорически отрицает, да и поджог завода не имел для него никакого смысла.

— Как будто он работал на заводе недавно?

— Около недели.

— Как я слышал, старого сторожа директор уволил без всяких причин?

— Не знаю, но могу заверить — вряд ли, Глебов отнюдь не сумасброд. Впрочем, о причинах спросите лучше Гервера, директора-распорядителя.

— Глебов сказал мне, что Гервер может указать и адрес бывшего сторожа?

— Видите дом за пустошью? Не знаю, как сейчас, но раньше сторож жил там. Попробуйте спросить Ермиловых, дворник наверняка знает.

— Спасибо. Последний вопрос: кому принадлежит этот участок земли? Пустующий.

— Городским властям. Знаю, Николай Николаевич мечтал начать строительство нового цеха, и несколько раз заходил разговор о приобретении участка. Но каждый раз выяснялось, что сделать это по каким-то соображениям городского начальства не так просто. — Ступак развел руками. — Извините, меня ждут рабочие.

Спустившись в подвал указанного Ступаком дома, Пластов долго стучал в покрытую застарелой коричневой краской дверь. Увидев в открывшейся двери небритое опухшее лицо, спросил:

— Вы дворник?

— Барин, извини... Горе у меня... — Дворник всхлипнул. — За что, главное? Всю голову — вдрызг... Ведь собака, она как человек... А, барин? Разве ж можно? Она ж чувствует... А ей всю голову — вдрызг... Извини уж, барин... Нету теперь Шарика... Нет... Нет сторожа нашего...

Пластов попытался понять хоть что-то в этом бессвязном объяснении. Убили собаку... Сам по себе факт малопримечательный, но все же — этот дом стоит у пустыря, заводская сте-

на рядом. Впрочем, вряд ли в таком состоянии дворник сможет что-то объяснить.

— Когда убили твою собаку?

— Шарика-то? — Дворник не понимал, что кто-то может всерьез этим интересоваться. — Моего-то? Да уж четвертый день, барин, четвертый пошел... В субботу, значит...

— В субботу, говоришь? Как раз когда пожар был?

— Д-да, барин... На воскресенье, в ночь... П-пойду, извини...

— Подожди. Где живут Ермиловы?

— Ермиловы — на третьем этаже, восьмая квартира... — Икнув на прощанье, дворник захлопнул дверь. Решив про себя, что с дворником надо будет поговорить, когда он протрезвеет, Пластов поднялся на третий этаж и позвонил в восьмую квартиру. Открывшая дверь женщина средних лет прищурилась, недоверчиво разглядывая его.

— Что вам? Небось ошиблись, барин?

— Если Ермилов здесь живет, не ошибся.

— Я Ермилова, а зачем он вам? Муж мой в отъезде, уехал на заработки.

— Я адвокат, может быть, я смогу чем-то помочь...

— Не нужно нам помогать, мы не бедствуем... Не нужно, оставьте нас, господин хороший, оставьте... Я все сказала. — Женщина смотрела с вызовом, и Пластов понял: что-то вытянуть из нее сейчас не удастся. — До свиданья, не обессудьте.

5

Как понял Пластов, дверь в квартиру ему открыл сам хозяин. Еще не зная, зачем пришел гость, этот человек чуть прищурил глаза и приветливо улыбнулся. Он был без пиджака, но с аккуратно повязанным и заправленным под жилет галстуком, на вид чуть старше Пластова. Адвокат поклонился:

— Если вы Василий Васильевич Субботин — я к вам.

— Да, я Субботин. Простите, не имею чести знать?

— Меня зовут Арсений Дмитриевич Пластов, присяжный поверенный. — Пластов протянул было руку к карману, чтобы достать визитную карточку, но Субботин остановил его:

— Прошу вас, проходите. — Пропустил Пластова, дождался, пока тот снимет шляпу, показал на открытую дверь: — Правда, я не один, у меня гость, но это мой близкий друг. Думаю, вряд ли он нам помешает. Вы не против?

Пластов вошел в кабинет; навстречу мягко поднялся молодой человек с темными усами, бородкой клинышком и каштановыми, рано начавшими редеть волосами.

— Знакомьтесь: мой друг и прекрасный инженер Валентин Петрович Вологдин. Валентин Петрович — это Арсений Дмитриевич Пластов, адвокат. Садитесь, Арсений Дмитриевич. Сразу же поясню: вашим визитом я не удивлен. Мне звонил Николай Николаевич, предупредил, что вы можете зайти. Кофе? Коньяк? Вы курите?

— Спасибо, не курю, от кофе не откажусь.

Вологдин все это время сидел в глубоком кресле, рассматривая что-то за окном.

— Отлично, будем пить кофе вместе. — Субботин присел. —

Насколько я понимаю, вы пришли в связи с пожаром? Так вот, если хотите о чем-то спросить, мы с Валентином Петровичем готовы ответить. Чтобы вы имели представление, я — расчетчик и конструктор, Валентин же Петрович... — Так как Вологдин по-прежнему не смотрел в их сторону, Субботин с улыбкой добавил: — Валентин Петрович — один из самых талантливых электротехников-высокочастотников, которых я знаю. Причем не только в России, но и в мире.

Продолжая смотреть в окно, Вологдин дернул плечом:

— Василий Васильевич, зачем так?

Повернулся к Пластову:

— Объясню простую вещь: Василий Васильевич Субботин мой учитель. Всем, что я знаю о высокочастотных машинах, я обязан ему. Да, да, Василий Васильевич, только вам.

— Начались реверансы. — Субботин махнул рукой. — Сейчас принесу кофе, а то... — Не договорив, он ушел, из кухни донесся его голос: — Арсений Дмитриевич, запомните — вы еще услышите фамилию Вологдина. Да, да, мы все еще будем гордиться, что сидели рядом с ним. — Его не было довольно долго, вернулся он с подносом, дружески тронул Вологдина за плечо. — Прошу, кофе, кажется, получился неплохим. Не спорю, когда-то я действительно кое-чему научил сего юношу. Научил. Но потом... — Поставил перед Пластовым чашку. — Ученик обогнал учителя. Впрочем, он уже не ученик.

— Я слышал, Валентин Петрович занимался на заводе конструированием генераторов? — Сказав это, Пластов тут же подметил — Субботин и Вологдин переглянулись. Так как в воздухе повисла некая настороженность, добавил: — Как будто это были генераторы для радиостанций?

— Совершенно верно. — Субботин поставил чашку. — Простите, а кто вам это сказал?

— Федор Илларионович Ступак.

Субботин снова переглянулся с Вологдиным.

— Что же сказал Ступак? Я имею в виду, о каких генераторах у вас шла речь?

— Насколько я помню, о генераторах... для радиостанций учебно-минного отряда. Так ведь?

На лице Вологдина гримаса — как от неожиданной боли. Вздохом Субботин как бы отстранил эту гримасу.

— Да, есть, вернее, были такие. Мы их называем «генераторы для станций УМО». По теперешним понятиям это довольно примитивные конструкции. Для флота они устарели, ну и... Валентин Петрович их несколько модернизировал.

— Как мне объяснил Федор Илларионович, они сгорели?

— Сгорели, увы. Но по сравнению с общими потерями гибель нескольких генераторов УМО — убыток небольшой. — Субботин стал вдруг мрачнее тучи. — Вы не представляете даже, что мы потеряли. Не завод, нет... Хотя, конечно, и завод тоже... Но пропало нечто большее. Мы потеряли мысль... Даже не мысль, а полигон мысли. Нашей мысли.

Первым тишину нарушил Вологдин — встал, сцепил руки, принялся ходить по кабинету.

— Черт. Я в это время был в отъезде. Как назло. Приехал только во вторник.

Субботин покосился на него будто успокаивая, постучал пальцами по столу.

— Арсений Дмитриевич, насколько я понимаю, у Николая Николаевича сложности с получением страховки?

— Это то, что я сам лично услышал от Глебова. Собственно, если я возьмусь за защиту интересов вашей фирмы, моя задача будет узкой — доказать, что возникший на заводе пожар следует считать стихийным бедствием. А не умышленным поджогом.

— Считаю, все разговоры о поджоге завода владельцем — нелепость и чушь, — сказал Субботин. — Глебов никак не был заинтересован в гибели собственного завода. Конечно, Николай Николаевич Глебов, выражаясь грубо, заводчик и капиталист. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но Глебов глубоко порядочный человек. Сама мысль о мошенничестве должна быть ему противна. И не забудьте, в конце концов ведь этот завод — его детище.

— Прекрасные слова. Однако нам могут возразить: в случае выплаты страховки Глебов получит полтора миллиона. Годовая же продукция стоит гораздо меньше, всего триста тысяч.

— Ну и что? Что такое годовая продукция? Пять лет — и вот они, ваши полтора миллиона! Но завода-то нет! Не-ет!

Володин теперь прислушивался к их разговору с интересом. Пластов заметил:

— На процессе я обязательно возьму вас помощником, своим красноречием вы убедите кого угодно. Но меня тревожит здесь многое.

— Например?

— Например, почему колеблется постоянный адвокат Глебова Трояновский? Ведь практически он отказался вести дело.

— Я плохо знаю Трояновского. Но очень может быть — уж простите меня — Трояновскому дали куш, чтобы сберечь гораздо большие деньги. Разве таких случаев не было?

— Сомневаюсь, у каждого адвоката есть престиж, и особенно у такого известного, как Трояновский. Но допустим. А нефть? Зачем Глебов купил нефть перед самым пожаром?

— Опять нефть! Разве не может быть совпадений? Да, Глебов купил годовой запас нефти, но ведь он имел на это полное право.

— Увы, для судей нет совпадений. Для них существуют только факты. Наконец, что за загадочная история со сторожами?

— Вы правы, здесь я не совсем понимаю Глебова. Уволить опытного сторожа было более чем легкомысленно.

Простившись и выйдя из квартиры, Пластов поехал на Петроградскую сторону. В пути прикинул, что нужно сделать еще, и решил: встретиться с Тиргиным, а также выяснить обстоятельства гибели собаки.

На Петроградской стороне некоторое время он стоял у подъезда одного из домов на Большом проспекте, между улицами Подковыровой и Бармалеевой; на этом подъезде скромно желтела медная табличка: «Юридическая контора «Трояновский и Андерсен». Прием посетителей от 10 утра до 7 вечера». Пластов решил, что самое лучшее — встретиться с Тиргиным как бы случайно, на улице. Постояв, зашел в небольшую кофейную на-

против, занял столик у окна и, заказав кофе, продолжал наблюдать за выходом из конторы — заодно снова обдумывая положение. Был конец рабочего дня, сотрудники конторы «Трояновский и Андерсен» выходили из подъезда. Многих из них Пластов знал в лицо; к семи вышел и сам Трояновский, но его помощника Пластов так и не дождался. Расплатившись, снова поехал к Московским воротам. Вошел во двор знакомого дома, спустился в подвал к дворнику — и около двадцати минут стучал в дверь. Какое-то время ему казалось, что за дверью слышны звуки, он постучал сильнее, после этого кто-то закрыл и заворочался, но дверь ему так и не открыли. Стукнув последний раз, Пластов вышел во двор, огляделся. Стал к конуре спиной, вглядываясь в пустырь. Сейчас он пытался понять — почувствовала ли собака непривычное ей движение — там, вдали, у заводской стены? Конечно, все зависит от собаки, но опытный пес, безусловно, что-то учуял бы и насторожился. Кроме того, если кто-то решил бы миновать собаку, ему пришлось бы проламываться сквозь труднопроходимый кустарник. Помедлив, вступил на тропинку. Касаясь плечами кустов и раздвигая ветки, двинулся к заводу; изредка ему приходилось прыгать через ямы, канавы и перебираться через мусорные кучи. Спустившись в одну из канав, Пластов посмотрел вверх: сейчас он стоял будто в колодце. Хотел было взмахнуть на бруствер, но перед ним, отделившись от кустов, выросла и застыла серая фигура. Изъеденное оспой лицо, редкие усики, взгляд — непрерывно дергающийся, не останавливающийся на одной точке. Пластов машинально оглянулся — сзади стоит еще один человек, приземистый, с опущенным на глаза чубом. Оба в потертых ситцевых рубахах, оба держат руки в карманах. Незаметно оглядел кусты — отступления нет. Рябой покачал головой: — Погодь чуток, голубь. Ты кто будешь-то? — Не дождавшись ответа, бросил: — Вань, это он днем тут болтался?

Со стыдом и отвращением к себе Пластов вдруг почувствовал страх. С трудом выдавил из себя:

— Пропустите немедленно! Позвольте! — Сделал шаг вперед. — Позвольте пройти, господи!

— Он... — сказал задний. — Болтался тут, чего-то вынюхивал.

Рябой продолжал улыбаться, но рука в кармане напряглась:

— Ага... Кто ж ты будешь-то, мил человек? Ты, может, из полиции? Чего тебе тут интересного оказалось?

— Вы не имеете права... — Пластов постарался собраться и успокоиться. Одновременно быстро скользнул по земле взглядом, надо найти хоть камень или кирпич. Рябой укоризненно вздохнул:

— Не ищи, голубок ты наш. Нет тебе пути назад, нет. А не ответишь, кто таков, — прищем, мил человек, и правильно сделаем. Неча тут крутиться, неча вынюхивать. Так кто ж ты таков есть?

Ни в коем случае нельзя говорить им, кто он. Во-первых, это хоть как-то, но оттянет расправу, во-вторых, скорей всего они лишь пугают его. Главное для них — выяснить, кто он. Вряд ли они действуют по собственной инициативе. Нельзя давать им козырь — на случай, если он вырвется.

— Сейчас же пропустите меня. В случае применения силы вы будете наказаны. Я официальное лицо. — Он попытался вспомнить уроки бокса. Бесполезно — против двух ножей бокс бессилен.

— Официальное, говоришь? — Рябой дернул подбородком, как понял Пластов — подавая особый знак заднему.

— Врет, — отозвался задний. Пластов чувствовал за спиной его дыхание. — Чужой он, наши ничего не говорили.

— Молчи, без тебя вижу, — тут же рука рябого вылетела из кармана вперед. Острие ножа шло точно в живот, но Пластов каким-то чудом сумел увернуться, одновременно прыгнув вперед. Еще в воздухе он ощутил резкий ожог сзади и понял, что чубатый успел ударить. Кажется, нож попал чуть ниже пояса — но времени на размышление не было. Падая, он все-таки не позволил себе упасть. Скорее почувствовал, чем увидел — противники на секунду столкнулись, это помогло ему выиграть несколько секунд, и, оказавшись наверху, он бросился по петляющей тропке. Сердце готово было вырваться из горла, сзади, метрах в пяти, слышался резкий хрип и топот догоняющих; сообразив, что далеко не уйдет, он рухнул в мелькнувший на пути просвет в ветках. Быстро отполз в сторону, затих. Он совсем не надеялся, что таким образом скрылся, поэтому, обернувшись, попытался найти среди валяющегося мусора что-то твердое. Увидел ржавый стальной прут, притянул к себе и, крепко сжав, отвел в сторону. Теперь у него есть какое-то оружие. Прислушался — кажется, преследователи проскочили мимо. Развернулся, чтобы встретить опасность лицом, — все тихо. Через минуту услышал, что его ищут где-то совсем близко. Шум, шуршанье кустов и ругань то приближались, то отдалялись. Наконец услышал шаги, разговор вполголоса, все стихло, но почти тут же искавшие вернулись, сквозь просвет в кустах Пластов хорошо видел их рубахи. Рябой сказал:

— Ты зачем о «наших» говорил, гад вшивый? Какие «наши», мы есть мы, кто тебя тянул за язык?

— Да я думал...

— Думал... Пошли, с того конца посмотрим...

Вскоре Пластов снова услышал треск кустов. Оба еще два раза прошли мимо, не останавливаясь. Потом наступила тишина. Кажется, пытавшиеся его убить ушли. Но Пластов, не доверяя затишью, еще около часа сидел в зарослях, сжимая прут. За это время он успел ощупать царапину на ягодице — она была хоть и глубокой, но безопасной, нож распорол брюки и повредил мышцу. Наконец, решив, что ждать здесь ночи бессмысленно, стал пробираться к проспекту. Он двигался ползком, через каждые несколько шагов прислушиваясь; в конце концов, передвигаясь на четвереньках, оказался у самой дороги. Подумал: вряд ли нападавшие ждут его именно в этом месте. С досадой вспомнил о следах крови на брюках, выпрямился и, заложив руки за спину, встал у края тротуара в ожидании извозчика. Прута из рук он все-таки не выпускал — эти несколько минут, бесконечно долгих, в течение которых он ждал желанного цоканья копыт, дались нелегко. Он старался стоять непринужденно, не привлекая внимания прохожих, но, ожидая нападения, непрерывно косился по сторонам. Наконец показалась про-

летка. Вскочив на сиденье, Пластов бросил извозчику: «На Моховую, быстро!» — но только после того, как лошадь резво взяла рысью, опустил прут под ноги.

Пролетку попросил остановить у самого дома; расплатившись с извозчиком, на всякий случай взял прут и, войдя в подъезд, прислушался. Как будто все вокруг спокойно, но на третий этаж он поневоле поднялся, перемахивая через две ступени. Остановился у квартиры, сказал сам себе: ну и перетрусил ж ты — и тут же услышал скрипнувшую соседнюю дверь. Облегченно вздохнул: Амалия Петровна. Она всегда ждет его прихода и передает новости. Обернулся так, чтобы не был виден прут. Седые бровки взбиты, голубые глаза смотрят с укором:

— Арсений Дмитриевич, ай-яй-яй, вас весь день нет и вы так поздно...

Пластов услышал, как внизу хлопнула дверь, напрягся. Амалия Петровна выросла в Курляндии, но в Петербург перебралась давно, обрусела.

— Бедненький, наверное, устали?

Пластов поклонился, скрывая прут:

— Да, пришлось заниматься делами. Кто-нибудь приходил?

— Приходил Хржанович...

— И что же?

— Просил передать, что зайдет завтра днем. И еще два раза приходила барышня...

— Какая барышня?

Соседка закатила глаза:

— Кто она, не знаю, но красивая! Очень красивая барышня и совсем молоденькая! Лет двадцати, а может, и моложе... Сразу видно, из хорошей семьи, одета прямо с картинки и держится превосходно.

Войдя в свою квартиру, Пластов положил прут на подоконник. Постоял, усмехнулся собственным страхам. Прошел в ванную, вымылся, прижег царяпину йодом, накинул халат. На кухне заварил кофе, сел, поставил перед собой чашку и вдруг почувствовал, что только сейчас начинает приходить в себя. Отхлебнул кофе, попытавшись понять, что же происходит? Кажется, кому-то очень не понравилось его появление на пустыре. Впрочем, может быть, дело совсем не в пустыре? В чем же? Допустим, в том, что он разговаривал с дворником и с Ермиловой? Нет, скорее всего дворник и Ермилова здесь ни при чем. Кажется, нападавшие не зря подстерегали его именно на пустыре. Они действовали не по собственному почину, кто-то стоял за их спиной, и если бы ему удалось выяснить кто — многое бы стало ясным. «Наши». Кто такие «наши»? Пока об этом можно только гадать. И все-таки надо будет точнее узнать, кому принадлежит пустырь. А также, на какие заработки и куда именно отправился бывший сторож Ермилов. И не мешает подробней выяснить, при каких обстоятельствах убили собаку. Ясно, этот незначительный факт должен был затеряться среди других событий, но ведь это случилось как раз в ночь пожара... Дело явно нечисто, и очень похоже, что Глебов здесь ни при чем. Если завод подожгли, то зачем? Судя по поведению Трояновского, в этом были заинтересованы серьезные силы. Сможет ли он противостоять этим силам — один? Сомнительно,

к тому же пока он не знает даже, что это за силы. Конечно, если он добьется, чтобы Глебову выплатили страховку, то получит семьдесят пять тысяч рублей. Но во-первых, во время расследования он рискует истратить последние сбережения, ничего не получив взамен. Во-вторых, если он, взявшись за дело, проиграет его, на его адвокатской карьере окончательно будет поставлен крест. Подумав об этом, Пластов отставил чашку, прошел в спальню, потушил свет. Лег, накрылся одеялом — и вдруг понял, как именно сомнение ему мешало.

6

Сомнение было не только в том, что так понравившиеся ему Субботин и Вологдин все-таки что-то от него скрывали, но и в некоторых частностях. Утром он подытожил эти частности на бумаге. Встав в восемь, Пластов принял ванну, позавтракал, сел за стол и написал в блокноте: «Субботин — Вологдин — генераторы УМО — Ступак — выяснить подоплеку?» Помедлил, подчеркнул фамилию «Субботин» и дописал еще одно слово: «облегчение?». Попытался еще раз вспомнить вчерашний разговор до последнего слова. Дело было именно в облегчении, которое испытал Субботин и, кажется, Вологдин, когда оба узнали, что о генераторах УМО Пластову рассказал Ступак. А когда они насторожились? Насторожились они после слова «генератор». Почему же то, что о генераторах ему сообщил Ступак, их так успокоило? Ведь, по словам Субботина, генераторы УМО — примитивные конструкции, не представляющие интереса? Да, без всякого сомнения, если он решится взяться за дело Глебова, надо будет прежде всего выяснить, что за всем этим скрывается, разобраться в тонкостях.

Только он подумал, что сделать это нужно напрямую, спросив о генераторах УМО самого Глебова, как раздался звонок. Открыв входную дверь, увидел девушку лет двадцати. Одета в отлично сшитый костюм «тальер» с модной низкой застежкой и большим воротником. Увидев Пластова, девушка растерянно улынулась.

— Ради бога, не сердитесь за этот неожиданный визит. Поверьте, у меня чрезвычайные обстоятельства. Меня зовут Елизавета Николаевна Глебова. Вы господин Пластов?

— Совершенно верно, я Пластов. Проходите, Елизавета Николаевна.

Подождав, пока девушка сядет в кабинете, спросил:

— Насколько я понимаю, вы дочь Николая Николаевича Глебова?

Вдруг, уткнувшись лицом в ладони, девушка разрыдалась. Плач этот был почти беззвучен, только вздрагивали плечи. Пластов попытался успокоить ее.

— Елизавета Николаевна, перестаньте, прошу вас... Подождите, я дам вам воды...

Пригнулся и услышал:

— Н-не нужно... воды... п-пожалуйста... Арсений Дмитриевич... — Морщась, вдруг стала снимать с безымянного пальца кольцо. Он глянул мельком: перстень дорогой, старинной работы, с четырьмя крупными бриллиантами чистой воды,

— Что вы делаете?

— Вот, возьмите... Оно ваше... — Не глядя на него, она положила кольцо на край стола. — Только спасите папу. Ну пожалуйста... — Ее лицо кривилось, она судорожно дышала.

— Сейчас же наденьте кольцо... Вы с ума сошли! Елизавета Николаевна, слышите? Я очень прошу, наденьте, иначе я не буду с вами разговаривать!

Всхлипывая, она судорожно надела кольцо на палец. Сказала, глядя в пространство:

— Все равно это к-кольцо в-ваше...

Он попытался говорить спокойно, это было трудно, в конце концов не каждый день видишь таких красавиц.

— Откуда вы узнали обо мне?

— Владимир Иванович Тиргин... Мне сказал... Что с папой кончено... Он разорен... Поймите, я не боюсь бедности... Я всегда найду себе работу... Но отец и мама... Особенно если будет суд... Они не выдержат... Это конец, вы понимаете, конец! — Она опять зашлась слезами.

«Тиргин, — подумал Пластов. — Нет, с ним обязательно нужно поговорить».

— Пока еще ничего неизвестно, Елизавета Николаевна.

— Все известно... Все... Если дойдет до процесса, это каторга. Но только... Только я просто не понимаю, что происходит... Все вокруг уверены, что завод поджиг папа... Но ведь ему не нужны деньги, ему нужно совсем другое... — Она закрыла лицо руками, замотала головой. Он дал ей воды, она стала пить, расплескивая воду.

— Успокойтесь. Вы сказали — все уверены, что завод поджиг ваш отец. Кто эти «все»?

Девушка поставила стакан на стол, все еще глядя куда-то за плечо Пластова.

— Ну все. Рабочие. Сотрудники. Страховое общество.

— Страховое общество можно понять.

— Трояновского тоже можно понять? Он ведь считался другом семьи, много лет приходил к нам, а теперь? Теперь отзывается даже брать дело! Трус! — Губы Лизы крепко сжались, глаза потемнели.

— Скажем лучше так: не трус, а расчетливый человек.

— Никакой он не расчетливый человек, а мерзавец и трус. Но когда я узнала, что так считает и Всеволод Вениаминович...

— Всеволод Вениаминович — это кто?

— Гервер, наш директор-распорядитель. Он порядочный человек, но... — Лиза скомкала платок. — Просто я ничего не понимаю. Он тоже считает, что завод сгорел не без ведома папы.

Гервер — тот, кому верит Глебов. Сейчас он узнает и о других, надо проверить свои впечатления.

— А остальные сотрудники вашего отца? Скажем, Ступак?

— Ступак? — Лиза помедлила. — Нет, Федор Илларионович верит отцу.

— А другие? Вот, например, инженеры Субботин и Вологдин?

— Субботин? Да вы что. Он не из породы предателей. Это кристально честный человек.

— А Вологдин?

— Вологдин? — Пластову показалось: Лиза слегка покраснела. — Вологдин вообще...

— Как понять — «вообще»?

— Вы просто не знаете Вологдина. Это... Это счастье, что он оказался у нас на заводе. Ведь ради того, чтобы работать у папы, Валентин Петрович бросил университет, где был оставлен для научной работы. Вологдин считается у нас ведущим инженером... Но главное не в этом.

— А в чем?

— Это просто... Это просто гениальный человек.

Глаза ее сузились, она посмотрела на адвоката, будто ожидая возражений, но Пластов промолчал.

— Вы думаете, я преувеличиваю?

— Нисколько, Елизавета Николаевна.

— Но это в самом деле талант. Огромный. Вот увидите. Он войдет в историю.

Уже второй человек говорит, что Вологдин войдет в историю. «Как ни жаль, — подумал Пластов, — но кажется, Вологдин прежде всего войдет в историю семьи Глебовых». И вдруг понял, что может выяснить сейчас нечто очень интересное.

— Простите, Елизавета Николаевна, вы знаете, что такое генераторы УМО?

— Генераторы УМО... Где-то я слышала эти слова, но где... Может быть, от папы?

— Подскажу: работы с ними производились на заводе вашего отца.

Лиза закусил губу, виновато улыбулась:

— Вряд ли я вам здесь помогу... За моими плечами только гимназия и курсы... Я только слышала, но ничего об этих генераторах не знаю. Хотя... Как-то я слышала от Василия Васильевича Субботина, что Валентин Петрович недавно начал работать над каким-то важным изобретением. Похоже, это тоже какой-то генератор...

Пластов постарался сдержать себя, слова Лизы подтвердили его догадки.

— Важное изобретение? Вы говорите — недавно?

— Да, совсем недавно, чуть больше двух месяцев... Как будто он все последнее время что-то конструировал на заводе, на испытательной станции. Это была какая-то важная машина, но какая — я не помню. Честное слово.

— Как следует понимать — «была»? Ее теперь нет?

— Д-да, как будто бы...

— После пожара она не сохранилась? Или сохранилась?

— Наверное, я кажусь ужасной душой? Наверняка эта машина не сохранилась, ведь все сгорело... Так ведь? Если хотите, я могу спросить у Валентина Петровича?

— Спасибо, но этого делать не нужно. Все выясню сам.

— Хорошо. — Вздохнула. — Так... Арсений Дмитриевич? Вы поможете нам?

«Кажется, другого выхода у меня просто нет», — подумал Пластов.

— Елизавета Николаевна. Я попробую взять на себя защиту интересов вашего отца. — Лиза тут же приподнялась — он

поднял руку, останавливая ее: — Но вы должны мне помочь.

— Я сделаю все, о чем бы вы меня ни попросили.

— В сложившихся обстоятельствах то, что мы с вами знакомы и вы будете помогать мне, — большой козырь. Чем меньше людей будут знать об этом козыре, тем лучше.

— Хорошо. Но в чем должна заключаться моя помощь?

— Пока ни в чем. Если что-то покажется вам подозрительным в связи с отцом и его окружением, немедленно позвоните мне. Может быть, позвоню я, но постараюсь прибегать к вашей помощи как можно реже.

Проводив Лизу, Пластов вернулся в кабинет и вызвал по телефону Глебова:

— Николай Николаевич? Я решил взяться за ваше дело. Вы узнали, это Пластов?

— Узнал, Арсений Дмитриевич. Очень рад, спасибо. Если не возражаете, мы можем сейчас же оформить официальный договор?

— Я действительно хотел бы это сделать. Возможно, мне придется обращаться во многие инстанции...

Решив пройтись до нотариальной конторы пешком, Пластов вышел на улицу и нос к носу столкнулся с Хржановичем. Краснощекий крепыш обиженно остановился:

— Ну вот, Арсений Дмитриевич, я вчера два раза заходил!

В жизни довольно полного для своих двадцати двух лет блондина Вадима Хржановича были две тайные душевные раны, два скрытых несчастья, которыми он постоянно тяготился: излишняя полнота и родители, вернее — отец. Потомственный пекарь Савелий Хржанович сделал все, чтобы во что бы то ни стало дать сыну приличное образование. Своей цели он почти добился и теперь не понимал, почему его сын вдруг связался «со смутьянами». С полнотой Хржанович непрерывно и безуспешно боролся, родителей же — и особенно отца — стыдил. Хржанович был любимым и одним из самых талантливых учеников Пластова, читавшего в свое время в университете курс уголовного права. Хржанович числился отличником до последнего, пятого курса, но, несмотря на прекрасную успеваемость, в начале 1912 года за участие в студенческих беспорядках был отчислен из университета. Более того, бывшего пятикурсника поставили на учет в полицейском участке как политически неблагонадежного.

Пластов улыбнулся, взял бывшего ученика под руку:

— Как живешь?

— Да так... — Хржанович помрачнел.

— Пошли к Невскому. Можем не спешить, у нас в запасе час. Что, опять нелады с родителями? Неужели снова ушел?

— Ушел, не могу больше... — Хржанович шел, опустив голову и сунув руки в карманы. — Сплошное мешанство.

— Ладно, об этом после. Проводишь меня до нотариальной конторы, я берусь за большое дело. Подробности на ходу, но признаюсь: без тебя мне не обойтись. Поможешь? В случае успеха получишь большой процент!

Хржанович покраснел:

— Арсений Дмитриевич! Да я... Да вы что — первый раз меня видите?

— В таком случае слушай внимательно... Я берусь защищать интересы фирмы «Н. Н. Глебов и К⁰», по пожару на заводе Глебова, ты о нем наверняка слышал. Страховая фирма отказывается платить страховку, и моя задача — доказать, что Глебов не имеет отношения к этому пожару. Пока, по первому впечатлению, — поджог был, но как будто организовал его не Глебов. Так вот: сейчас ты поедешь на место пожара. Предупреждаю: будь крайне осторожен, меня там вчера чуть не убили.

— Вас? Кто?

— Два каких-то типа, кто они, понятия не имею. Объяснять нет времени, но думаю, их кто-то нанял. Значит, дорогой Вадим: ты должен появиться там, на месте пожара, тише воды, ниже травы. Запомни: сразу за заводом есть пустырь, так вот — не вздумай совать туда нос, а зайди в дом за этим пустырем, в квартиру восьмью, и попытайся выяснить, куда уехал хозяин квартиры Ермилов.

— Кто это?

— Бывший сторож завода Глебова, уволенный незадолго до пожара. Выясни, где он сейчас, когда вернется, и вообще все о нем! Все, что только можно! Учти, мне это сделать не удалось, у него довольно неприветливая жена. Выдай себя за официальное лицо, скажи, что пришел проверить уплату налогов. Да, попробуй поговорить с соседями — они могут что-то знать о Ермилове. Еще раз повторяю, будь осторожен. Если увидишь двоих, один рябой с редкими усиками, у второго большой черныш чуб, — сразу же исчезай.

— Это они на вас напали?

— Они, но не пытайся выяснить это у них самих — второй раз уйти не дадут. Еще: в этом же доме в подвале живет дворник, фамилия Трофимов, у него в ночь, когда сгорел завод, убили собаку. Попытайся разузнать подробнее, как это случилось.

— Все?

— Не все. Если успеешь, зайди в четвертый участок Нарвской части и постарайся выяснить, кому точно, понимаешь — точно, принадлежит пустырь у сгоревшего завода Глебова? Справишься?

— Постараюсь.

— Тогда — вечером жду у себя. Да... — Пластов достал пять рублей, сунул в руку упиравшегося Хржановича: — Держи, держи... Знаю, ты без копейки. Много ссудить не могу, сам ограничен, но думаю, на несколько дней тебе хватит.

— На несколько дней! Да это ж целое богатство! — Хржанович наконец смирился. — Я отдам.

— Ладно, сочтемся. Действуй, вечером жду.

7

В нотариальной конторе, подписав договор и обменявшись с Глебовым рукопожатием, Пластов попросил владельца завода уделить ему полчаса для разговора где-нибудь на улице. Когда они уселись на скамейку в скверике у Казанского собора, адвокат без обиняков спросил:

— Николай Николаевич, может быть, в последнее время на вашем заводе выпускалось или разрабатывалось что-то особое? Скажем, что-то, что могло вызвать опасение конкурентов?

— Опасение конкурентов... Опасение конкуренции у нас и у других есть всегда. Но ничего, как вы сказали, такого уж особенного, такого, чтобы из-за этого поджигать завод, — у нас не производилось.

— Я слышал о неких генераторах УМО, над которыми работал инженер Вологдин. Они не могли вызвать ничьей зависти?

— Это довольно обычные машины.

— Еще я слышал, в последнее время Вологдин работал на заводе над каким-то изобретением?

— Изобретением? Первый раз слышу о подобном.

— Николай Николаевич, поймите меня правильно: иногда ложь бывает доброй, даже благородной. Но сейчас, когда мы с вами вступаем в схватку, причем очень похоже, в схватку тяжелую, может помешать и она.

Глебов смерил Пластова взглядом, улыбнулся.

— Дорогой Арсений Дмитриевич, посудите сами, какой смысл мне вас обманывать? Во-первых, кто вам сказал об этом изобретении? Неужели сам Вологдин?

— Нет. Признаюсь, услышал я об этом случайно и от человека не очень компетентного.

— Это и видно. Действительно, Вологдин в последнее время на моем заводе работал над усовершенствованием обычного генератора, стараясь довести частоту его тока до нескольких десятков тысяч периодов. Если бы это удалось, в дальнейшем можно было бы использовать такой генератор в радиотехнике. Но поверьте, я пока никаких видимых результатов не заметил. Мне пришлось даже приостановить кредиты. — Глебов развел руками. — Так что, сами видите, до таких громких слов, как «изобретение», еще далеко.

— А... Что вы скажете о самом Вологдине?

— Только хорошее. Очень старательный, способный молодой инженер. Отличный конструктор и расчетчик и, что важно, наделен деловыми качествами. — Побарабанил пальцами по скамейке. — Как вы, надеюсь, поняли из проспекта. И естественно, Вологдин занимает высокое положение на заводе.

— Да, я это заметил. Николай Николаевич, рад, что наши деловые отношения начались. Хотел бы поддерживать с вами все время тесную связь. Как это лучше сделать?

— Завод сгорел, и мне пришлось снять на Литейном временное помещение под контору. — Глебов достал визитку, набросал исправления. — Это около ресторана «Рондо», вот адрес и телефон. Обычно я нахожусь там от девяти до шести. В другое же время рад буду принять дома.

— Спасибо. — Пластов спрятал карточку.

— В контору можете приходить без звонка. Вас будут пропускать вне очереди, и вообще выбирайте любой вид связи, как вам удобней.

— Что ж, тогда последний вопрос: полиция к вам уже обращалась?

— Обращалась. Сразу же после пожара я имел беседу с представителем Нарвской части.

— О чем вы говорили?

— Он задал несколько обычных в таких случаях вопросов, ничего больше. Затем, уже во вторник, в мою новую контору приехал следователь четвертого участка той же Нарвской полицейской части.

— Простите, как вел себя следователь? Вопросы не носили пристрастного характера?

— Нисколько. Наоборот, на мой взгляд, поведение следователя дало понять: он целиком убежден, что это несчастный случай.

— Выходит, вопрос о сторожах и покупке нефти впервые вытаскило на свет лишь страховое общество?

— Именно так.

— На будущее, если к вам обратится следователь, скажите, что будете отвечать только в присутствии адвоката, и тут же вызывайте меня.

— Хорошо, так и сделаю.

Простившись с Глебовым, Пластов направился на Морскую, 37, к известному всему Петербургу представительству страхового общества «Россия». Поднявшись на второй этаж, без колебаний открыл дверь, на которой было обозначено: «Главный юридический консультант А. С. О. «Россия», с. с. Защипин».

При виде вошедшего Защипин изобразил радостное удивление, на секунду приподняв над столом обе руки:

— Арсений Дмитриевич, вас ли я вижу? Рад, рад... Прошу! Как ваши дела? Надеюсь, прекрасно!

Подтекст фразы Пластов перевел легко: «Жалкий неудачник, понимаю, ты делаешь безнадежную попытку. Запомни: мое время дорого». Подумал: за этим человеком с непроницаемыми глазками стоит очень многое. Не только поддержка мощной организации, но и сложившиеся обстоятельства. И все-таки посмотрим, кто кого.

— Орест Юрьевич, буду краток. Насколько мне стало известно, в правлении общества есть сомнения по поводу выплаты фирме Глебова страхового вознаграждения?

— Есть, и очень серьезные.

— То есть общество ставит под сомнение произвольный и стихийный характер постигшего завод бедствия?

Глаза Защипина ничего не выразили.

— Именно так.

— Я ознакомился с этим делом. Известны мне и ваши претензии к фирме, и так называемые «доказательства», говорящие якобы о преднамеренном поджоге. Пока все, что я узнал, приводит к единственному выводу: фирма «Н. Н. Глебов и К^о» не имеет к возникшему на заводе пожару никакого отношения. В силу этого, как лицо, уполномоченное фирмой, я посоветовал бы обществу «Россия» немедленно выплатить оговоренное в страховом полисе вознаграждение.

Зашипин улыбнулся:

— Браво... Наступление — лучшее оружие? Но у нас прямо противоположное мнение.

— Подождите, я не договорил. Я предлагаю страховому обществу не совершать опрометчивых поступков. В противном случае... — Пластов нарочно замолчал.

— Что же будет в противном случае?

— В противном случае, дорогой Орест Юрьевич, я буду вынужден выдвинуть против страхового общества «Россия» иск и начать процесс, который безусловно будет выигран. Как вы отлично понимаете, это значит — общество «Россия» понесет серьезные материальные потери в виде судебных издержек.

Защипин откинулся на стуле.

— Арсений Дмитриевич, у меня не так много времени, как вы думаете, поэтому коротко изложу основную позицию общества «Россия» по этому поводу. Она проста и убедительна: есть ряд абсолютно неопровержимых доказательств, что завод был подожжен с целью получить страховку. Мы предъявили эти доказательства фирме «Н. Н. Глебов», предложив ее руководству полное соглашение: отказ от страховки со стороны фирмы Глебова и отказ от судебного процесса — с нашей. Боюсь, если отказа от страховки не последует, мы просто вынуждены будем начать тяжбу. Другого выхода у нас нет.

— Я хотел бы задать еще один вопрос.

— Слушаю.

— Не кажется ли вам странным одно обстоятельство: пожар случился в воскресенье, сегодня четверг... Для того чтобы выяснить, хотя бы приблизительно, причину возникновения пожара, нужно как минимум дней десять, так ведь?

Защипин бесстрастно ждал, Пластов продолжил:

— И то при условии необычайно расторопной работы. Но получается — доказательства, которые доверенное лицо общества «Россия» предъявило Глебову в среду утром, вы имели уже во вторник. Такая расторопность настораживает, а, дорогой Орест Юрьевич?

Юрисконсульт отставил пресс-папье.

— Не вижу в этих обстоятельствах ничего странного. Любое страховое общество, и уж тем более такое, как наше, имеет право действовать расторопно. Оно вправе также принимать любые меры, защищающие его интересы.

— Значит ли это, что у вас на заводе Глебова были осведомители?

— Неплохо, неплохо, Арсений Дмитриевич. Есть еще порох в пороховницах. Что ж, ответу: осведомителей мы не держим, вы это отлично знаете. Что же касается доказательств поджога, уверяю вас — их ничего не стоило получить в понедельник утром. Но! — Защипин на секунду поднял палец. — Так как мы не любим основываться на слухах, то лишь заглянули в тот же понедельник в конторские книги. Там были скрупулезно зафиксированы все доказательства. Вы удовлетворены?

Пластов подошел к двери и, взявшись за ручку, остановился.

— Орест Юрьевич, доказательства, которые, как вы выразились, можно получить, лишь мельком глянув в конторские книги и часок постояв среди рабочих, не удовлетворяют ни суд, ни экспертов. И вы это отлично знаете. Я прощаюсь и на прощанье хочу сказать: главной бедой в процессе, который будет начат против страхового общества «Россия» и, вне всякого сомнения, выигран, окажутся не судебные издержки. Главным убытком станет моральный, а значит, и материальный урон, который понесет страховое общество, потеряв после процесса тысячи

потенциальных клиентов. Имею честь. — Кивнув, он вышел из кабинета.

От Морской Платов доехал по Невскому до Садовой и там пересел на трамвай, идущий к Петроградской стороне. Кажется, первый его поединок с Защипиным не принес перевеса ни одной из сторон, и все-таки он добился того, чего хотел. Теперь, если характер неторопливого и осторожного Защипина не изменился, вряд ли иск будет возбужден в ближайшие десять дней. Значит, у него есть время.

Сойдя на Петроградской, Платов вошел в то же самое кафе на Большом проспекте, сел у окна и стал ждать. Сегодня ему повезло: минут через сорок в дзержинской конторы Трояновского он увидел Тиргина. Выйдя из кафе, Платов перешел улицу и двинулся навстречу. Столкнулись они через несколько шагов; Платов тут же изобразил радостное удивление. Тиргин вздрогнул:

— Арсений?

Так как он не ожидал увидеть бывшего сокурсника, то растерялся — и Платов это отлично понял.

— Владимир! Тебя ли я вижу! Вот это встреча! — Картинно заиграв бровями, он стиснул руку помощника адвоката, потащил за собой, не давая опомниться. — Это просто судьба... Выглядишь ты на редкость прекрасно... Ну-ка, давай, давай в это кафе. — Он втащил Тиргина в кафе, усадил за столик. — Ну как? Что нового? Да не молчи ты, Владимир, ради бога! Что с тобой?

Тиргин вымученно улыбнулся:

— Нет... Ничего... Просто устал немного сегодня... Ты.. что сейчас делаешь?

— В каком смысле?

Тиргин вгляделся, не понимая, издевается ли над ним Платов или говорит серьезно.

— Ну, ведешь ли ты, к примеру, какое-то дело?

— Дело? Нет. Наоборот, совершенно без работы. — Платов изобразил крайнюю заинтересованность, сказал шепотом: — Слушай, Владимир, может, что-нибудь подкинешь? Ты ведь большой человек, а? Служишь у «старика»? Я ведь знаю, там всегда есть чем подкормиться? Да не молчи ты, Владимир, ради бога, ну? Какую-нибудь пустяковину, бракоразводное что-нибудь, учти, мы люди не гордые? А я со своей стороны, уж не волнуйся, в долгу не останусь? А, Владимир?

Тиргин молчал, все еще не понимая, далеко ли здесь до шуток. Продолжая улыбаться, Платов резко переменял тон, зло прищурился:

— Это ты подослал ко мне Глебовых?

— Я? Арсений! Это совсем не то! Да я...

— Что — я?

— Я просто хотел тебе помочь!

— Запомни, Тиргин, ты еще младенец, чтобы меня обманывать! Помочь?

— Но я не обманываю, клянусь тебе!

— Обманываешь, обманываешь. Слушай: Трояновский по какой-то причине отказался вести дело Глебова. Так как ему важно было, чтобы, обратившись к другому адвокату, Глебов

дело все равно проиграл, он подучил тебя сплавить клиента мне. Что ты, ничтоже сумняшеся, и сделал.

— Арсений, клянусь, ты ошибаешься! Все не так, сейчас я тебе объясню!

— Он объяснит... Слушай, зачем ты шпионил, когда первый раз подослал ко мне Глебова?

— Я не шпионил!

— Да? А кто стоял внизу в подъезде? Может, и когда Лиза пришла, ты тоже стоял?

— Да нет! Это так получилось! Я хотел убедиться...

— В чем ты хотел убедиться?

— Что Глебов придет к тебе.

— Зачем?

Тиргин вытер платком шею:

— Затем, что я волновался.

— Что это тебя так взволновало?

Официант поставил кофе и ушел. Тиргин спрятал платок.

— Ты не даешь мне говорить, Арсений. Дай мне сказать.

— Пожалуйста, говори.

— Так нельзя. Нужно поговорить спокойно.

— Говори, я слушаю?

— Дело в том... — Тиргин тронул чашку. — Дело в том, что у меня особые отношения с семьей Глебовых.

— Какие?

— Ну... Я бываю у них и... В общем, на днях я собираюсь сделать Лизе предложение.

— Ага. Ну и что дальше?

Тиргин сделал большой глоток, поставил чашку.

— Дальше... Ты что, не понимаешь? После этого пожара Николай Николаевич может лишиться всего состояния. Всего... А Трояновский не хочет вести процесс. Ну и...

— Почему не хочет?

— Не знаю.

— Врешь!

Тиргин покачал головой:

— Арсений, клянусь тебе, я не вру. Я в самом деле не знаю, почему Трояновский отказался!

Пластов внимательно посмотрел на него, кивнул:

— Хорошо, допустим. Что дальше?

— Дальше я отлично понимал: если отказался сам Трояновский, спасти Глебовых может только что-то особенное. Надо было искать выход, и я понял: единственный, кто в сложившейся ситуации может им помочь, — ты. — Тиргин поднял глаза. — Это в самом деле так, Арсений.

— Дальше.

— Дальше, когда я узнал, что ты отказал Глебову... — Тиргин замолчал.

— Понятно. Дальше ты напустил на меня Лизу.

— Я не напустил! Я просто поговорил с ней. Она ведь умная барышня и... — Тиргин замаялся.

— Что «и»?

— Ну, Лизу нельзя, как ты выражаешься, «напустить». Она все делает как сама считает нужным.

— Ладно, допустим.

— Ты должен мне верить.

— А ты — объяснить, почему от дела отказался Трояновский.

Тиргин усмехнулся:

— Арсений... Неужели ты думаешь, я стал бы это скрывать? Клянусь, понятия не имею. Что-то повлияло на него, но что, не знаю.

— Это-то — работая с ним без малого двенадцать лет?

— Ну и что? Ты не знаешь его скрытности. Это просто чудовище какое-то, сфинкс. Если он захочет, из него крохи не выцарапаешь. На том и держится, мне ли тебе объяснять...

Пластов медлил, изучая Тиргина.

— Хорошо. Будем пока считать, я тебе верю. Пока. И запомни, если я узнаю, что повлияло на Трояновского, это очень может помочь Глебову. Впрочем... — Усмехнулся. — Впрочем, я забыл, ты здесь не помощник.

— Арсений, это ты совершенно напрасно. Клянусь, если я что-то выясню...

— Не выяснишь, не клянись. Карьера для тебя дороже.

— При чем тут карьера?

— При том. Да и, ты прав, Трояновский кремень, каких мало.

— Так ты... взялся за это дело?

— Взялся, взялся.

— Что, официально?

— Да, официально.

Расплатившись, Пластов вышел из кафе. Уже на улице Тиргин догнал его:

— Запомни, Арсений... Я не строю из себя подвижника, но...

— Но?

— Если что, я к твоим услугам. — Поймав насмешливый взгляд Пластова, добавил: — В известных пределах, конечно. Ты слышишь?

— Слышу, — буркнул Пластов. Он посмотрел вслед затерявшемуся среди прохожих Тиргину и повернулся: сегодня нужно было обязательно увидеть еще одного человека.

Этим человеком был директор-распорядитель завода Гервер. В кабинете Гервер показал Пластову на кресло, сам же, отвернувшись, встал у окна. Сказал скрипучим голосом:

— Вы знаете, господин Пластов, у меня есть любимая поговорка. Мне неинтересно, что вы делали. Для меня важно знать, что практически дала ваша деятельность, каков ее итог? Так вот, итог деятельности нашей фирмы весьма печален. Полный провал, уничтожение всего, чему мы отдали большую часть жизни. Лучшую ее часть. Понимаете, тут и моя вина, я недоглядел. Я ведь директор-распорядитель, моя задача — вникать в каждую мелочь. А упустил из виду я именно мелочь... А ведь видел, видел... Чувствовал: лето, жара, на заводе полно нефти. Надо было организовать людей, рассредоточить горючее, убрать прессшпан. Все думал: завтра, послезавтра, через два дня. Вот и дождался. К тому же я поссорился с Глебовым... Вам это что-нибудь говорит? С тем самым Глебовым, с которым я проработал бок о бок больше десяти лет,

— И... это произошло из-за пожара?

— Да, из-за пожара. Из-за того, что Николай Николаевич... хм, будем говорить так: не очень корректно использовал сложившуюся на заводе обстановку. Простите, господин Платов, я не хотел бы больше касаться этой темы, но... Но некоторые мои представления подверглись пересмотру. Боже мой, боже мой. У нас были заказ..., на заводе подобрался отменный коллектив специалистов, мы были готовы расширять производство, строить новый цех... А, что говорить. Мы смело брались за все новое. Мы дерзали. Чего стоила одна наша испытательная станция! А генератор Вологодина? — Гервер щелкнул пальцами. — Всего этого теперь нет.

Платов сделал вид, что впервые слышит о генераторе:

— Простите мою неосведомленность, но... Было бы любопытно знать, что это такое? Этот самый генератор... Вологодина, вы сказали?

Гервер будто не замечал его, глядя в одну точку. Пожал плечами:

— Что это такое... Как неспециалисту вам трудно будет понять.

— И все-таки? Что это, генератор УМО?

— При чем тут УМО... УМО — это так, семечки. Вы можете себе представить, что такое тридцатикратная прибыль?

— Ну... если сделаю усилие.

— В процентах это будет три тысячи процентов чистой прибыли. Представляете? Три тысячи!

— Да, цифра внушительная. Что... ее должен был принести этот генератор?

— Уже принес! Уже! Принес бы, если бы не пожар!

— Как я понимаю, этот... генератор Вологодина сгорел?

— Сгорел? Да, к черту весь сгорел, к черту! Остался один кожух! От обмотки, ротора, статора — ничего, ни крупинки! Все преератилось в прах!

Платов попытался понять, что означают все эти разноречивые сведения о некоем генераторе Вологодина. Мелькнуло: Гервер единственный, кто сказал ему об этом генераторе прямо. Субботин и Вологдин хотели скрыть сам факт существования генератора, Глебов же пытался всячески этот факт замазать. Возможно, этот таинственный генератор никак не связан с пожаром, но для него, да и для любого адвоката, исчезновение некоего ценного изобретения при пожаре могло бы стать важной деталью при защите.

Расставшись с Гервером, Платов решил отложить беседу с Вологдиным до завтра и поехал домой. В квартире, на кухне, нашел заботливо приготовленный ужин и придавленную сахарницей записку:

«Арсений Дмитриевич! Несмотря на то что Вы запретили мне убирать, воспользовалась оставленным мне ключом и вошла. Господи, до чего Вы довели квартиру! Когда убирала, непрерывно звонил телефон. Помня Вашу просьбу, не снимала трубку. Правильно? Поешьте, надеюсь, мои «ежики» вам понравятся. Ваша А. П.

Р. С. Насчет же каких-то там «долгов» забудьте. Мы ведь с Вами старые друзья и добрые соседи, так ведь? А. П.»

Прочитав записку, причем с особой теплотой — последнюю

строчку, Пластов принялся за «ежики». Закончить ужин он не успел — раздался звонок в дверь. Это был Хржанович.

После того как усталый ученик плюхнулся на стул, Пластов прежде всего заставил его доесть все, что осталось в кастрюле, и налил чаю.

— Ну что? Ушел от смерти?

— Арсений Дмитриевич, какая там смерть, все было тихо. Только вот... — Хржанович с досадой цокнул языком. — Узнать я почти ничего не узнал. Собака была убита при непонятных обстоятельствах. Дворник утверждает, что три или четыре ночи перед пожаром она лаяла без причин. Он выходил к будке — там никого не было. На ночь же с субботы на воскресенье он нашел ее с разmozженной головой. Вот и все.

— Узнал, кому принадлежит пустырь около завода?

— Я опросил нескольких жителей дома, а также окрестных дворников. По их словам, пустырь принадлежит городским властям. Когда в четвертом участке Нарвской части я попросил показать прикрепительную, чиновник дать мне ее отказался, хотя тоже уверял, что пустырь — собственность города. Далее, жена Ермилова объяснила, что муж ушел с завода, получив более выгодное предложение, теперь он служит на какой-то ферме. Обещал выслать ей адрес.

— Обещал — в письме?

— Нет, перед тем как уехать. Писем она от него не получила, получила только денежный перевод — двадцать рублей.

— Давно?

— Около недели назад.

— Что ж, хоть что-то... — Пластов задумался. — Вот что, Вадим, придется тебе заняться поисками Ермилова вплотную. Бывший сторож нам очень нужен.

В спальне, уже раздевшись и накрывшись одеялом, Пластов услышал телефонный звонок. Снял трубку.

— Пластов слушает.

Голос был тихим, как ему показалось, говорили шепотом:

— Арсений Дмитриевич, простите, что звоню так поздно... Это Лиза Глебова, вы помните?

— Да, Лиза, конечно, слушаю вас... Что-нибудь случилось?

— Я вам звонила днем, но вас не было... Я помню, вы предупреждали, никто не должен знать... Сейчас у телефона никого нет, поэтому я звоню...

— Что случилось?

— Сегодня у папы был один человек... Отец его не принял... Так вот, этот человек обязательно хочет со мной встретиться... Как я поняла, это из-за отца... Сейчас нет времени объяснять... Я хотела спросить, нужно ли мне встречаться с этим человеком?

— Прежде всего, что это за человек?

— По-моему, журналист. Фамилию не помню, то ли Киреев, то ли Корчеев... Он оставил визитную карточку, но она лежит у отца.

Не хватало еще журналиста, подумал Пластов. В трубку же сказал:

— Очень хорошо, Лиза, что вы мне позвонили. Ничего пока не предпринимайте, завтра мы должны обязательно встретиться. Вы можете?

— Могу. Когда?

— Лучше пораньше, скажем, часов в одиннадцать утра. Вас устраивает?

— Устраивает, я встаю рано. А где?

— В каком-нибудь известном нам обним и неприметном месте. Какое кафе в центре вы знаете?

— Ну... я не очень их знаю. На Владимирском, по-моему есть «Коломбина»? Ой, сюда идут...

— Понимаю. Значит — завтра в одиннадцать в «Коломбине». Да, если удастся, попробуйте заглянуть в визитную карточку. Мне хотелось бы знать фамилию журналиста.

— Хорошо... Всего доброго, извините...

Уже засыпая, Пластов все думал: что могло быть нужно журналисту от владельца сгоревшего завода?

8

Утром, проводив с напутствиями Хржановича, Пластов, прежде чем выйти из дому, позвонил в контору Глебова. Трубку снял секретарь; адвокат попросил передать главе фирмы, что пока помощь ему не нужна, все идет так, как и должно идти. Перед тем как повесить трубку, поинтересовался, будет ли сегодня инженер Вологдин, ему нужно с ним встретиться? Услышал, что его просьбу обязательно передадут Вологдину. Условившись с секретарем, что они свяжутся днем, Пластов уже без десяти одиннадцать был в «Коломбине».

Войдя в кафе, Лиза сразу же увидела его, улыбнулась, стала пробираться между столиками. Одета она была по современной моде — идти мешала узкая, не доходящая до щиколоток юбка-троттер. Пластов помог сесть; присев, девушка нахмурилась. Кажется, еще не решила, как себя с ним вести. Он посмотрел ей в глаза, подумал: знает ли он сам, как вести себя?

Лиза по-детски покачала головой:

— Вы не сердитесь?

— Почему я должен сердиться?

— Вытащила вас утром, наверняка у вас много дел. А вчера — разбудила ночью?

— И правильно сделали. Я адвокат, взявшись за какое-то дело, я уже не принадлежу себе.

— Но... Может быть, то, из-за чего я вам позвонила, и не относится к делу?

— Сейчас увидим. Прежде всего — вы узнали фамилию журналиста?

Покраснела, открыла сумочку, достала визитку.

— Представляете, эту визитную карточку отец выкинул утром в мусорную корзину. Я его караулила, ну и... потом пришлось копаться в мусоре. Вы не волнуйтесь, она чистая, там была только бумага.

Взял из рук Лизы визитную карточку. «Петр Константинович Коршакеев. Журналист». Домашний адрес и телефон, без указания места работы. В какой-то определенной редакции не служит, свободное перо. Попытался вспомнить, слышал ли раньше эту фамилию. Кажется, в газетах ему встречалось что-то

похожее, но не так часто. Наконец вспомнил: это фельетонист. Точно, он читал один или два фельетона Коршакеева. Плохо. Если этот фельетонист попытается узнать что-то о Глебове, хуже нельзя и придумать. Значит, все неспроста, и появление журналиста в том числе. Мало того, что кто-то твердо решил отнять у Глебова страховку, на владельца завода организуется наступление. Планомерное и продуманное, с подключением прессы.

— Лиза, буду говорить, предполагая самое худшее, так что сделайте на это скидку. Видите ли, моя задача — убедить суд, что ваш отец к постигшему завод несчастью не имеет никакого отношения. Для успеха здесь очень важно отношение к событиям общественного мнения, говоря общими словами, незапятнанная репутация вашего отца, его чистое имя. Пока в деловых кругах дело так и обстояло, ваш отец пользовался полным доверием. Это было моим козырем.

— Почему «пока»?

— Потому что до сегодняшнего дня в газетах появлялись только сообщения о пожаре, без всяких комментариев. Появление же этого Коршакеева наводит на очень плохие мысли. Даже бесстрастные сообщения вызвали вокруг фамилии Глебова шум, теперь же представьте: завтра или послезавтра в одной из газет появится статья, всего лишь с намеком на то, что ваш отец поджег завод с целью получить страховку? Представляете?

— Но... Папу ведь все знают?

— Знают десятки людей, очень ограниченный круг. Деловой мир, родственники, знакомые. После же фельетона уже не десятки, а тысячи людей будут повторять одну фразу: а, это тот Глебов, который поджег завод? — Увидев, как Лиза побледнела, поднял руку: — Уверен, ваш отец ни в чем не виноват. Но вы не знаете, какая это страшная вещь — пресса.

Лиза вдруг сморщилась, стукнула кулаком по столу:

— И что?.. Всего этого хотел он? Этот мерзавец?

— Лиза, успокойтесь. Я же сказал, все это случится лишь в одном случае, если мы будем предполагать самое худшее. Главное сейчас — узнать, что хотел от отца этот Коршакеев.

Расставшись с Лизой, он позвонил в контору Глебова и услышал, что Валентин Петрович Вологдин будет весь день у себя. Если господину Пластову удобно, он просил бы навестить его по адресу: Съезженская, дом девятнадцать, квартира двадцать восемь.

9

Квартира, в которую Вологдин впустил Пластова, явно была снята с учетом экономии средств. Прихожая была небольшой, кухня крохотной; в одной из двух комнат, судя по видневшемуся застеленному дивану, Вологдин спал, в другой, куда вместе с хозяином вошел Пластов, работал.

Стол был завален книгами, журналами, чертежами, в небольшой закуток между столом и стеной втиснута развернутая к свету чертежная доска. На стене в этой комнате висел круглый медный барометр. Пропустив адвоката, Вологдин, как показалось Пластову, не очень любезно кивнул на один из двух

свободных стульев. Подождал, пока гость сядет, занял второй стул, тряхнул головой. Кажется, подумал Пластов, разговора сегодня может не получиться, по крайней мере откровенного разговора, ради которого он пришел. К тому же неясно, с чего лучше начать, может быть, лучше сразу взять быка за рога?

— Валентин Петрович, я хотел бы поговорить начистоту.

Вологдин удивленно огляделся, помедлив, кивнул, будто не понимая:

— Слушаю? Вы все о том же? О пожаре?

— Нет, не о пожаре.

— Простите, о чем же? По-моему, вряд ли у нас могут быть другие темы. Или я ошибаюсь?

— Валентин Петрович, если вам не трудно, расскажите о вашем высокочастотном генераторе.

— О чем?

— О высокочастотном генераторе. Ради бога, простите, но вынужден добавить: том самом, который сгорел. И существование которого вы пытались скрыть от меня — вместе с Василием Васильевичем Субботиным.

Некоторое время Вологдин смотрел на Пластова, будто не понимая, о чем тот говорит. Неожиданно лицо инженера потемнело, он сказал тихо и как-то по-особому убежденно:

— Милостивый государь, какое вам дело до моего высокочастотного генератора? Не трогайте этого. Не нужно.

В тишине маятник отсчитывал время; казалось, оба они сейчас заняты только тем, что внимательно слушают тиканье часов. Наконец Вологдин сказал устало:

— Ради бога, простите. Я просто не выдержал. Я не могу больше, понимаете, — не могу.

В полной тишине встал, подошел к окну. Тронул один из чертежей, спросил глухо:

— Знаете, сколько вариантов проекта я сделал?

— Сколько?

Вологдин долго стоял молча, будто пытаясь вспомнить.

— Свыше ста. Я чертил ночами, переделывал, откладывал — и чертил снова. Засыпал — и опять вскакивал, если что-то приходило в голову. Ведь все приходило не сразу... Совмещенный корпус... Гибкий вал... Шелковая изоляция... Поймите, — Вологдин повернулся, его глубоко запавшие глаза мучительно сощурились. — Поймите, последние месяцы, когда я наконец приблизился к окончательному решению, во мне вдруг все перевернулось. Все, вы понимаете? Вы должны это понять, я вижу, должны понять... Наконец-то я поверил в себя. Я стал другим человеком, совсем другим. Все вокруг ожило. Я создал этот генератор. Не знаю, что это было, нитие, озарение, что-то другое, но я его создал! Создал. Он стоял на испытательном стенде. Стоял — живой, теплый, без единого изъяна, понимаете? Несколько дней я вообще не подпускал к нему никого. И сам его не трогал — только смотрел! Вы понимаете это?

— Понимаю, — сказал Пластов. Инженер выпрямился, вздохнул:

— Ну вот. А потом я уехал — ненадолго, всего на четыре дня... Я хотел остыть, так бывает. Чтобы потом вернуться к тому, что я создал. Но когда вернулся, ничего уже не было. Ни-

чего. Все сгорело. Генератор, которому было столько отдано, превратился в грудку железа.

Рассеянно потрогал бумаги, улыбнулся через силу:

— Впрочем, простите. Может быть, вы чего-то хотите? Чаю? У меня есть чай. Правда, я заварю?

— Нет, нет, Валентин Петрович. Спасибо.

— Н-ну... Пожалуйста. — Инженер пожал плечами, подошел к барометру. — Как хотите. А то... — Задумался. — Пустота. Понимаете, теперь внутри, во мне, осталась только пустота. Я пустой, совсем пустой, понимаете? Если бы еще был завод... Я постарался бы пересилить себя... Попробовал бы что-то сделать... И... Не знаю, загадывать трудно, но если бы повезло, может быть, я бы его восстановил...

— Генератор?

— Да, генератор, хотя... Все уже не то. Нет уже того порыва. Но, повторяю, я постарался бы себя пересилить. Но теперь ведь нет и завода, так что — бессмысленно. Все. — Повернулся. — Собственно, Арсений Дмитриевич, наверное, бессмысленно и то, что я вам это говорю?

Пластов вдруг поймал себя на мысли, что нарочно медлит, подбирая точные слова.

— Все это далеко не бессмысленно. Пропажа вашего генератора и стоящая передо мной цель... Передо мной, как адвокатом, эти два предмета могут быть связаны.

— Не понимаю.

— Простите, ведь вы заинтересованы, чтобы Глебов получил страховку?

— Н-ну... В общем, конечно. Если Глебов ее получит... Я с ним не говорил на эту тему... Но не исключено, что он купит новый завод.

— Ну да. И вы сможете снова заняться... своим генератором?

— Не знаю. Что об этом говорить. Во-первых, глупо только говорить. Во-вторых, признаюсь, сейчас просто не хочется. Я всегда сторонился нечистоплотности в делах. А это, по-моему, как раз весьма сомнительная история.

— Подождите, Валентин Петрович. Может быть, вы и правы. Но... Вы сказали, что когда-то не верили, сможете ли что-то сделать в науке. Но ведь я тоже, когда взялся защищать интересы Глебова, не верил, что смогу чего-то добиться. Я и сейчас в это не верю. Но ваш генератор... Понимаете, когда к плохо налаженной противопожарной охране добавляются улики вроде сторожа и нефти, о чем мы уже говорили... то надежды, что страховка будет выплачена, почти нет. Но генератор... Простите, генератор меняет дело. Существенно меняет.

— Не понимаю, при чем тут мой генератор?

— При том, что он... вернее, его пропажа, может стать очень веским доводом. Веским — в нашу пользу. На суде... Кстати, хоть что-то от этого генератора сохранилось? Он ведь сгорел не до конца?

— Практически сохранились лишь останки и обгоревший кожух.

— Говорю это к тому, что очень неплохо было бы представить эти самые останки в суд как вещественные улики. Понимаете, одно дело — объяснять судьям что-то на словах и совсем другое — показать. Он большой?

— Около метра в длину. В высоту — сантиметров семьдесят.
— Отлично... Простите, может быть, это звучит бестактно, но наверняка вид обгоревшего прибора будет эффектен. Все-таки — где они, эти останки?

— Честное слово, мне неприятно обо всем этом говорить.

— Понимаю, Валентин Петрович, очень хорошо понимаю. Еще раз простите, но так уж получается, что сейчас наши интересы противоположны. Они что, эти останки, на заводе? На этом... стенде?

— Видите ли, я приехал в Петербург во вторник, когда все было кончено. Но... Субботин, успевший к месту пожара одним из первых, как только все потушили, сразу кинулся к испытательному стенду. И... несмотря на то, что от генератора остались обломки, тут же перевез все, что осталось, к себе.

— Куда именно «к себе»? Домой?

— Он поместил станину и кожух во дворе, в сарае. Объяснил, что не мог мириться с пропажей. Я его отлично понимаю — Василий Васильевич хотел сохранить хоть что-то. Хотя... Ясно, что обгоревший кожух не представляет никакой ценности.

— Это очень хорошо. Извините еще раз, Валентин Петрович, но других слов у меня пока просто нет. Экспонат для суда прекрасный. А... Что, собственно, представлял из себя этот генератор? Откуда возникла сама его идея?

— Изготовить генератор попросило Морское ведомство.

— Он что, был им нужен?

— Был, и очень, но... это долгий, трудный, а главное — очень специальный разговор. Может быть, ограничимся моим первым ответом?

— Можем ограничиться, и все-таки — вкратце?

— Хорошо, попробую вкратце. Об изобретении радио Александром Степановичем Поповым вы, конечно, знаете?

— Безусловно.

— Поясню: открытый Поповым принцип радиосвязи прежде всего был использован для нужд военно-морского флота... Так вот, одно время радио выполняло нужную для флота функцию, но потом... При всех достоинствах оно обладало серьезным недостатком: связь могла действовать лишь на небольших расстояниях. Ее даже называли «рейдовой радиосвязью». — Забывшись, спросил сам себя: — В чем же была причина недостатка...

— Да — в чем? — повторил Пластов.

— Причина... Причина была в том, что Александр Степанович предложил возбуждать высокочастотные колебания искрой. Но при излучении радиосигнала искра не могла дать антенне достаточной мощности. Поэтому все радиосигналы принимались, да и сейчас принимаются лишь на коротких расстояниях. Флоту же, настоящему боевому флоту, как воздух нужна связь типа радио, но действующая на больших расстояниях. Практически — на безграничных.

— Так уж на безграничных?

— Представьте себе, именно на безграничных. Расчет простой: если импульс, выходящий из антенны, будет достаточно мощным, его сможет принять приемник, находящийся практически в любой точке земного шара.

— Вы говорите какие-то невероятные вещи.
— Тем не менее это факт. Научный, обоснованный расчетами.

— И что... этот ваш генератор мог все это делать?

— Мог.

— Как я понял, он мог возбуждать импульсы любой мощности?

— При дальнейшей разработке — и любой мощности. Но что в этом? Теперь его просто нет.

— Подождите. Но ведь это же... Это же что-то сверхъестественное? Валентин Пет...

— Хватит, я не могу больше об этом говорить! Хватит, ради бога, умоляю, перестаньте! Вкратце я объяснил — и достаточно! Ну? Давайте о чем-то другом.

Вдруг подумалось: Глебов. Еще не понимая, в чем дело, Пластов почувствовал подвох. Ну да, по всем признакам Глебов не был заинтересован, чтобы изобретение Вологодина сохранилось. Не был точно. Вспомнились слова владельца завода: «До таких громких слов, как «изобретение», еще далеко». Раньше он не придавал этим словам особого значения, теперь же... Наверняка об отношении Глебова к генератору знает не только он. Значит, всегда найдется свидетель, который подтвердит этот факт в суде. Получается — Глебов просто-напросто подставил его под удар? Вологдин повернулся:

— Простите ради бога, давайте о другом. Слушаю вас?

— Давайте о другом. Вопрос важный: какие у вас отношения с Глебовым?

— С Глебовым? Самые нормальные, а что бы вы хотели? Безусловно, я очень благодарен Николаю Николаевичу. Он взял меня на завод, дал хорошую должность, позволил заниматься любимой работой. Собственно, почему вы об этом спрашиваете?

— Видите ли... В разговоре со мной Глебов крайне низко оценил вашу работу. В частности, он сказал: «это еще нельзя назвать изобретением». В чем дело?

— Нельзя назвать изобретением? Ну, ну. Думаю, если Николай Николаевич хотя бы с оне-с вправе называть мой генератор как угодно. Болванкой, поделкой, машинкой для точки карандашей... И все-таки — охулки на руку не положу, лично для меня Глебов сделал много. Как говорится, пригреб и выпестовал. — Приложил обе руки к груди, закачал головой: — Арсений Дмитриевич, рад принять в любой другой раз, но сейчас — увольте, а? Отпустите душу на покаяние? Плох я сейчас для распросов, вы же видите? Пожалуйста?..

10

Выйдя из квартиры Вологодина на лестничную площадку, Пластов остановился. Показалось: кто-то побежал вверх. Прислушался — как будто тихо. Постоял. Все-таки он отчетливо помнит: как только вышел из квартиры на лестницу, раздались быстрые шаги. Слежка? Нет, вряд ли кто-то следит за ним, скорее играют мальчишки. Подождал, спустился вниз, пошел по

Съезженской к трамваю. Стал переходить улицу, мельком повернул голову — и снова показалось: кто-то идет следом. Теперь уже он был настороже; делая вид, что сворачивает к трамвайной остановке, чуть изменил наклон головы, боковым зрением заметил: какой-то человек, шедший метрах в тридцати сзади, скрылся в подъезде. Сама Съезженская пуста, прохожих почти нет, только впереди, на остановке, — оживление. Человек, шедший за ним, спрятался, и нет никакого сомнения: он за ним следит. Причем — с момента, когда он вошел в квартиру Вологодина, может быть, и раньше, но с этого момента — точно. Вспомнился пустырь, двое с ножами — они? Не исключено. И все-таки вряд ли, там была глухая пустошь, напали эти двое на него не наверху, а в яме, когда он был надежно скрыт от посторонних глаз. Здесь же — открытая улица, впереди люди, можно позвать на помощь. Пока ничего сзади нет, но главное он установил: кто-то за ним следит. Так как сейчас он собирается подъехать к Московской заставе, в полицейскую часть, лучше случая не придумаешь: во-первых, можно проверить, насколько важно для наблюдающего не потерять его из виду, во-вторых — попытаться увидеть, кто же именно этот наблюдающий. Продолжая двигаться к трамвайной остановке, он еще издали заметил трамвай и чуть сбавил шаг. Хвосту сейчас должно казаться — он не собирается сесть. Вот два по-летнему открытых, погромыхающих на стыках вагона остановились, люди стали выходить — и тут же Пластов побежал. Как будто он рассчитал точно, даже если наблюдающий выбежит, вскочить на подножку трамвая он не успеет. На бегу Пластов услышал звонок кондуктора, толчок буферов, ускорил бег, незаметно нагнул голову и увидел, как сзади, надвинув на глаза шляпу и прикрываясь газетой, из подъезда выскочил человек. Еще прибавил, оглянулся — уйти не удастся, человек уже метрах в пятнадцати и продолжает быстро сокращать расстояние. Вскочив в полупустой вагон, Пластов прошел в середину, сел и увидел, как человек в надвинутой на глаза шляпе догоняет трамвай. Вот бежит рядом, держась за поручни. Лица не разглядеть, ничего общего с теми двумя, единственное — апашеский налет придает сдвинутая на нос шляпа. Одет, как обычно одеваются петербуржцы этого возраста из общества: белые брюки, белый жилет, полосатый английский пиджак. Вот пружинно вскочил на подножку, не посмотрев в его сторону, поднялся на заднюю площадку. Отвернулся. Стоит, покачиваясь в такт движению. Пластов сделал вид, что не смотрит туда; конечно, хотелось бы разглядеть лицо, но ничего — посмотрим, как поведет себя этот апаш у Московских ворот. На полицейского филера не похож, тогда — кто это? Кажется, взявшись за защиту интересов Глебова, он кому-то очень мешает, но ведь в конце концов он только адвокат, что надо от него всем этим людям? Любопытно: человек, стоящий на задней площадке, все рассчитал, его лица Пластов в любом случае не увидит. Единственное, можно выйти на площадку и спросить напрямик: почему человек за ним следит? Нет, конечно, глупо, в лучшем случае тот ответит, что никому не возбраняется прыгать в отходящий трамвай, но ведь может быть что-то и хуже...

Сойдя у Московских ворот, Пластов замешкался. Повернуть

для проверки направо, к сгоревшему заводу? Сейчас день, там идут какие-то работы, издали видны люди?.. Или сразу пойти налево, к полицейскому участку? Решив не мудрствовать, он пошел налево; двинувшись по тротуару, оглянулся — кажется, хвоста нет. Да, точно, трамвай ушел, и человека в сдвинутой на лоб шляпе поблизости не видно. Вгляделся в отошедший довольно далеко вагон: кажется, на задней площадке кто-то стоит, но понять кто, невозможно.

11

Пластов, конечно, знал, что адвокаты имеют право обращаться к полицейским только официально. Сейчас же он как раз хотел воспользоваться неофициальными связями, чтобы узнать, какой характер носит ведущееся по пожару следствие. Поэтому в двери четвертого участка Нарвской полицейской части он вошел, улучив момент, когда там никого не было. Пошел по коридору, стараясь не привлекать внимания, стоящему у входа в официальную часть городского начальству кивнул. Тот осторожно козырнул, спросил тихо:

— Простите, к кому-с?

Выдержал внимательный взгляд полицейского, доверительно улыбнулся:

— Иван Альбертович у себя?

Полковник Иван Альбертович Лернер был приставом участка, Пластов шел не к нему, просто он знал это имя, как и имя любого из петербургских приставов. Городовой вытянулся.

— Так точно-с.

Пластов двинул бровями: мол, все ясно — и, чувствуя взгляд городского и показывая, что идет в приемную, на самом деле, скрывшись за углом, свернул в сыскное отделение. Когда-то здесь работал его старый знакомый, заведующий уголовным столом Денисов; в свое время Пластов оказал ему услугу — и теперь рассчитывал на взаимность.

Денисов, обрюзгший кругленький человек со вспушенными вокруг лысины поседевшими волосами, с постоянно виноватым взглядом, выслушав просьбу, растерянно моргнул:

— Арсений Дмитриевич, простите, я всегда готов помочь, но... Дело на особом контроле. Да и вообще... — Чиновник прислушался. — Вы его ведете? В пользу?

— Алексей Фомич, я веду это дело в пользу Глебова, но почему же оно на особом? Вы ведь знаете, я — могила? Кто ведет дело?

— Вел следователь Бромберг, сегодня же... — Услышав шаги по коридору, Денисов застыл. Прошли мимо. — Сегодня передали следователю по особо важным делам Кухмистрову.

— Хорошо, теперь у меня к тебе будет совсем другая просьба, совсем другая. Ты ведь уголовников своих хорошо знаешь? Подведомственных, то бишь Нарвской части?

— Обижаете, Арсений Дмитриевич. Я не только своих, я всех петербургских отлично знаю. У меня, смею думать, лучшая картотека. Да-с.

— Что ж, это прекрасно, если лучшая картотека. Попробуй вспомнить, не водится ли у тебя таких: один рябой, с оспинами, глаза светлые, нос маленький, губы узкие, из растительности — усы, как у китайца, редкие, только светлый колер. Второй коренаст, похож на малоросса, нос перебит, волосы темные, глаза тоже темные, на подбородке ямочка. Не знаешь таких?

Некоторое время Денисов сидел, будто бы бессмысленно глядя в стол. Наконец встал, подошел к картотеке, выдвинул ящик, начал, шевеля губами, перебирать досье. Застыл.

— Один рябой, говорите, другой с перебитым носом... Кто же... Кто же... — Денисов начал рыться в картотеке, изредка показывая карточки Пластову. Нет — пока на фотографиях, приклеенных в уголках досье, ничего похожего не нашлось. Вдруг Денисов сокрушенно вздохнул: — Подождите-ка... Как же я сразу не сообразил. Судя по описанию, один из них — Филимон Ганибалов, он же Гунык Хлюст... Гроза местных бандитов... Только эти люди у меня в отдельном ящике, особо... — Чиновник открыл нижний ящик, протянул лист уголовного досье. — Посмотрите, не он?

Пластов взял карт 'ку, вгляделся. Блеклые глаза, усы, темные пятна на щеках. Отпечаток был некачественным, подслеповатым, но адвокат узнал одного из нападавших.

— Кажется, он.

— Тогда вторым должен быть Иван Донцов, он же Ванька Донец. Вот этот? — Делопроизводитель протянул второе досье — и Пластов узнал чубатого.

— Точно, этот. Надеюсь, Алексей Фомич, у тебя есть на них материал?

— Материала сколько угодно, по этим двум тюрьма плачет. Что надо-то?

— Надо вот что: задержать их, а задержав, узнать, что они делали на пустыре у завода Глебова. А начнешь допрашивать, выясни ненароком, почему они напали на человека, то есть на меня... Фамилию, сам понимаешь, называть не нужно. И вот что, Алексей Фомич... Попробую объяснить, почему они меня интересуют... Мне кажется, их кто-то подкупил. Если выведаешь хоть что-нибудь, окажешь мне бесценную услугу. Ты меня знаешь, я в долгу не останусь.

12

Дома он прежде всего переоделся. Умывшись в ванной, накинул халат — и, только выйдя, заметил: во вделанном в дверь почтовом ящике что-то есть. Открыл ящик, достал сложенный вчетверо листок, развернул — там было написано:

«Г-н Пластов, убедительно просим умерить любопытство и не совать нос куда не следует. В случае неповиновения последует действие. Запомните: мы предупреждаем только раз». Больше на листке ничего не было. Повертев записку, решил: почерк скорее мужской. Видно, за него взялись плотно, не отпускают ни на минуту. Тронул ручку двери; надежды мало, но не исключено,

что Амалия Петровна видела бросившего анонимку. Даже если не видела, нужно ее предупредить на будущее. Он хотел было уже открыть дверь, но раньше позвонили. Это оказался Хржанович. Впустив ученика, Пластов показал листок. Изучив текст, Хржанович вернул бумажку:

— Откуда сие?

— Только что нашел эту штуку в почтовом ящике. Обратного адреса, как видишь, нет. Постой-ка, я загляну к Амалии Петровне. — Позвонив в соседнюю дверь, спросил: — Амалия Петровна, вы не видели, кто опустил в мой почтовый ящик записку?

Соседка удивленно вытерла руки о фартук. Покачала головой:

— Арсений Дмитриевич, клянусь, я ничего не слышала. Странно.

— Вот и я думаю — странно.

— Вы же знаете, я всегда слышу, когда подходят к вашей двери. И обычно интересуюсь.

— На будущее, Амалия Петровна: в эти дни ко мне могут быть неожиданные визиты. Если меня не будет, я уж вас попрошу: лучше даже не открывайте дверь, просто запомните — кто!

— Конечно, Арсений Дмитриевич, о чем вы. Все сделаю, не беспокойтесь.

Вернувшись, кивнул Хржановичу:

— Непонятная история.

— Может быть, он шел на цыпочках?

— Может быть. Кроме того, сегодня я точно убедился: за мной следят.

— Неужели филеры?

— Вряд ли. Тип, которого я засек, не был похож на филера. Кроме того, действовал он не так, как обычно действуют полицейские.

— То есть?

— Гораздо смелей — и тем не менее продуманней. От них я ушел бы сразу, он же почти не скрывался. Несмотря на это, я так и не смог рассмотреть его лица.

— Почему?

— Не смог, хотя мы ехали в одном трамвае. — Дав Хржановичу перекусить, спросил: — По глазам вижу — Ермилова не нашел?

— Арсений Дмитриевич, нет. Сторож как сквозь землю провалился.

— Искал хорошо?

— Обошел конторы найма, сельскохозяйственные предприятия, причем прямо по справочнику. На бирже труда толкался часа два. Бесплезно — никто о таком не слышал.

— Очень похоже, уход Ермилова с завода был умело подстроен.

— Не Глебовым же?

— Нет. Человеком или людьми, действовавшими против Глебова.

— Но это в нашу пользу.

— В нашу, но толку для нас пока в этом нет. Убежден так-

же: после того, как Ермилов ушел с завода, с ним что-то случилось.

— Его просто-напросто убили.

— Может быть. Но пока мы не найдем хоть отдаленных следов самого Ермилова, показать что-то будет невозможно.

Хржанович застыл, глядя в одну точку, и Пластов спросил:

— Ты что?

— Я о денежном переводе.

— Мысль прекрасная. Конечно, узнай завтра, из какого почтового отделения отправили перевод Ермиловой. Но помни, деньги могли перевести из любой точки. Может быть даже, нарочно из другой, чтобы запутать.

— И все-таки будет хотя бы ориентир, Арсений Дмитриевич. Кажется, мне удалось убедиться: владелец пустыря уже не городские власти.

— Да ну? Кто же новый владелец?

— Не знаю кто, но кто-то другой. Я был сегодня в земельном отделе. Факт покупки установил просто — спросил регистратора впрямую. Он было даже достал документы, даже папку раскрыл, но в последний момент передумал. И все-таки одну вещь я узнал... — Найдя бумагу и карандаш, Хржанович быстро нарисовал что-то, протянул Пластову. Тот взгляделся; на листке были не очень умело изображены зубчатый круг и что-то вроде вил или трезубца.

— Эмблема нового владельца — трезубец на фоне шестеренки. Я увидел ее, когда регистратор раскрывал бумаги — в углу купчей.

— Похоже на знак какой-то промышленной фирмы?

— Похоже.

— Цвет?

— Цвет голубой. Не пытайтесь вспомнить, я проверил по каталогу, ни у одной петербургской фирмы такой эмблемы нет.

13

Утром Субботин встретил его так, будто ждал давно. Проводил в гостиную, сел, в глазах инженера не было прежней приветливости, они смотрели настороженно.

— Слушаю, Арсений Дмитриевич?

Пластову показалось: за вопросом стоит недоумение. Да, конечно, Субботин наверняка знает о его разговоре с Вологдиным и сейчас не может решить, как следует относиться к действиям адвоката.

— Василий Васильевич, буду говорить откровенно. Если, соглашаясь защищать интересы фирмы Глебова, я многого не знал и, говоря образно, бросался в неизвестность, то сейчас знаю многое. Прежде всего теперь я с абсолютной ясностью убежден: имел место поджог. Но поджог, сделанный противниками фирмы Глебова. Поэтому я просил бы объяснить мне без обвиняков и с исчерпывающей ясностью: что из себя представлял высокочастотный генератор Вологодина?

Субботин сказал тихо:

— Я знаю, что вы были у Вологодина и говорили с ним. Не

пойму только одного: зачем вам это? Зачем вам знать о сгоревшем генераторе?

— Объясню. Затем, что с первых же минут, как я согласился вести это дело, меня взяли за горло. Затем, что никто не хочет сказать мне правду об этом генераторе, в том числе владелец завода Глебов и даже сам Вологдин. Затем, что меня уже пытались убить.

— Убить?

— Да, убить. Затем, что за мной непрерывно следят. Затем, наконец, что вчера мне прислали предупреждение. — Платов достал и положил перед Субботиным записку. — Вот, полюбуйтесь.

Субботин взял записку, прочел, усмехнулся, вернул Платову.

— Кто это вам прислал?

— Понятия не имею. Я нашел эту записку вчера вечером в своем почтовом ящике.

Инженер хрустнул пальцами.

— Что ж, попробую объяснить, как вы выразились, без обиняков и с исчерпывающей ясностью, что представлял собой высокочастотный генератор Вологодина. Впрочем, может быть, даже еще представляет. Если говорить откровенно, то и пожар завода, и ваша защита, и даже полтора миллиона страховки — все это ничто по сравнению с пропавшим генератором. Попросту ничто. Впрочем, чтобы объяснить... — Повернулся. — Вы знаете предысторию возникновения генератора?

— В какой-то степени. Как объяснил Вологдин, генератор был заказан Морским ведомством?

— Сказать так, значит, ничего не сказать. Морским ведомством... Хорошо, объяснять так объяснять. Есть такое выражение, чисто политическое, борьба флотов, надеюсь, вы его слышали?

— Приходилось.

— Наверняка приходилось, если вы читаете газеты. Выражение ходкое, на самом же деле — с трудом поддается расшифровке. В нескольких словах его не объяснишь, это вопрос глобальной политики.

— По-моему, это выражение пустили в ход англичане?

— Англичане, обладающие пока самым сильным флотом, только кричат. Трубят на весь мир о непомерно растущей силе германского флота. Германского, потому что немцы — их соседи. Немцы другие — вдохновленные адмиралом фон Тирпицем, они, сжав зубы, молча пытаются догнать англичан. Бросив на это все силы, строят в Кили и Гамбурге новые дредноуты. Но есть одна тонкость — больше всего немцев волнует совсем не англичане. Сейчас их волнует другой флот, совсем другой.

— Какой же?

— Наш, русский. Знаете поговорку — «русский силен задним умом»? Так вот, после позора Цусимы Морское ведомство стало спешно закладывать один за другим боевые корабли — линкоры, крейсера, подлодки. Не знаю уж, кто их подстегивал, но по численности и мощи флота мы скоро не будем уступать не только Германии, но и Англии. Но если англичан рост нашего флота трогает меньше, Россия от них далеко, для немцев мы

сейчас просто кость в горле. И волнует их не только рост флота, немцы отлично понимают, в современной морской войне все будет решать не количество боевых единиц, а техническая вооруженность. По-моему, Валентин Петрович объяснил вам, что может дать боевым кораблям его генератор?

— Как я понял, связь на большие расстояния?

— Верно. В современной войне, если она скоро начнется, это будет страшным оружием. Даже представить трудно, каким страшным. А так как изобретенная Поповым радиосвязь еще с девятьсот седьмого года традиционно развита на русских кораблях, радиогенератор позволил бы нашему флоту сразу оторваться от немцев. Обойти Германию на несколько лет вперед, может быть, даже на несколько десятилетий. Вы понимаете теперь, что значил этот заказ — как для нас, так и для немцев?

— Вы хотите сказать...

— Я ничего не хочу сказать. Просто тут не нужно даже думать... Ясно, какую огромную ценность мог представлять такой генератор. Только что изобретенный высокочастотный радиогенератор, уже готовый к действию и отлаженный.

Пластов молчал. Все, что рассказал Субботин, подтверждало сделанные раньше выводы, хотя теперь он понимал: в них вносятся существенные поправки. До разговора с инженером адвокат был убежден — подоплекой событий была конкурентная борьба, в поджоге замешана одна из фирм-соперниц. Теперь же у него почти не было сомнений: дело связано с военным шпионажем. Еще во время объяснений Субботина он вспомнил: трехзубец на фоне шестерни. Эмблема, которой нет ни у одной петербургской фирмы. Не нужно быть провидцем, чтобы понимать: подавляющее большинство немецких промышленных фирм снабжает сведениями германскую разведку. Но с другой стороны, если допустить, что пустырь у завода Глебова приобретен одной из таких фирм, да еще за несколько дней до пожара и скрытно, это может нарушить конспирацию...

— Василий Васильевич, в связи со сказанным у меня есть несколько вопросов. Почему Вологдин не сказал мне о значении своего изобретения?

— Вологдин чрезвычайно скромный человек.

— Хорошо, пусть так, но Глебов? Почему в разговоре со мной он всячески принижал значение генератора? Почему отказывался даже называть это изобретением?

— Нет пророка в своем отечестве. Я очень хорошо отношусь к Николаю Николаевичу Глебову, это пионер отечественного электромашиностроения, всесторонне образованный человек, даже не без широты взглядов. Но не забывайте, Глебов прежде всего предприниматель. При всех прочих обстоятельствах он думает прежде всего о получении прибыли. Вы знаете, что сначала Морское ведомство хотело заказать изготовление генератора не ему, а немецкой фирме «Симменс-Галльске»?

— Нет. И что же?

— Ничего, все было расписано как по нотам. Подумав, немцы отказали, но весьма своеобразным образом: заломив за изготовление опытной модели генератора небывалую сумму, двести тысяч рублей.

— Ого...

— Ясно, это был блеф, генератора они все равно бы так и не сделали, только оттянули бы время. И ясно также, что у Морского ведомства не могло оказаться столь огромной суммы — тем более на изготовление спорного в теоретическом и практическом смысле устройства. Заказ «Симменс-Галльске» отпал. Но вскоре разговоры о радиогенераторе возникли в фирме Глебова.

— И что же Глебов?

— Сначала он категорически отказался брать заказ. Ведь Глебов чистый электромеханик, с радио дела никогда не имел. Боялся не выполнить заказ, да и просто-напросто не верил в этот проект. Но об идее высокочастотного генератора узнал Вологдин — и загорелся. А я знаю, что это такое, когда загорится Вологдин. Валентин Петрович подсчитал, что стоимость работ не превысит семи тысяч рублей. Мы вместе налегли на Глебова — и после долгих переговоров тот наконец согласился изготовить генератор по чертежам Вологдина. Но при условии: Морское ведомство должно заключить льготный договор лично с ним, Глебовым. Так что бы вы думали — и после этого Глебов не верил Вологдину. Хотя машина строилась на его заводе, практически он не оказывал изобретателю никакой помощи, в последнее же время даже отказал в кредитах. Вологдину пришлось из своего небольшого жалованья платить за модели, за получаемое из-за границы высокочастотное железо, даже за такую сложную деталь, как ротор. Естественно, когда работа была завершена, Глебов не придал или не захотел придать ей должного значения. Тем более, как я уже говорил, в радиотехнике Николай Николаевич понимает мало.

Пластова такое объяснение устраивало, но были другие вопросы. Подождав, пока Субботин усядется в кресло — пальцы инженера теперь нервно постукивали по краю стола, — спросил:

— Василий Васильевич, что значит ваше сомнение, будто генератор Вологдина не сгорел?

Пальцы застыли, инженер встал.

— Хорошо, Арсений Дмитриевич, извольте. Сгоревший генератор стоит у меня в сарае, прошу. Я объясню все на месте.

14

Пластов вошел в сарай; сразу за дверью в рассеянном свете можно было разглядеть сильно помятый и прогоревший кожаный носок. Не церемонясь, Субботин носком ботинка отодвинул покрытие. Открылись внутренности — собственно, это были даже не внутренности, под кожаным лишь чернели обгоревшие остатки.

— Жалкое зрелище? Э-эх... — Субботин скривился. — И все-таки... — Присел, тронул что-то, цокнул языком. — Все-таки это не генератор Вологдина. Нет, не генератор.

Пластов повернулся:

— Как не генератор Вологдина? Что же это?

— Ничего. Хотя этот лом очень похож на сгоревший генера-

тор, это не он. Видите ли, Вологдин впервые совместил в своем устройстве сам генератор и двигатель. Машина стала компактной, увеличилась скорость вращения ротора. Так вот — кто-то, очень хорошо знающий конструкцию только что созданного радиогенератора, засунул в один корпус остатки деталей сгоревших ротора и статора вместе с двигателем. Или на пожаре, или скорей всего еще до пожара этот умелец позаимствовал части других машин типа УМО и, чтобы замести следы, поставил на испытательный стенд, дабы создать полную иллюзию сгоревшей высокочастотной машины.

Пластов на секунду встретился взглядом с Субботинным.

— Вы хотите сказать, настоящий генератор был похищен?

— Я хочу сказать именно это. Дело в том, что сразу после отладки новый радиогенератор должны были принять для ходовых испытаний к себе на борт моряки броненосца «Андрей Первозванный»... Кстати, они узнали о пожаре одними из первых, я сам позвонил им. Так как у военно-морского порта есть свои автомобили, моряки во главе с начальником радиосвязи «Первозванного» лейтенантом Бергом первыми были на месте. Увы, завод к этому времени уже сгорел. Все же матросы и сам Берг, не жалея себя, кинулись сквозь догоравшие обломки к испытательному стенду... К несчастью, им удалось обнаружить лишь это. — Инженер отряхнул руки, встал. — К тому времени на месте происшествия уже были я сам, Ступак, Гервер... Позже подъехал Глебов. Вологдин, как вы знаете, был в отъезде. Оказавшись у испытательного стенда, я увидел лишь то, что нашли моряки. Валентин Петрович не захотел даже рассматривать все это. Сам же я, в спокойной обстановке изучив те немногие детали, которые обнаружил на стенде, убедился — это ни в коем случае не генератор Вологдина. То, что стоит у меня в сарае, лишь подделка.

— Как я понял, Вологдин об этом не знает?

— Пока не знает.

— Кто еще знает о подмене?

— Никто, кроме меня. Теперь, само собой, и вас. Но если подозревать меня, то с моей стороны по меньшей мере глупо обо всем этом рассказывать.

— Но есть еще Глебов.

— Глебов никогда не стал бы этим заниматься, он все-таки выше этого. Но даже если допустить такую невероятную вещь — Николай Николаевич, как я уже говорил, крайне слабо разбирается в конструкции радиогенератора. И уж совершенно точно он не знал, что генератор и двигатель совмещены.

— Тогда кто же совершил подмену?

— Неразрешимая загадка. Решить ее я не могу.

Пластов откланялся, уже от дверей квартиры спросил:

— Кстати, Василий Васильевич, какой фирме может принадлежать эмблема — трезубец на фоне шестерни?

— Понятия не имею... Но можно посмотреть в конторе — там есть все каталоги. Или спросить Гервера, он наизусть знает все эмблемы.

— Похоже, фирма с этой эмблемой недавно приобрела пустырь рядом с вашим заводом.

— Вряд ли такое возможно. Мы пытались как-то оформить купчую, нам было отказано.

— И тем не менее какая-то фирма этот участок земли приобрела. Перед самым пожаром, причем сделка была оформлена скрытно.

— Действительно, непонятно. Впрочем, наверное, вы в этом разбираетесь лучше...

— Василий Васильевич, кроме нас, никто не должен об этом знать. Это очень важно для меня как для адвоката. Условились?

— Хорошо, раз никто не узнал, никто и не узнает. Насчет же эмблемы — сегодня постараюсь выяснить, что это, и сообщу вам.

Простившись с Субботиным, Пластов поехал домой. Хржанович, пришедший точно к обеду, принес новость: денежный перевод на имя Ермиловой был отправлен шестого июля с Василеостровского почтового отделения. Таким образом, история с исчезновением Ермилова становилась еще запутанней.

К вечеру позвонил Субботин: эмблема принадлежит немецкой промышленной фирме «Шуккерт и К^о» с отделениями в Берлине и Данциге. Об этом ему сообщил Гервер; Гервер же сказал, что месяц назад эта фирма открыла в Петербурге, на Невском, 42, свое представительство.

15

Сойдя на Моховой и отпустив извозчика, Пластов пошел к подъезду, вдруг услышал шепот:

— Арсений Дмитриевич... Арсений Дмитриевич, осторожней... Тсс... Тише!

Повернулся — Хржанович; смотрит, высунувшись из арки. Вот махнул рукой: сюда!

— Что случилось? Вадим?

Хржанович втащил его в подворотню, зашептал:

— Не входите в подъезд, они могут быть там...

— Кто — они?

— Не знаю... Их двое, они уехали... Но вдруг у них сообщник?

— Какой сообщник?

— Они подъехали на автомобиле. Черный «фордзон».

— Ну и что? Спрашивали меня?

— Нет, но я вошел в подъезд, услышал, как один сказал: «Может, подождем?», второй ответил: «Ничего, от нас все равно не уйдет». Я подумал, что это о вас.

— Что дальше?

— Я сделал вид, что поднимаюсь. Они прошли вниз. Один из простых, коренастый, второй похож на такого петербургского гуляку.

— Гуляку?

— Да, в спортивном пиджаке и котелке. Высокий, лет тридцати. Вышли, я остановился и услышал, как отъехал автомобиль.

— Почему ты решил, что кто-то остался наверху? Они говорили об этом?

— Давайте на всякий случай походим? Рядом, по Моховой?

— Зачем?

— Пожалуйста. На всякий случай.

— Глупо. Впрочем, если хочешь — изволь.

Они двинулись по Моховой, Пластов подумал: кажется, «гуляка» похож на того, кто следил за ним на Съезженской. Поймал себя на мысли: сейчас его больше волнуют не эти двое, а то, с какой редакцией связан Коршакеев. Шел одиннадцатый час, прохожих было довольно много, идущий рядом Хржанович хмыкнул:

— У вас нет пистолета?

— Нет, он мне и не нужен.

— Но разрешение, как у адвоката? Слушайте — купите пистолет. Рано или поздно эти двое до вас доберутся... Это были явные бандиты.

— Во-первых, у меня нет разрешения, оно кончилось четыре года назад. Во-вторых, зачем мне пистолет?

— Как зачем? — Хржанович хлопнул себя по коленям. — Купите без разрешения! Обязательно, Арсений Дмитриевич! Это бандиты!

— Чтобы испортить все дело? Меня отдадут под суд, только и всего.

— Но они же вас прикончат! Разве вы не видите? — Хржанович остановился, Пластов мягко взял его под руку:

— Вадим, ты же сам предложил пройтись. Так пойдем. — Двинулись дальше. Тебе не кажется, если они хотели бы меня убить, они давно бы уже это сделали? Причем не помог бы никакой пистолет.

— Но ведь вы сами рассказывали — на пустыре? Ведь то, что было, явное покушение на убийство?

— Там было совсем другое. Уверен, те двое меня не ждали, здесь же... Согласись, вряд ли убийцы будут приезжать на черном «фордзоне» у всех на виду?

— Почему бы и нет?

— Потому что лучше сделать это втихую. Скорее кто-то просто хочет меня запугать.

— Возможно... Арсений Дмитриевич, не ругайте меня, а? Я хотел как лучше.

— Ты о чем?

— Представляете, от нечего делать зашел сегодня в торговое представительство фирмы «Шуккерт». На Невском, сорок два.

— Зачем?

— Не удержался, хотел посмотреть, что это такое. Сказал, ищу работу, предложил услуги. Секретарша явно из Петербурга, торговый агент скорее немец, хотя по-русски говорит чисто. Они меня довольно быстро выпроводили. Мест нет и не предвидится даже в отдаленном будущем.

— Естественно, ты там был совершенно лишним. Ч-черт...

— Вы о чем?

— Проверить бы их банковские счета. Все бы отдал за это.

— Я бы рад — меня просто не пустят в банк.

— К сожалению. Впрочем, попади ты туда, толку все равно будет мало. Не хочешь проделать один эксперимент? Зайди завтра в три редакции, «Петербургский вестник», «Биржевые новости» и «Новое время».

— Что, просто зайти?

— Загляни в отдел фельетонов... Нет, лучше в секретариат, и скажи фразу: «Я от Коршакеева, он просил передать, что материал о Глебове задерживается».

— И все? Одну фразу?

— Все, если не считать, что после этого ты должен сделать главное — запомнить, что тебе скажут в каждой редакции. Все до последнего слова. Не надеешься на память, запиши. И идем домой, уверен, если кто-то и стоял наверху, он давно ушел.

16

В Василеостровском почтовом отделении царил обычное утреннее затишье. За столом в зале не спеша перелистывал подшивку газет старичок в пенсне, юноша в форменном сюртуке, сидящий за конторкой, что-то писал. Войдя в зал, Пластов направился к нему, юноша отложил перо. Адвокат благодушно улыбнулся, протянул листок:

— Милостивый государь, у меня к вам величайшая просьба. Здесь номер и число денежного перевода, вы не могли бы проверить, действительно ли этот перевод был отправлен? Именно этого числа и именно этим номером?

Юноша взял листок, двинулся к конторке, Пластов добавил вслед:

— Фамилия переводящего — Ермилов. — Подойдя к Пластову, юноша показал запись. — Вот. Номер и число те, что указаны в вашей записке. Ермилов. Отправлен денежный перевод на имя Ермиловой. Двадцать рублей. Пятого числа-с.

На улице Пластов еще раз проверил адрес — почтовое отделение располагалось на Шестнадцатой линии. Пройдя немного, перешел мостовую, сел на скамейку и развернул на коленях карту Петербурга. Долго изучал левый верхний угол карты, ту часть, где были подробно обозначены как геометрически выстроенные линии, так и незастроенные места Васильевского острова. Сейчас Пластова не интересовала геометрия, густо заселенная горожанами; он внимательно просматривал вольные линии пустырей, берега и особенно — верхнюю часть, называемую Голодаем. Пустошь, на которой были обозначены два квадрата, адвокат тронул указательным пальцем; помедлив, твердо подчеркнул ногтем название: «Натальинская ферма». Принялся изучать теперь уже всю карту. Изучение это было дотошным, но, сколько Пластов ни всматривался, найти в городской черте еще одно место, которое называлось бы так — «ферма», — ему не удалось. Вздохнув, сложил карту, спрятал в карман. Оглянулся — Шестнадцатая линия, на которой находилось только что проверенное им почтовое отделение, вела прямо к Голодаю, Ферма... Конечно. Он должен был понять это

раньше. «Ферма», которую, по всей видимости, наняли охранять Ермилова, не имела никакого отношения к сельскому хозяйству.

17

Днем по пустынной части Голодая, посившей название Кашеварки, шел человек. Передвигался он не торопясь, незаметно оглядывая прохожих и изредка останавливаясь. По виду человек был похож на чудака — гуляющего, оказавшегося здесь случайно; зайдя в самый центр пустыря, называющегося почему-то Новым Петербургом, присел у края разлившегося болота, долго рассматривал кувшинки и лилии. Потрогал рукой ряску, взболтал мутную жижу, поднес ладонь к глазам, изучая осевшие на ней зеленые крапинки. Поморщился, достал платок, шурясь на солнце, неторопливо вытер ладонь — и двинулся дальше, к Голодаевскому переулку. Увидев местного жителя с тележкой сена, остановился. Подождал, пока мужичок минует обнесенное забором двухэтажное здание, кивнул:

— Любезный, сам не отсюда?

— А что? Откуда.

Пластов, сделав вид, что небрежно осматривает окрестности, процедил:

— Хорошо, хорошо... Понимаешь, хотел я тут дачку на лето присмотреть. Не поможешь?

— Дачку? Ну, барин...

— А что?

— Да тут дач-то отродясь никто не снимал... Какие тут дачи-то? — Сплюнул. — Пакость одна, болота, гниль.

— Ну-у, это ты зря. Вот, например, чем не дача?

Мужик оглянулся:

— Которая? Натальинская-то ферма? Да в ней никто не живет.

— Ну и что, что не живет? Забыл, как ты ее называл? Натальинская?

— Натальинская ферма, как еще?

— Ну да, ферма, значит. Она давно здесь, эта ферма?

— Всегда тут была.

— Почему ж так называют — ферма?

— Кто их знает. — Мужик взялся за ручку. — Зовут и зовут.

— Не живут, говоришь, на ней?

— Кто ж здесь жить-то будет?

— И давно?

— Не живут-то? Почитай, сколько помню — годов шесть. А то все семь.

— Понятно. Не скажешь, раньше на ней кто жил?

— Раньше она чухонской была, чухонцы с фабрики жили. Да потом ушли, воздух плохой, испарения тут.

— И что — теперь никто эту ферму не сторожит?

— Сторожит? — Мужик почесал в затылке, снхва отпустил тележку. — Да ты, барин, никак про сторожа спрашиваешь?

— Про какого сторожа?

— Подожди... — Мужик повернулся к дому. — Ну да. Не-

дели две назад чужак какой-то сидел тут на завалинке. В ко-
жухе.

— Сторожил, выходит?

— Ну да. Я еще подумал: купил, что ль, кто Натальинку?

— Где он сейчас-то — сторож?

— Кто его знает. Я и то смотрю, как утром ни прохожу, сидит на завалинке, зевает. Думаю, охота была, там не живет никто, купили, может... А потом, недели уж две как, не видать. Который день хожу — не сидит.

— Значит, нужды нет.

— Оно верно. Пойду, барин.

— Постой, какой он из себя был, этот сторож?

— Ну, барин... Не упомяну. Вроде так мелковатый, с боро-
дой. А так — мне он ни к чему. — Мужик кивнул: — Пойду,
господин хороший, извини.

Глядя ему вслед, Пластов подумал: место здесь пустынное. При определенном опыте сделать с человеком можно что угодно. Камнем по голове, труп в болото — и концов не сыщешь. Недели две назад — это примерно пятого-седьмого июня. Перевод с Василеостровского почтового отделения отправлен пятого. Все сходится. Очень похоже, что с Ермиловым поступили именно так, сторож нашел здесь свой конец. Но вряд ли полиция разрешит поиски тела, у него ведь нет ни одного доказательства. Но даже если допустить, что ему удастся убедить власти, он и приблизительно не определит место, куда могли сбросить убитого.

18

К концу дня Пластов шел по набережной Фонтанки, возвращаясь домой. Теперь он почти не сомневался: пожар и дело о страховке затеяно для того, чтобы скрыть похищение генератора. Заметил про себя: ему, как юристу, доказать ценность пропавшего устройства будет трудно, если не сказать невозможно. Это никак не опробованное изобретение. Вспомнил слова Субботина — «полигон мысли». Похоже, генератор был нужен, но завод подожгли не только из-за этого. Тем, кто выкрал новый агрегат, сильно мешал и сам завод. Что касается фирмы «Шуккерт», купившей пустующий участок земли рядом с заводом, вряд ли она непосредственно связана с диверсией. Но пронохать что-то о замышлявшемся пожаре фирма могла. Значит, с немецкой дальновидностью могла рассчитать, что сгоревший завод будет легче присовокупить к заранее приобретенному пустырю. Похоже, Глебов действительно обречен. Скандал вокруг его имени необходим как прикрытие — после него всем, кроме самого Глебова, обеспечена спокойная жизнь. Ермилов — Трояновский — Коршакеев, до чего же умная и точная игра. С мыслью об этом он повернул на Моховую и увидел Тиргина.

Помощник присяжного поверенного стоял на углу в квартале от его дома, делая вид, что разглядывает афиши. Кажется, он ждал именно его. Приблизившись, бывший сокурсник поднял брови, сказал вполголоса:

— Арсений... Я так и думал, что ты подойдешь с этой стороны.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего, пойдем рядом. — Они двинулись в сторону Литейного. — Если кто-то нас увидит, он должен подумать, что мы встретились случайно.

— Да в чем дело, ты можешь объяснить?

Тиргин, пытаясь что-то перебороть в себе, отвернулся.

— Сейчас поймешь... Арсений, мы оба юристы. Я надеюсь, тебе не нужно ничего объяснять. Я назову шесть цифр.

— Шесть цифр?

— Да, шесть цифр. Запомни: восемьсот восемь, девятьсот один. Запомнил?

— Восемьсот восемь, девятьсот один. Ну и что?

— Ничего. Я вообще тебе ничего не говорил.

— Понимаю, но что это?

— Неважно, потом поймешь. Учти: я делаю это только ради Лизы Глебовой. Только ради нее.

— Ты хочешь сообщить мне только эти цифры — и больше ничего?

— Но эти цифры — и так очень много. Да, Арсений.

Кажется, кандидат в женихи решил ему помочь. Интересно. Только вот что могут дать ему эти цифры? Прежде всего, что они означают? Совсем не исключено, что это номер счета. Но что это может дать ему, Пластову? Практически ничего, ни один банк в Петербурге не пойдет на то, чтобы нарушить тайну вклада. Он повернулся, разглядывая шагающего рядом Тиргина. Наверняка эти цифры связаны с Трояновским, но что они значат?

— Что это? Банковский счет?

— Арсений, я больше ничего не могу сказать... Клянусь.

Нет, этих цифр ему недостаточно, надо вытягивать из Тиргина остальное. Вытягивать всеми возможными средствами. Ведь практически во всем деле Глебова он до сих пор не может обнаружить ничего материального, только догадки, предположения, слухи. Пройдя еще немного, Пластов остановился.

— Вот что, Тиргин, то, что ты мне сейчас сказал, воздушный пузырь.

— То есть как воздушный пузырь?

Пластов подул в воздух:

— Вот так, видишь? Что мне эти твои шесть цифр? Что?

— Знаешь, Арсений, я и так пошел на многое.

— Ценю твое желание помочь, но ты правильно выразился: мы с тобой юристы. Допустим, я понял, что означают эти шесть цифр. Это банковский счет, больше того — банковский счет, открытый в некоем банке на имя Трояновского...

— Ради бога, Арсений!

— Да не трусь ты, черт тебя возьми! Не трусь, пойми — ты уже все выдал! Ты где-то увидел эти шесть цифр, так вот — где? На каком-то документе, письме, в записной книжке? Да не молчи ты! Где ты их увидел?

— Арсений, я этого не могу...

— Будь мужественней, неужели тебя так запугал Трояновский?

Тиргин сглотнул слюну.

— Пойдем, на нас смотрят. — Они двинулись по тротуару. — Хорошо тебе говорить, ты ни от кого не зависишь... Да тебе и вообще нечего терять... Ладно, бог с тобой, все ради Лизы... Эти шесть цифр я увидел в письме.

— В каком письме?

— В конфиденциальном письме на имя Трояновского. В нем сообщалось, что на имя Трояновского в банке Мюллера открыт счет, номер которого я тебе назвал. — Тиргин остановился, его бледно-голубые глаза растерянно моргали. Да, подумал Пластов, для своего характера его бывший сокурсник решился на многое, но даже этого мало, если он хочет иметь хоть какие-то шансы на успех. Нужен документ, материальное доказательство, иначе все опять уйдет в песок.

— Владимир, один вопрос: ты мог бы достать это письмо?

— Арсений, ты сошел с ума.

— Я не сошел с ума. Нужно даже не само письмо — копия. Нотариально заверенная копия, о существовании которой, уверяю тебя, никто не узнает. Никто, кроме двух-трех человек. Вот когда ты дашь копию письма, это действительно будет помощь.

Он еще не закончил обед, как пришел Хржанович. Возбужденный, принялся ходить по кухне, потирая руки. Остановился:

— Я был в «Петербургском вестнике». Там секретарь крикнул: «Эй, Коршакеев делает для нас что-нибудь? Нет? Точно?» Из соседней комнаты крикнули: «Точно!» Он развел руками, буркнул: «Вы что-то ошиблись». Но как я накрыл «Биржевые ведомости»! Как накрыл! Меня как будто осенило, будто вдохновение нашло... Я вхожу и тихим таким голосом: «Я от Коршакеева... Он просил передать, что материал о Глебове задерживается...» Секретарь сразу бросил писать, оглянулся: «От Коршакеева?» — «Да, от Коршакеева». Смотрит в упор: «А что случилось?» Я: «Не знаю, просто Коршакеев просил передать, что материал задерживается». Помедлил, стал грызть ручку, бросил: «Подождите, не уходите без меня». Ушел, не было минут пять, наконец вернулся: «Скажите, шеф просил Константина Петровича сегодня же позвонить обязательно! Поняли? Обязательно!» Хорошо, говорю, скажу — и ушел.

— Молодец... Значит, этот мерзавец связан с «Биржевкой»... Ешь, я уже пообедал.

— С «Биржевыми»... — Хржанович принялся за суп, кивнул: — А знаете, кто финансирует «Биржевые»?

— Насколько мне не изменяет память, несколько банков.

— Да, но главным образом мюллеровский банк, а это дочернее отделение банка Штюмера. То есть, вы понимаете, это газета германофилов? И 이제 с ними?

Пластов вошел в полицейский участок, разыскал следователя по особо важным делам статского советника Кухмистрова и, войдя в его кабинет, положил на стол визитную карточку. Сидящий за столом хозяин кабинета кивнул.

— Прошу, господин Пластов, рад познакомиться.

Пока все предполагаемые участники заговора, неувольнимым образом складывающегося против Глебова, оставались неуязвимыми — Пластов не мог бы предъявить никаких конкретных обвинений ни Трояновскому, ни Защипину, ни Коршакеву. Именно поэтому он сейчас понимал: важно выяснить, может ли входить в этот заговор Кухмистров; если да, ему впору отказываться от защиты. Встретился с взглядом колющих, но внимательных серых глаз: по первому впечатлению ничего, что говорило бы о предвзятости или нерасположении. Голос спокойный, профессионально уверенный, но не надменный, в поведении чувствуется готовность к разговору.

— Как я понимаю, вы адвокат, защищающий интересы фирмы «Глебов и К°»?

— Совершенно верно. Ваше высокородие, не буду отнимать у вас время. Думаю, вы, как и мне, хорошо известны обстоятельства дела.

Глаза Кухмистрова сузились.

— Вполне возможно, господин Пластов. Так как я не ждал вашего визита, признаюсь: говорить на эту тему пока не готов, но могу дать объяснения, если вас что-то интересует.

— Понимаю, ваше высокородие. Напротив, я, если у вас возникнут какие-то вопросы, готов ответить на любой из них.

— Я жду ваших, господин Пластов.

— Хочу прибегнуть к любезности следствия и выяснить одно: степень вины сторожа? Кажется, его фамилия Желдин?

Кухмистров смотрел довольно сухо:

— Да, господин Пластов, совершенно верно, Желдин. Вам никто не будет препятствовать в выяснении степени вины любого человека, но до окончания разбирательства материалы следствия принадлежат только следствию. Таков закон.

— Я это прекрасно знаю, ваше высокородие, но мне известно, что Желдин арестован, и я хотел бы получить с ним свидание. Думаю, не нужно обосновывать причины просьбы — они ясны.

Это точный удар. По его расчетам, новый сторож мог быть лишь подставным лицом, не посвященным в общий план. Если Глебову предъявят обвинение, как инициатору поджога, для заговорщиков сторож будет наиболее вероятной кандидатурой на роль непосредственного исполнителя. Значит, он ничего не должен знать, иначе в ходе следствия или на суде может выдать остальных участников. Если же допустить, что Кухмистров входит в заговор, он постарается не дать ему свидания со сторожем, чтобы не позволить выяснить эти тонкости. То же самое, конечно, могло случиться и при беспристрастном следствии, для отказа в свидании есть все основания, но на это у Пластова был свой взгляд. Было еще одно: отказ в свидании с Желдиным можно использовать в дальнейшем как козырь в защите и повод для отвода. По взгляду Кухмистрова — тот все отлично понял.

— Господин Пластов, вы сами понимаете, я всерьез озабочен полнейшим выяснением обстоятельств дела. Как юрист, вы должны понять, мне крайне важно, чтобы на показания Жел-

дина никто не влиял. Поэтому вынужден отказать в этом свидании, согласитесь, может быть, даже в интересах фирмы.

Может быть, этот опытный чиновник и не замешан в заговоре прямо, но это и не суть важно. Вполне достаточно, что сам Пластов сейчас понял: кто-то дал Кухмистрову понять, в каком направлении следует вести дело. Иначе бы следователь с таким опытом обязательно попытался выяснить истинную роль Желдина. Встретив невозмутимый взгляд Кухмистрова, Пластов улыбнулся:

— Сомневаюсь, чтобы отказ адвокату в свидании с работником фирмы был в интересах этой фирмы. Но что поделать. Мне было важно понять отношение Желдина к случившемуся, к сожалению, своим отказом вы помешали мне это сделать.

— Надеюсь, господин Пластов, мотивы вы понимаете,

— Да, безусловно, мотивы, но не отказ,

Кухмистров развел руками:

— Увы, господин Пластов, я ничего не могу добавить к сказанному.

Выйдя от Кухмистрова, Пластов плотно прикрыл за собой дверь. Оглянулся — коридор пуст. Не спеша прошел к уголовной части, три раза стукнул в дверь Денисова, услышав спокойное: «Прошу» — вошел, закрыл дверь.

— Добрый день, Алексей Фомич. Чем порадуете?

Алексей Фомич смотрел настороженно; подошел к двери, повернул ключ.

— Порадую, только знаете, давайте говорить тихо.

— Извольте. — Пройдя вслед за Денисовым и усевшись, Пластов поинтересовался: — Узнали что-то?

— Вы не представляете даже, как только я не улещивал этого Гуньку. Ему было велено доносить, кто будет пронохнуть на этом самом пустыре. Есть одна фирма, завод машиностроительный, «Шуккерт и К°». Дело в том, что эта фирма являлась владельцем этого участка земли. Во владение вступила всего месяц. Частные владельцы, как известно, имеют право нанимать для охраны кого угодно.

— Нанимать, но не резать заживо прохожих.

— Плохо. — Денисов с досадой почесал за ухом. — Очень плохо. Получается, я занимаюсь делом Кухмистрова.

— Вы проводили мелкое расследование, никто из вашего начальства не будет им интересоваться. Надеюсь, сами протокол допроса Гуньки вы не покажете Кухмистрову? А вот если вы дадите копию протокола мне...

— Арсений Дмитриевич... Это же государственный документ. У меня семья. Христом-богом прошу.

Пластов вытащил из внутреннего кармана конверт.

— Здесь триста рублей. Берите. Смею уверить, вы честно работали эти деньги.

Триста рублей серьезно подрывали его наличность, но выявленные Денисовым факты явно того стоили. Чиновник смотрел на конверт, покусывая губу.

— Что ж, ваша взяла. — Вырвав несколько листов, делопроизводитель протянул их Пластову. — Вот.

Субботин после звонка открыл дверь не сразу, когда створка распахнулась, Пластову показалось: инженер чем-то обеспокоен.

— Может быть, я некстати, Василий Васильевич? Простите, у вас гости?

— Нет, ради бога. Просто я был кое-чем занят. Проходите, всегда рад вас видеть. Я один, проходите в кабинет.

Усевшись в кресло, Пластов постарался забыть напряженность Субботина.

— Василий Васильевич, хотелось бы еще раз вместе с вами взглянуть на остатки найденного генератора.

— Ради бога... Что — вы пришли только из-за этого?

— В общем, да. Если позволите, после того как мы его осмотрим, я вам кое-что объясню?

Медлит. Что с ним? Неважно, главное сейчас разобраться с тем, ради чего он пришел. Субботин кивнул:

— Что ж... Прошу.

Они спустились вниз, прошли к сараю. Субботин открыл дверь, кивнул:

— Вас интересует это?

Пластов присел над закопченным агрегатом, осторожно приподнял кожух. Ничего нового, те же обугленные детали, но теперь он смотрел на них по-другому.

— Василий Васильевич, хотел бы поделиться с вами сомнениями. Насколько я понял, вы убеждены: генератор Вологодина с завода похищен?

— Конечно. Не только убежден, это так и есть, это факт. Ваши сомнения связаны именно с этим? В чем же вы сомневаетесь?

— Не буду отрицать, что генератор Вологодина исчез. Вот только когда это случилось? До пожара? Или — после?

— Думаю, до пожара.

— Когда именно?

— Как только с завода ушел последний человек. Сторож Желдин не в счет. Не буду говорить о степени его виновности, но ему веры нет.

— Напрасно.

— Не понимаю, — Субботин встретился с ним взглядом, — Ведь Желдин взят под стражу?

— Ну и что? Василий Васильевич, мне кажется, новый сторож человек хоть и неопытный, но честный. Не потому, что я в него верю, — за это логика. Впрочем, дело не в этом. Оставим Желдина.

— В чем же?

— Генератор не могли похитить до пожара, Никак.

— Почему вы так убеждены? Причина?

— Причина простая — до пожара ничего нельзя было считать. Для человека, который, допустим, выкрал бы настоящий и поставил на стенд поддельный генератор, — для него ведь не могло быть никакой гарантии, что подделка обязательно сгорит? Значит, он не мог быть уверен, что она скроет следы? Или — такая гарантия была?

— Я об этом не подумал. Действительно, такой гарантии не было.

— Я тоже думаю, что не было. Откуда он мог знать, что завод сгорит дотла? Но тогда подделка сразу была бы раскрыта? Или не так?

Инженер снова присел, разглядывая остатки электромашины.

— Вы правы... Черт... Что же, выходит, он похитил его...

— Если кто-то и похитил генератор, то сделал он это скорее после пожара.

— Но тут противоречие... — Раздумывая о чем-то, Субботин покачал головой. — Явное противоречие.

— Действительно, противоречие: откуда в таком случае этот человек мог знать, что генератор уцелеет?

Субботин повернулся:

— Именно, откуда?

— Сомнение серьезное, но, как я понял, то, что мы видим, собрано из уже сгоревших остатков. Или не так?

— Пожалуй, вы правы... Да и верно, сгоревшими остатками сбить с толку легче... Сплошная путаница, что же получается... Поджигая завод, он тем не менее рассчитывал, что машина уцелеет?

— Не знаю, — заметил Платов.

— Да и потом, когда он унес генератор? Там же была полиция?

— По-моему, было лишь двое городских, которые больше следили за порядком.

— Тогда... Что же вы полагаете?

— Ничего.

Они вышли, Субботин запер дверь и, пройдя вместе с Платовым к подворотне, остановился.

— Действительно, получается какая-то несуразица. Вы уж... простите меня? Я довольно холодно вас встретил?

— Василий Васильевич, какие церемонии, сейчас не до этого. Надо понять, понять, как все было.

— Да, вы правы, понять... Счастье-то, вот счастье...

— Простите, вы о чем?

— Оказывается, вы честный человек, а? Я обязан, просто обязан уговорить вас, чтобы вы во что бы то ни стало выиграли страховку для Глебова.

— Но... я ведь и так хочу это сделать.

Субботин вздохнул, помрачнел.

— Хотите, вы правы... Д-да. Чертова история. Уговариваю вас, хотя вы и так... — Задрал голову, разглядывая полоску неба наверху. — Ладно, Арсений Дмитриевич, извините... Жду завтра.

21

Платов назвал номер телефона юридической конторы Трояновского, с облегчением услышал голос самого Тиргина, сказал:

— Запомни: если ты хочешь оказать важную услугу хорошо известному мне и тебе лицу, ты должен выполнить мою последнюю просьбу. Ты слышишь меня, Владимир? Ближайшая нотариальная контора от тебя в десяти минутах ходьбы. Снять ко-

лию — секундное дело. Мне отступать некуда, но некуда отступать и тебе. Я не собираюсь угрожать, наоборот, взываю к твоему чувству долга. В бедственном положении находятся люди, у которых ты бывал. Дом, в котором ты был принят. Ты понимаешь, о чем я говорю? Это дело чести.

— Что ж, сударь... — Голос Тиргина дрогнул, в нем появилась хрипотца. — Что ж, сударь, я подумаю.

— Чтобы облегчить себе задачу, воспользуйся моим абонементным ящиком на центральном почтамте, его номер — девятьсот девятнадцать. Интересующее меня отправление ты должен опустить туда сегодня же, иначе будет поздно. Повторяю: номер ящика девятьсот девятнадцать.

— Сударь, я подумаю.

— Мы, а значит, ты — перед последней чертой. Думать уже некогда. Итак, девятьсот девятнадцать, жду.

Вечером, войдя в зал центрального почтамта, Пластов внимательно огляделся. На первый взгляд все было как обычно и не вызывало подозрений. Подошел к абонементному ящику 919, достал ключи, открыл — и сразу увидел конверт. Распечатал — копия конфиденциального письма банка Мюллера Трояновскому. Датировано понедельником 12 июня, все совпадает, письмо отправлено сразу же после пожара. Текст копии, заверенной нотариусом, был кратким:

«Юридическая контора Трояновский и Андерсен», С. И. Трояновскому.

Милостивый государь Сергей Игнатьевич! Настоящим доводим до Вашего сведения, что на Ваше имя в нашем банке открыт счет № 808901. С глубочайшим почтением, искренне Ваш В. В. Алтухов (подпись заместителя председателя правления банка). Июня 12-го лета 1912. С.-Петербург».

22

Вернувшись домой, Пластов потрогал кофейник — он был теплым. Скорее всего постаралась Амалия Петровна. Налил кофе, отхлебнул, повернулся — и в дверях кухни увидел высокого человека со светлыми усиками и прищуренными голубыми глазами. Опушенная правая рука — с револьвером. Вот рука чуть приподнялась:

— Спокойно, господин Пластов. Не делайте лишних движений. И вообще делайте их как можно меньше.

— Кто вы такой? По какому праву вы в моей квартире?

Усмехнулся — углом рта:

— Вопросов задавать не нужно, их буду задавать я. Иначе не исключено, что я выпущу вам пулю в живот. Понимаете? Не слышу ответа? Повторить еще раз?

Что там ни говори, под дулом револьвера стоять неприятно. Особенно когда у человека такие глаза.

— Понимаю. Что я должен делать?

— Сначала поставьте стакан. — Проследил, как стакан опустился на стол. — Вот так. Теперь отойдите к тому стулу. Сядьте.

Пластов сел. Подтянув к себе стул, человек уселся напротив, у входа в кухню. Одет в серую тройку, на голове английское кепи, все сходится с рассказом Хржановича — типичный петербургский гуляка. Смотрит не отрываясь, руку с револьвером положил на колени.

— Господин Пластов, если вы будете благоразумны, я сохранию вам жизнь. Надеюсь, вы дорожите жизнью?

Пластов не ответил, поневоле покосившись на телефон. Человек рассеянно перехватил взгляд, вздохнул.

— Шнур я обрезал на всякий случай, чтобы нам не мешали. Уверяю: если вы ответите на мои вопросы, вы сможете позвонить. И вообще жить как вам хочется.

— Что вам угодно?

— Прежде всего, г-н Пластов, я очень хотел бы знать, на кого вы работаете?

— Не понимаю. Я юрист.

— О, господин Пластов, не утомляйте меня. Вы можете прикрываться какой угодно ширмой, мне важно знать, на кого вы действительно работаете?

— Повторяю, я юрист, уже двенадцать лет состоящий в коллегии юристов. На кого я могу работать?

Человек повел подбородком, будто сдерживая зевоту.

— Именно это меня и интересует. Так на кого же?

По повадкам и по всему остальному — именно этот человек следил за ним на Съезженской. Тогда он вышел от Вологодина, сегодня был у Субботина. Может быть, здесь есть какая-то связь? Очень может быть, у Субботина он был и в тот день, когда подъезжал черный «фордзон». Вдруг, оскалившись, человек стукнул кулаком по столу, заорал:

— На кого, черт возьми? Отвечай, мерзавец, или я продырявлю тебя к чертовой матери! — Медленно поднял револьвер, прицелился. — Ну? Считаю до трех! Раз...

Похоже на игру, но рот все равно наполнился слюной. Черт его знает, вдруг выстрелит... Выдавилось само собой:

— Подождите. — Надо сообразить, быстро сообразить, какая связь между Субботиным, Вологдиным и этим человеком. — Подождите, давайте поговорим спокойно.

— Два... Не желаю говорить спокойно...

— С чего вы взяли, что я на кого-то работаю? Разве я давал повод? — Вдруг, удивляясь самому себе, крикнул: — Да подождите же!

Странно, это подействовало — человек опустил револьвер. Будто боясь, что он передумает, Пластов повторил:

— Действительно, какой я вам дал повод подозревать меня? Смотрит, изучая.

— Повод? Да ты, негодяй, дал тысячу поводов. Какого черта ты суешь нос не в свои дела? Занимаешься защитой фирмы Глебова — так занимайся! — Ствол снова приподнялся. — Не-ет, мерзавец, я хорошо вижу, что тебе нужно... Хорошо... Ты думаешь, ты безнаказан — ну так знай, я стреляю без промаха... — Вот это да, палец на крючке дернулся, он сейчас выстрелит. — Последний раз, чтобы спасти свою продажную шкуру, отвечай, кто тебе платит?

Кто же это может быть... Немцы? Нет, не похоже. Наша

контрразведка? Тоже вряд ли, они действуют по-другому. Человек оскалился.

— Встань! Встань и повернись к стене!

Пришлось встать и повернуться к кухонной полке. Сзади раздался смех:

— Молись. Молись своему богу.

Неужели выстрелит? Сзади неясное движение, шорох. Короткий и очень знакомый звук. Курок? Нет, конечно, это дверь. Постояв немного, Пластов повернулся — никого. Ушел? Как будто, по крайней мере, здесь, в квартире — тишина.

Вернулся на кухню, потрогал недопитый стакан — он еще не остыл. Машинально отхлебнул, сел, попытался вспомнить все, что услышал. На кого ты работаешь... Занимаешься фирмой Глебова — так занимайся... Ты думаешь, ты безнаказан... Кажется, связь есть не только между посещениями Субботина и Вологодина, но и между этими вопросами. Хорошо, утром он эту связь выяснит.

23

В десять утра Пластов подъехал к дому Субботина. Поднялся, позвонил, открывший дверь хозяин приветливо улыбнулся:

— Арсений Дмитриевич, заходите, ждем... Оговорюсь сразу же: я не один, ко мне с утра зашел Валентин Петрович, но ведь это как раз к лучшему, а? — Вышел на площадку, зашептал, округлив глаза: — Арсений Дмитриевич, дорогой, может быть, откроем, что случилось с генератором? Он же мучается?

Ответить пришлось также шепотом:

— Откроем, только сначала откройте вы мне, Василий Васильевич, кто был у вас вчера?

— Вчера? — сказав это, Субботин застыл.

— Да, вчера, Василий Васильевич, именно вчера, когда я пришел к вам?

Они посмотрели друг другу в глаза, инженер усмехнулся, щелкнул пальцами:

— Черт. Не умею врать. Да, у меня вчера был человек, но этого человека вы не знаете. Его фамилия...

— Да, его фамилия? Раз уж начали — говорите. Это секрет?

— Н-ну почему же, нет... Его фамилия Берг. Лейтенант Берг.

— Начальник радиосвязи «Андрея Первозванного»?

— Да, это так. Я говорил вам?

— Говорили. Случайно, Василий Васильевич, Берг не высокого ли роста? Блондин с голубыми глазами, маленькие светлые усыки?

Они по-прежнему говорили шепотом, из квартиры донеслось:

— Василий Васильевич, кто там?

— Валентин Петрович, одну минутку, сейчас! — Обернувшись на секунду, Субботин снова перешел на шепот: — Да, он примерно выглядит так, как вы описали. Вы знакомы?

— Будем считать, что знакомы. Кстати, почему у него такая фамилия? Он что, немец?

— Русский, чистокровный русский. Берг — потомок современника Петра адмирала Берга.

- Что же вчера делал у вас Берг?
- Уж простите, ради бога, так получилось... Берг часто бывает у меня и у Валентина Петровича, мы ведь втроем хорошие друзья...
- Вы именно поэтому спрятали Берга от меня?
- Видите ли... Как бы вам сказать...
- Смелей, Василий Васильевич... Говорите?
- Берг уверен, что вы — немецкий шпион.
- Все понятно. Я — немецкий шпион. Что дальше?
- Больше того, он утверждает, что вы имеете какое-то отношение к похищению генератора. Берг настолько в это верит, что был момент... Признаюсь, был момент, когда он убедил в этом и меня.
- Как я понимаю, это случилось вчера?
- Да, именно вчера. Но разговоры в сарае убедили меня в обратном.
- Что вряд ли можно сказать о Берге?
- Вы правы. Мои доводы на него не подействовали.
- Значит, вы его спрятали?
- Да... Вчера, когда Берг увидел вас из окна... вы как раз подходили к дому... Он попросил спрятать его во второй комнате.
- Понятно. Чтобы убедиться в моей злонамеренности.
- Совершенно верно. То есть глупость, конечно... — Повернулся. — Я думаю, не стоит больше заставлять ждать Валентина Петровича?
- Конечно.
- Они прошли в кабинет, Пластов, поздоровавшись с Вологдиным, добавил:
- Валентин Петрович, открою секрет: мы с Василием Васильевичем разговариваем о Берге.
- Ничего не понимающий Вологдин нахмурился:
- О Берге?! В связи с чем?
- Мне кажется, сейчас вы это поймете. Василий Васильевич, насколько я помню, Берг со своими матросами первым успел к пожару?
- Да, первым. Я ведь говорил, они приехали на машинах.
- На машинах... Простите, а где сейчас может быть Берг?
- Где же ему быть — на «Андрее Первозванном». Броненосец как раз стоит на Неве.
- У вас, конечно, есть допуск на корабль?
- Да, они ведь наши заказчики.
- Надеюсь, с вами пустят и меня?
- Зачем нам туда?
- Именно в связи с пропавшим генератором. Прошу вас, немедленно едем туда вместе с Валентином Петровичем.

Поднявшись вместе с Субботиным и Вологдиным по трапу, Пластов оглянулся. Отсюда, с кормы «Андрея Первозванного», доставивший их с неевского берега катер казался совсем крохотным, он терялся где-то далеко внизу. Дежурный офицер отдал честь:

— Дежурный по броненосцу лейтенант Сизов-второй. Господа, рад приветствовать вас на «Первозванном». Валентин Петрович, Василий Васильевич, прошу — вместе с вашим гостем. Бергу уже доложили, он ждет.

Чувствовалось, что Субботин и Вологдин хорошо знают корабль. Пройдя множество коридоров, несколько раз спустившись и поднявшись по трапам, они наконец остановились у одной из кают. Субботин постучал, услышал «Войдите!», открыл дверь, кивнул. Войдя в небольшую каюту, Пластов увидел человека, которого и ожидал увидеть — вчерашнего гостя. Лейтенант сидел на койке у распахнутого иллюминатора, когда он повернулся, камешки глаз блеснули так же холодно, как вчера. Единственное — сейчас Берг был в кителе с погонами лейтенанта. При виде вошедших усмехнулся, встал. Сухо поклонился, правая щека дернулась:

— Здравствуйте, господа. Василий Васильевич, не ждал, что вы придете с этим господином.

— Кирилл Львович... — начал было Субботин, но Пластов остановил его:

— Подождите, Василий Васильевич. — Повернулся. — Давайте представимся, раз вчера мы этого не сделали. Меня зовут Арсений Дмитриевич Пластов.

Берг хмыкнул, Пластов спросил:

— Все-таки как вас зовут?

— Боже мой. Кирилл Львович... — Субботин вздохнул. — Бы ли это?

— Василий Васильевич, вам не понять, — Берг отвернулся.

— Все-таки мы у вас в гостях?

— Хорошо. Только ради друзей. — Скривился. — Кирилл Берг, если вам угодно. Можете называть Кирилл Львович Берг. Прошу всех присаживаться, в тесноте, да не в обиде. — Сел, расстегнул верхнюю пуговицу. — Что ж, господа, посмею спросить, что дальше?

Пластов улыбнулся:

— Дальше — скажите, куда вы спрятали генератор?

Медленно повернул голову:

— Что-что?

— Ничего. Я лишь попросил объяснить, куда вы спрятали высокочастотный генератор Вологодина? Спасенный вами генератор, не похищенный, а спасенный, вы слышите?

Лейтенант посмотрел на Субботина, перевел взгляд на Вологодина.

— Не понимаю, что за чушь? Что еще за спасенный?

— Боюсь, что не чушь, Кирилл Львович. Мне кажется, я могу объяснить, как все происходило... Но думаю, лучше это сделать вам самим. Вам, первым прибывшим на место пожара.

Вологдин внезапно повернулся к Бергу. Присел, попытался посмотреть в глаза:

— Кирилл Львович? О чем идет разговор? Это что, правда? Берг отвернулся.

— Ну правда, — вдруг застучал кулаком по матрасу: — Правда, правда, правда, правда, правда!

Вологдин схватил его за руку, развернул к себе:

— Подождите... Да что правда-то? Что правда-то? Это все-таки мой генератор? Мой или не мой, слышите? Ну, Кирилл Львович? Ответьте, чей это генератор?

— Ваш, ваш, Валентин Петрович. — Осторожно освободил руку. — Ваш, который очень легко мог стать не вашим.

Субботин сел рядом с Бергом, взял его за плечи:

— Подождите, Кирилл Львович... Он что... Он что, цел?

— Нет. Он сильно пострадал во время пожара. По чести — от него остались одни воспоминания.

— Где же... эти воспоминания?

Лейтенант расстегнул еще одну пуговицу, достал из табакерки папиросу, закурил, жадно затянулся.

— Здесь, на броненосце, где же быть еще. Наверху, в радиорубке. — Потушил папиросу, вдавил в пепельницу, встал. — Пойдемте, покажу.

Они вышли из каюты, снова долго пробирались по коридорам, еще дольше поднимались по узкому трапу наверх, к командному мостику. Открыв дверь радиорубки, Берг бросил вскочившему было радисту:

— Сиди... — Достал ключ, повернулся: — Сюда, господа, это здесь, за переборкой, в каптерке радистов. — Вставил ключ в скважину, открыл небольшую дверцу. Все четверо вошли — в крохотной камерке, в углу стоял сильно обгоревший, с пожухлой краской на корпусе агрегат. Вологдин сразу же присел над генератором, погладил черный от копоти кожух, повернулся:

— Но что же это?..

Губы его дрожали, он растерянно улыбался.

— Василий Васильевич, Арсений Дмитриевич — это же... Это... Вы даже не представляете — он!

Субботин присел рядом, внимательно оглядел машину.

— Валентин Петрович, а ведь действительно он. — Посмотрел на Берга. — Неужели есть надежда восстановить?

Лейтенант усмехнулся:

— Видите, я верю в талант Вологдина. И вообще в русский талант. Конечно, от генератора практически осталось очень мало. Но есть основа. Вопрос теперь только в одном: найти место, где можно будет заняться восстановлением генератора. — Лейтенант поднял с палубы ветошь, протянул Вологдину, тот машинально вытер руки. — Может быть, спустимся? В каюте мы сможем поговорить спокойней?

— Но как же... — Вологдин снова присел. Субботин тронул его за плечо:

— Пойдемте, Валентин Петрович. Времени, чтобы насмотреться на это чудо, у нас еще хватит.

Но Вологдин будто не мог оторваться от генератора: сидя на корточках, ощупывая контакты, поднял кожух, стал осматривать ротор. С сожалением встал, повернулся к Бергу:

— Но почему вы молчали? Почему не сказали — хотя бы мне?

— Сейчас все объясню. — Подождав, пока все выйдут, лейтенант тщательно запер каптерку. Миновав радиста, четверо тем же путем вернулись в каюту, Берг некоторое время стоял у иллюминатора, будто изучая гавань. Повернулся,

— Когда ночью меня разбудили и сказали, что горит завод Глебова, мысли у меня, конечно, были только о генераторе. Тут же я поднял всю команду радистов, по дороге прихватил дежурный полувзвод, с ними на трех авто примчался к пожару... Там было черт знает что, ад, пожарные мечутся, все догорает, крыша обрушена, кругом струи воды, пар... Я хорошо знал, где испытательный стенд, сразу же сказал своим, что делать. Пробрался к стенду, там завалы прессшпана... Расшвырлял его вместе с матросами — генератор сильно обожжен, но что-то все-таки осталось. Потом понял — от полного уничтожения его спас прессшпан. Но тогда было не до этого, думал только об одном: завод не мог загореться сам собой, его подожгли. И подожгли из-за генератора. Поэтому приказал своим: подгоняйте автомобиль и перетаскивайте на него остатки генератора. Все было сделано быстро, в той суматохе можно было вынести все, что угодно. Но перед тем, как уехать, подумал: если узнают, что основа генератора вынесена с завода, за ним опять начнет охота. Пусть все считают, что он сгорел без остатка. Некоторые машины УМО внешне от генератора почти не отличаются. Я с матросами быстро собрал и поставил все это на стенд... Получилась полная картина: генератор Вологодина сгорел, причем полностью. Потом, поразмыслив, решил не говорить об этом никому, даже вам — до поры, до времени. Пусть все утихнет. Действительно, все как будто утихло, все поверили... Но я ведь не пай-мальчик, прощать не люблю. Мне было важно выяснить, кто поджег завод... Я знал, никто этим не займется, кроме меня. Что это работа немцев, ясно, но кто был исполнителем? Понять это можно было только по интересу к генератору... Вернее — к тому, на самом ли деле он сгорел. И здесь... — Посмотрел на Пластова. — Здесь появились вы. Мне с самого начала не понравилось, что вы суетесь всюду... Особенно же мне не понравилось, что вы терзаете Вологодина.

— Пойдите... — перебил Пластов. — Вы тогда стояли за дверью? На Съезженской, у квартиры Валентина Петровича?

— Да. Я не понял, о чем вы говорили, слышал только, что Вологдин на вас кричал. В дальнейшем вы вели себя так, что мне стало ясно — вы хотите докопаться до сути. Ну а потом ничего не стоило понять, что вы разобрались во всем, а значит, вновь появилась угроза.

— Но в конце концов — я же свой, русский?

Усмехнулся:

— Для меня вы были предателем, работающим на немцев. Я вам не верил и, честно говоря, сейчас не очень верю.

— Но ведь я защищаю интересы фирмы Глебова?

— Ну и что? Кстати, идеальная позиция для шпиона. Запомните — сейчас шпионы в России в самых удобных для себя местах. И вы это прекрасно знаете... У нас ведь действует негласный лозунг: чужих не трогать, в чужих не стрелять! В своих — пожалуйста, но в чужих — ни-ни! — Замолчал, раздраженно постукивая кулаком по ладони, опустил голову. — Жаль, эх, жаль завод... Надо восстанавливать генератор, а где? Где, я вас спрашиваю? Ведь завод Глебова был единственным русским заводом в Петербурге...

— Как-как? — Пластов посмотрел на Берга. — Как вы сказали? Завод Глебова — единственный русский завод?

Лейтенант повернулся:

— Что вас тут удивляет? Единственный русский завод, ну и что?

Пластов встретился взглядом с Субботиным, тот подтвердил:

— Арсений Дмитриевич, завод Глебова действительно был единственным русским электромеханическим предприятием в Петербурге. Все остальные принадлежат иностранцам, в основном англичанам и немцам. Я не знал, что для вас это новость. Есть, правда, один завод со смешанным капиталом, «Дюфлон и Константинович», так называемый «Дека», но практически он французский. Русским там можно считать один цех.

— Единственный русский завод. Это же здорово... То есть, конечно, это ужасно, но это именно то самое, чего мне не хватало.

— Для чего? — спросил Берг.

— Чтобы спасти страховку.

25

Шепотом предупредив секретаршу, что он по весьма особому поводу, Пластов вошел в кабинет редактора газеты «Биржевые ведомости». Кивком поздоровался, молча положил на стол визитную карточку, пока редактор ее рассматривал, осторожно сел, как бы подчеркивая важность и срочность заставившего его прийти дела. Встретившись с хозяином кабинета взглядом, начал негромко:

— Господин редактор, я адвокат и защищаю интересы фирмы Глебова. Дело, которое меня к вам привело, важно чрезвычайно. — Поднял руку, предупреждая ответ. — Прошу выслушать до конца, господин редактор, ибо то, о чем я расскажу, затрагивает многие интересы. Многие!.. Итак, первое: так как завод Глебова сгорел, мне важно, чтобы фирме Глебова заплатили страховку. Только это, повторяю, лишь это! Ничто остальное меня не интересует. Ничто — и это должно стать основой нашего разговора.

— Но подождите...

— Господин редактор, минутку терпения! Минутку, умоляю вас! — Быстро набросал на визитке цифры 808901, придвинул к собеседнику. — Знаком ли вам номер этого банковского счета? Стоп! Не будем пока ничего говорить, меня не касается, чей это счет, кому переводили с него деньги, неважно! Неважно также и то, что завод Глебова был единственным русским электромеханическим предприятием в Петербурге — бог с ним! Неважно и то, что кто-то подумает, что к пожару может быть причастна некая германская фирма «Шуккерт», купившая участок земли у завода как раз за неделю до пожара, — ну ее! Даже то неважно, что гибель завода, изготовлявшего приборы для русского военно-морского флота, была в интересах германской армии. Даже это вас не касается! Господин редактор, главное, чтобы не были затронуты интересы уважаемого мною и вами высокопоставленного лица! Святого человека! Понимаете, о ком я говорю?

— Не понимаю.

— Попробую выразиться точнее: уважаемого вами лица, вот что главное! Ведь не в последнюю очередь от этого лица зависит существование вашей газеты... Надеюсь, теперь я выразился определенной? Вы понимаете, о ком я говорю?

Редактор с трудом сдерживал себя. Он понимал, о ком идет речь.

Следующим, кого посетил Пластов, был сам Защипин; разговор с главным юрисконсультom он построил совсем по-другому. Сделал вид, что хочет беседы на полном доверии, поэтому, справившись о здоровье и обменявшись принятыми в таких случаях фразами, непринужденно и мягко сказал:

— Завод-то действительно подожгли, а?

— Я и хочу вам это доказать.

— И знаете, кто? Германская разведка.

— Ну уж, Арсений Дмитриевич... Во-первых, это голословно.

— Ничуть. Да, это немцы — вы представляете? Они и сторожа убили, Ермилова... Вы ведь слышали эту фамилию?

— Фамилию слышал, но... — Защипин покачал головой.

— Никаких «но», Орест Юрьевич. Кстати, вы ведь знаете пустырь рядом с заводом?

— Пустырь? Допустим. И что?

— Как на духу: как вы думаете, кому принадлежит этот пустырь?

— Насколько мне известно, городским властям.

— Ничуть не бывало... Германской фирме «Шуккерт».

Некоторое время Защипин испытывал Пластова взглядом. Хмыкнул:

— Думаю, и это голословно. Но хотя бы и так, что из этого?

— Ну, это легко проверить — затребуйте купчую, вот и все... Из этого само по себе ничего, но в сочетании с другими фактами... Представляете, что поднимется, если газеты раструбят, что страховое общество «Россия» является филиалом германской разведки? Как вы знаете, весной не устояло военное министерство, а оно будет крепче, чем страховое общество?

— Запугать хотите? Не запугаете, я не из таких.

— Запугивать вас я не буду — изложу факты. Работы на заводе Глебова имели стратегическое значение для русского военно-морского флота — раз. Фирма «Шуккерт» приобрела пустырь перед самым пожаром — два. Существует также банковский счет номер восемьсот восемь девятьсот один — это три...

— Что еще за счет?

— Некий счет, с которого переводят деньги тем, кто по странному стечению обстоятельств действует против Глебова. Номер зафиксирован, факт существования счета легко проверить. — Улыбнулся. — Вы, Орест Юрьевич, вне подозрений, уверен: вам с этого счета деньги не переводили.

— Насчет цифр, которые вы назвали, я их слышу в первый раз.

— Действительно, денег вам не переводили, но послали спровоцировавшее вас предупреждение, тем самым втянув в соучастие. Кто его мог послать, можно установить, если покопаться. Безусловно, это тоже будет интересно газетам. Подытожим:

Глебова провели, и провели по всем правилам. Ай-яй-яй и меня провели вместе с Глебовым... Ермилова убили, предварительно сменив и прельстив задатком, а также научив, под каким предлогом следует уйти с завода. Что касается нефти, здесь точный расчет: не так сложно было приурочить поджог к закупке годового запаса. Зато теперь выяснить, что из этих двух событий было причиной, а что следствием, практически невозможно. Смею верить: страховое общество в заговор могло не входить. Скорей, как я уже говорил, вас, Орест Юрьевич, кто-то заботливо предупредил. Ваше поведение после пожара выглядит поэтому вполне естественным. Но подумайте, в какой мыльный пузырь превратится страховое общество «Россия», если я обнародую все эти факты через уважаемую газету? — Так как Защипин молчал, добавил: — Как вы хорошо знаете, такая газета в Петербурге есть.

Оставив Защипина обдумывать услышанное, встал, подошел к двери. Перед тем как выйти, повернулся:

— Простите, я сказал вам все это, зная вашу мудрую осмотрительность. Сообщенные мной факты вы можете проверить сами, но если хотите, сегодня же вечером я представлю копии документов. В их числе есть весьма любопытные. Например, протокол допроса некоего уголовника-рецидивиста Ганибалова, к услугам которого прибегла фирма «Шуккерт», а также копия письма банка Мюллера Трояновскому, на имя которого в банке был открыт счет сразу после пожара. Представить?

Зашипин некоторое время молчал, глядя в стол, наконец сказал хмуро:

— Ну что ж, представьте.

Простившись, Пластов ушел. Вечером документы были представлены. На следующее утро петербургское отделение страхового общества «Россия» официально уведомила фирму «Н. Н. Глебов и К^о», что сегодняшним числом перевела на ее банковский счет причитающееся ей страховое вознаграждение — полтора миллиона рублей.

* * *

Ряд обстоятельств, и в первую очередь то, что в основе повести лежат реальные события, заставляет снабдить ее коротким послесловием.

Вскоре после получения страхового вознаграждения Н. Н. Глебов приобрел в Москве электромеханический завод, на основе которого было создано акционерное общество «Динамо» (сейчас это завод «Динамо»). Известно, что Глебов направил приглашение возглавить военно-морской отдел завода В. П. Вологдину, но молодой ученый был увлечен идеей серийного выпуска высокочастотных генераторов, поэтому отклонил предложение, оставшись в Петербурге.

Радиогенератор, пострадавший при пожаре завода, был восстановлен.

Испытания радиогенератора Вологодина на борту броненосца «Андрей Первозванный» прошли успешно. Так как работа радиостанции на «Андрее Первозванном» показала удивительную

дальность и точность, для производства серийной партии генераторов Морским ведомством был сделан заказ на изготовление еще двадцати радиостанций, включающих в себя новый источник питания антенн. Выполнение заказа было поручено заводу фирмы «Дюфлон, Константинович и К°» (ныне завод «Электрик»), на котором эти двадцать корабельных (тогда их называли «отправительными») радиостанций высокой мощности и были изготовлены. Все они, установленные на боевых кораблях военно-морского флота, показали высокую эффективность.

Валентин Петрович Вологдин стал в дальнейшем ученым с мировым именем.

Установлено, что германская разведка не оставила попыток выкрасть или уничтожить генератор Вологдина и после того, как работа над ним была перенесена на завод «Дека». Известно, что вскоре после доводки первых опытных генераторов был подожжен цех, в котором проводились их испытания. Хотя завод «Дека» был официальным поставщиком военно-морского флота, контрразведка от выяснения обстоятельств диверсии и предотвращения последствий фактически самоустранилась. Надо сказать, все последующие после описанных событий годы, вплоть до 1914-го, стали временем наиболее интенсивных действий германской разведки в России, остававшихся, по сути, совершенно безнаказанными.

И последнее. В 1945 году при захвате архивов гитлеровской имперской канцелярии было обнаружено зашифрованное письмо, датированное концом 1913 года. В шифровке, отправленной на имя кайзера Вильгельма II тогдашним послом Германии в России графом Фридрихом Пурталесом, высказывались серьезные опасения в отношении «огромных потенциальных возможностей России» и давался совет срочно «принять необходимые превентивные меры», которые и были кайзером приняты — 1 августа 1914 года Вильгельм II официально объявил Россию военным противником.

Виктор ПРОНИН
РАССКАЗЫ

Художник Геннадий ФИЛАТОВ

Виктор Пронин написал цикл рассказов, объединенных общим названием — «Иронический детектив». В них присутствуют и шутка и розыгрыш. Наблюдательность, психологический анализ, собственные следователи Зайцеву и журналисту Ксенофонтову, позволяют раскрыть несколько преступлений. Зайцев — прекрасный знаток своего дела, он умеет четко организовать следственные действия, обнаружить, установить мотивы преступления, его участников. Однако иногда нелишними бывают советы человека, хорошо знающего людей, понимающего их слабости, капризы.

Некоторые рассказы цикла уже публиковались в центральной печати — в «Неделе», «Смене», «Огоньке». «Искатель» предлагает своим читателям два новых рассказа Виктора Пронина.

СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ

В кабинет Ксенофонтова вошел озабоченный и осунувшийся Зайцев и, не говоря ни единого слова, упал в кресло с таким опустошенным вздо-

хом, что у Ксенофонтова перехватило дыхание — что-то произошло!

— Он от тебя ушел? — спросил Ксенофонтов.

— Ушел, — кивнул следователь. — И унес пятьдесят тысяч.

— Неужели поднял столько?

— Ксенофонтов! Это всего пять сторублевых пачек. Если бы ты рассовал их по карманам, это даже не отразилось бы на твоей стройной фигуре. Правда, он взял деньги не сторублевыми бумажками, а пятерками, десятками... Но для него это даже лучше — легче будет тратить, труднее поймать...

— И у нас есть такие места, где можно вот так запросто прийти и взять пятьдесят тысяч?

Зайцева всегда раздражали невинно-глуповатые вопросы Ксенофонтова, хотя потом он много раз убеждался, что не такие уж они и невинные, не такие уж и глуповатые — они сразу обнажали суть события. В самом деле, разве есть такие места? Оказывается, есть. Их находят время от времени люди, которые приходят и берут...

— Ты прав, — согласился Зайцев, не столько с вопросом Ксенофонтова, сколько с собственными мыслями. — Ограбили сберегательную кассу. Среди бела дня. Кассу! — громко повторил он, заметив, что Ксенофонтов опять собирается что-то спросить. — На окраине города. Подъехали на машине. Один остался за рулем, не выключая мотора. Второй с оружием...

— Огнестрельным, — успел вставить Ксенофонтов.

— Да, пистолет. Вошел в кассу и потребовал деньги. Бабахнул в потолок для острастки. Посыпалась штукатурка, девчушки, конечно, перепугались, дрогнули.

— Я бы тоже дрогнул.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Зайцев. — Так вот, он сунул деньги в сумку и был таков.

Ксенофонтов некоторое время соболезнующе смотрел на друга, потом окинул взглядом стол, заваленный исписанными листками бумаги, и, когда снова взглянул на Зайцева, сочувствия в его глазах уже не было.

— Ты напрасно, старик, думаешь, что только тебе живется тяжело. Если хочешь знать, мне приходится работать с гораздо меньшими зацепками, нежели тебе. Попробуй написать очерк о человеке, о котором только и известно, что он выполняет производственный план на сто семь процентов и что родился он тридцать лет назад. Да, и конечно, пол его тоже известен. Попробуй! А однажды я написал целую новеллу, трогательную такую, душевную заметку, имея только фотографию, портрет моего героя, снятый далеко не самым лучшим образом.

— А кто тебе мешает узнать о человеке больше?

— А кто мне даст на это время? Двести строк каждый день вынь да положи! Причем не просто двести строк — в этот же день ты должен найти своего героя, убедиться в его добропорядочности, трудовой активности и воспеть! И воспеть, старик! — повторил Ксенофонтов.

— И даже по фотке приходилось писать? — переспросил Зайцев задумчиво. — Это интересно... — Он раскрыл потрепанную свою папку, вынул большую фотографию размером со стандартный лист писчей бумаги. Снимок был неплохо отпечатан, но камера, судя по всему, дрогнула в руках неумелого фотографа. Содержание тоже оказалось весьма невнятным — улица города, прохождение, машины, светофоры, дома. В снимке ничего не было главного, все получилось дробным, слегка расплывчатым, необязательным.

Ксенофонтов, повертев снимок перед глазами, разочарованно вернул его следователю.

— Хочешь опубликовать? У нас мало платят, старик... Двaтри рубля... И то, если снимок будет лучше этого.

— Момент ограбления, — невозмутимо произнес Зайцев. — Понял? На этом снимке запечатлен момент ограбления сберегательной кассы. Видишь бегущего через дорогу человека? Это он. С сумкой. Он торопится к этой машине. Светлые «Жигули». Номера не видно. Да это и ни к чему, он наверняка фальшивый. На такие дела с настоящими номерами не ездят. Лица бегущего человека тоже не видно, оно оказалось закрытым длинными волосами. Видишь, во время бега волосы всколыхнулись и закрыли лицо.

— Откуда снимок?

— Снял случайный прохожий. Он фотографировал свою дочку, а тут выстрел, из кассы выбегает человек, несется через дорогу к машине... Он, не будь дурак, и щелкнул. Сам понимаешь, у него не было времени наводить на резкость. Потом он отпечатал снимок и принес его нам...

Ксенофонтов взял снимок, оставил его от себя на вытянутые руки и углубился в изучение невнятных изображений. Он знал эту небольшую улицу на окраине города. Вот газетный киоск, табачный, будка мороженщицы... И касса. Человек, застывший над асфальтом в широком прыжке, как раз над проезжей ча-

стью дороги. Одна нога перекрыта чьей-то сумкой, вторая получилась почти резко, можно было различить высокий каблук. Из-за волос бегущего видно темное пятнышко, возможно, это часть бородки. Светлый воротник рубашки поверх темного пиджака. В руке сумка с длинным ремнем, но человек держит эту сумку накоротке, так что ремень болтается свободно. Модная сумка, отметил про себя Ксенофонов. Даже на таком снимке и с такого расстояния видны многочисленные «молнии», пряжки, карабинчики. Правда, форма слишком округла для мужской сумки... В машине можно было различить только руку сидящего человека — он придерживал раскрытую дверцу, ожидая соучастника. Судя по этой подробности на снимке, водитель был одет в темную рубашку и светлый пиджак. Солнечный блик на ветровом стекле не позволял рассмотреть его лицо.

— Что скажешь? — Зайцев решился наконец нарушить молчание.

— Хороший глянец, — серьезно проговорил Ксенофонов. — На металлической пластине такого не получишь. Явно на стекле глянцева. Поэтому и снимок получился мягкий, приятный на ощупь. Электроглянцеватель дает снимок жесткий, ломкий, глянец получается в пузырях...

— Я не разыскиваю фотографа! — резко сказал Зайцев. — Я разыскиваю человека с сумкой. И спрашиваю о нем. И только о нем. Ты можешь что-нибудь сказать?

— Вот так сразу? — Ксенофонов, склонив голову к плечу, продолжал всматриваться в фотографию. — Я должен с ним пообщаться... С этим типом на высоких каблуках и с женской сумкой, набитой деньгами.

— Почему ты решил, что сумка женская?

— Мне так кажется.

— Сейчас с такими сумками ходят все кому не лень. Они не делятся на мужские и женские.

— Возможно, — уклончиво ответил Ксенофонов. — Ну что ж, если ты так меня торопишь, могу сказать... Тебе не следует искать человека с бородой. Она приклеена. Преступник наверняка снял ее еще в машине.

Зайцев исподлобья посмотрел на друга долгим подозрительным взглядом, хотел было что-то сказать и уже набрал в легкие воздуха, но промолчал. Взял снимок, всмотрелся в то место, где должно было быть лицо грабителя, но, кроме маленького размытого пятнышка, не нашел ничего, что говорило бы о бороде, тем более приклеенной.

— Вообще-то, свидетели в самом деле говорят, что он был с бородой... Но что она приклеена. Ты не ошибаешься?

— Нет, старик, нет.

— Может быть, и усы приклеены?

— А вот усы настоящие! — уверенно заявил Ксенофонов.

Зайцев с сомнением и тревогой посмотрел на друга. Потом взял снимок, повертел его перед глазами, пожал плечами и вернул фотографию Ксенофонову.

— Может, ты того... Рост назовешь? Возраст? Национальность? — Зайцев проговорил это с усмешкой, но улыбка получилась растерянной, беспомощной.

— Могу. Записывай. По росту этот парень примерно с тебя, не вышел он ростом, и очень об этом сожалеет. У него этот собственный небогатый рост стал вроде пунктика в мозгах, он никогда не забывает о своем росте, понимаешь? Теперь возраст... Двадцать пять — двадцать семь, в этих пределах. Впрочем, могу уточнить: двадцать три — двадцать семь, вот так. Что еще? Национальность. Скорее всего он откуда-то с Кавказа. Как и его приятель, который сидит в машине.

— Это что же, ты по рукаву определил?

— Да, старик, по рукаву, — безмятежно ответил Ксенофонт. — Даю словесный портрет... Бороду убери, усы оставь, у него хорошие, ухоженные усы. Черные. Думаю, что некрашенные, настоящие черные усы. Лицо смуглое, худощавое. Волосы, сам видишь, длинные.

— Если бы я тебя не знал, — сказал Зайцев, — я бы вышел, хлопнув дверью.

— Я не сказал тебе главного, — усмехнулся Ксенофонт. — Я не сказал, где его искать.

— И... это... где?

— Для начала закрой рот. Вот так. А искать... Походи со своими ребятами по ресторанам. По хорошим ресторанам. У нас, слава богу, их немного. Оперативникам твоё задание даже понравится. Второе... пусть потолкаются на базаре, у овощных рядов. Но пусть обращают внимание не на тех, которые продают, и не на тех, которые покупают.

— Ты что, издеваешься? — не выдержал Зайцев. — На кого же им тогда смотреть?

— На тех, кто мило беседует с продавцами и кто не собирается ничего покупать. Понял? Я бы на твоём месте вообще закупил бы в магазине каких-нибудь овощей побольше и поставил бы своего человека за прилавок. Не забудь предупредить его, чтобы он не вздумал бриться. Небритый человек вызывает больше доверия. Дальше. Радиоотделы в комиссионках. Вот и все. Действуй. А мне надо очерк писать.

Зайцев молча поднялся, вышел из кабинета и осторожно прикрыл за собой дверь, будто покидал заболевшего человека, который даже не понимает своего безнадёжного состояния. Здание редакции он покинул в задумчивости, но чем ближе подходил к прокуратуре, тем походка его становилась увереннее, быстрее, в движениях появилась твердость человека, прекрасно знающего, что ему делать и в какой последовательности.

А Ксенофонт, порывшись в столе, нашел две кнопки и приколол снимок к стене, как раз напротив своего стола. И теперь стоило ему поднять глаза от рукописи, перед ним опять разворачивалась вся картина ограбления.

И снова мчался через дорогу грабитель с деньгами под мышкой, и его напарник в белом пиджаке все еще придерживал дверцу «Жигулей», и прохожие стояли, оцепенев от неожиданности. Ксенофонт всматривался в парня, который легко, почти летяще перебежал через дорогу. Была, правда, в его фигуре какая-то едва уловимая нескладность, но Ксенофонта это только порадовало.

— Все правильно, старик, — проговорил он вслух.

Нет, не написал он в этот день очерка о передовике производства. Не пошел у него очерк, так тоже бывает. Другие мысли, более увлекательные и дерзкие, охватили Ксенофонтова в этот день, и он отдался им с радостью. Возможно, кто-то сочтет его слишком легкомысленным и самонадеянным, кто-то решит, что его и на пушечный выстрел нельзя подпускать к газете, но как бы там ни было, шальное настроение вытолкнуло Ксенофонтова из редакции, и он пошел вдоль улиц, иногда прищелпывая что-то про себя, иногда ухмыляясь чему-то в свои рыжеватые усы...

То ли голод обуял его, то ли жажда общения или необъяснимое желание побыть среди людей, но в этот день Ксенофонтов несколько раз заходил в кафе, но тут же, не дождавшись официанта, испугавшись длинной очереди или отвратных запахов, уходил. И снова шагал по улице, и светилось в его глазах... Да, вдохновение. То самое, которое столь редко посещало его за редакционным столом.

Войдя в чебуречную и вдохнув дымный чад горелого масла, он тут же вышел. Потом Ксенофонтов посидел в шашлычной за столиком, покрытым скатертью в красных томатных пятнах. Но нет, не стал он принимать шашлыки в этом несимпатичном месте.

Уже возвращаясь домой, он по дороге зашел в телефонную будку и набрал номер Зайцева.

— Привет, — сказал он. — Есть успехи?

— Будут, — хмуро ответил следователь.

— Это хорошо. Дело в том, что я забыл сказать тебе некоторые подробности словесного портрета и...

— Ну?

— Тот, который в машине, носит темные очки в темной металлической оправе, возможно, даже с фирменной нашлепкой на стекле. А тот, что бежит через дорогу, в парике. На самом деле его волосы гораздо короче.

— А в чем обут тот, который сидит в машине и от которого на снимке виден кусок рукава? — спросил Зайцев, уже не скрывая насмешки.

— Черные модельные туфли.

— У тебя все? — спросил Зайцев таким тоном, словно его отвлекали пустяками от важного дела.

— Да, старик, теперь все. Будь здоров.

— Подожди! — начал было следователь, но Ксенофонтов уже повесил трубку...

Прошла неделя, и за все это время друзья ни разу не встретились, ни разу не поговорили по телефону. Несколько попыток Ксенофонтова связаться с Зайцевым по телефону оказались тщетными — того не было ни в кабинете, ни дома. Да у него и своих хлопот хватало.

Однажды в конце рабочего дня нехотая зазвонил телефон. Ксенофонтов поднял трубку, даже не подозревая, что наконец-то объявился Зайцев.

— Ксенофонтов? — услышал он. — Рад слышать твой голос.

— Старик! — вскричал Ксенофонтов. — Неужели ты жив?

— Похоже на то, хотя я крепко в этом сомневаюсь.

— Я рад за тебя, старик! Чует мое сердце, что ты мог и того... Что с тобой могло случиться всякое, а?

— Случилось, Ксенофонтов! Успел он все-таки из своей пушки бабахнуть в мою сторону, успел.

— Ты небось в кровиле весь? — спросил Ксенофонтов.

— И это было. Но сейчас я в норме. Могу позвонить, в гости пригласить...

— И подаришь что-нибудь?

— Приходи. Подарю все, что понравится. Я сейчас на больничном, слегка хвораю... Рука болит, но уже легче.

— А между прочим, схватки с преступниками в твои обязанности не входят. По должности тебе положено общаться с ними в кабинете, когда им уже нечем бабахать.

— Виноват, — вздохнул Зайцев. — Проявил неуместное рвение. Как говорится, усердие оказалось не по разуму. За что и страдаю. А почему ты не спросишь о...

— Словесным портрете? Я и так знаю — с ним все в порядке. Где ты их взял?

— На базаре. Возле овощных рядов. Но видели их и в ресторане, и в комиссионке.

— Меня волнует одно — у водителя были очки в тонкой металлической оправе?

— Были! И у второго тоже. В очках и взяли. Но почему ты решил...

— О! — воскликнул Ксенофонтов. — Это не телефонный разговор. О таких вещах нужно говорить с глазу на глаз. В общем, еду. Жди!

Ксенофонтов одним махом сгреб со стола все исписанные листки, отнес машинистке и, прыгая через три ступеньки, на длинных своих ногах понесся вниз, прочь из редакции.

У Зайцева действительно одна рука висела на перевязи, но он был бодр, по комнате ходил пружинисто, поворачивался резко, на Ксенофонтова смотрел требовательно, будто тот невзначай вызнал какие-то служебные тайны и теперь предстояло выяснить, как он их вызнал, кто помог и насколько опасна подобная утечка информации.

— Прежде всего, — обеспокоенно произнес Ксенофонтов, — ты вернул государству пятьдесят тысяч?

— Сорок девять. Тыщу они успели спустить.

— За неделю?! — ужаснулся Ксенофонтов.

— За два дня.

— Как же это можно...

— Завтра будут с ними беседовать. А пока мне интереснее твои показания.

— Наконец-то ты, Зайцев, стал понимать, где навоз, а где жемчужные зерна.

— Итак? Я слушаю.

— Закон моды, старик. Их подвел жестокий, безжалостный закон моды.

— Большие модники оказались?

— Не в этом дело. Мода, которую мы видим на обложках журналов, на выставках, в демонстрационных залах, — все это чепуха. Частный случай. Слабый всплеск волны, почти незаметный большинству людей. Что носить этим летом, какой галстук модный нынешней осенью, опустить юбчонку до пят или поднять ее выше колен... Это почти неуловимые колебания по сравне-

нию с мощным, глубинным, течением моды, по сравнению с ее Гольфстримом, если ты мне позволишь привести этот образ.

— Позволю!

— По сравнению с тем Гольфстримом, который меняет климат на континентах, буравит океан и все переиначивает по-своему, невзирая на цвет облаков над океаном, на восходы и закаты, на парусники и лайнеры.

— Вернемся к нашим грабителям, — прервал Зайцев лирическое отступление Ксенофонта.

— Если тебе скажут, что нынешним сезоном неимоверно модны ярко-желтые галстуки с фиолетовой булавкой, ты наденешь такой галстук? Нет. Даже если тебя понизят в должности и обяжут ловить карманных воров. Стоят ли за этим ограниченность, ложные или истинные представления о прекрасном и уродливом... Что-то за этим стоит, я мог бы порассуждать на эту тему, но тебе волнует другое, не будем отвлекаться. Ты одеваешься в полном соответствии с некими собственными представлениями о своей персоне. Независимо от того, что тебе удастся раздобыть в наших лавках, а чего ты начисто лишен. Смотри, вон идет мужик в зеленом костюме. Он его купил, надел и вышел в город, ощущая себя нарядным и красивым, способным поразить чье-то воображение, может быть, даже женское. А я, я никогда не надену зеленого. Может быть, в этом проявляется мое невежество, мое скудоумие, но! Все это проявляется! Мы все, Зайцев, находимся в жестоком плену представлений о дурном, достойном, возвышенном и подчиняемся этим своим представлениям с рабской покорностью, не пытаюсь даже воспротивиться, усомниться...

— Усвоил, — перебил Зайцев. — Дальше.

— Это даже не мода, это нечто другое, более значительное и неизблемое. Я, например, могу совершенно твердо сказать, какой галстук ты наденешь охотно, при каком будешь чувствовать себя совершенно счастливым, какой затынешь на своей тощей шее скрепя сердце, а какой не возьмешь ни при каких обстоятельствах.

— Хотел бы и я это знать, — усмехнулся Зайцев.

— Эти мои знания не о галстуках, Зайцев! Они о тебе. За твоими носками и трусиками, за твоим заросшим затылком и штанишками, которые явно нуждаются в утюге, за вот этой твоей папкой, за шариковой тридцатикопеечной ручкой стоишь ты, Зайцев, со своими надеждами и заблуждениями, со своим представлением о мире, в котором ты живешь, и о себе самом. Твой пиджак, твой обиженный взгляд, твоя продырявленная бандитской пулей рука рассказывают о тебе куда больше, чем тебе бы хотелось. И твоё счастье, Зайцев, что на свете так мало людей, способных читать все эти иероглифы.

— Неужели прочитываешь?

— Запросто! Но это не всегда доставляет мне радость...

— Постой, постой! Но ведь мы далеко не всегда надеваем те вещи, которые хотим надеть, о которых мечтаем... Покупаем то, что подворачивается!

— Сколько раз тебе подворачивался коричневый костюм?! Сколько раз ты мог купить себе широкополую фетровую шляпу? Ты этого не сделал. Ты ходишь в сером мохнатом пиджаке, а

на голове у тебя кепочка, правда, кожаная. Но и это очень многозначительный иероглиф. Ответь мне, Зайцев, на такой вопрос... Почему ты, несмотря на свой довольно незначительный рост, не носишь туфли с высокими каблуками, чтобы хоть немного поправить эту досадную ошибку природы, почему?

— Меня устраивает мой рост, — холодно ответил Зайцев.

— Во-первых, ты врешь. Во-вторых, это не ответ. Ты можешь сказать так, лишь обидевшись на меня. А я спрашиваю не для того, чтобы тебя обидеть. Я задаю вопрос просто и прямо: почему ты не носишь высокие каблукки, хотя многие это делают?

— Мне кажется, что... понимаешь, в этом есть что-то недостойное.

— Во! — Ксенофонт поднял длинный указательный палец. — Ты не в силах справиться с собственным предубеждением. Впрочем, можешь назвать это убеждением. Тебе кажется? Тебе только кажется, а ты уже пленен.

— Повторяю, мой рост меня устраивает.

— Зайцев, я говорю о другом. Все мы пленники наших представлений о себе. Ты помнишь случай, чтобы хоть кто-нибудь из твоих знакомых мужчин или женщин, начальников или подчиненных вдруг надел вещь, от которой все просто обалдели? Нет. Новая вещь может быть дорогой, редкой, купленной у спекулянта, украденной, но она обязательно будет в духе этого человека. Даже если подчеркивает его полнейшую бездуховность. Она ничего не добавляет к твоему знанию этого человека, к твоему отношению к нему. Понимаешь? Ну, подкажет тебе, что на этого человека свалилась куча денег. Деньги могут обновить его гардероб, но не изменят его сути, не изменят его взаимоотношений с вещами. Сейчас, Зайцев, костюм на тебе пошиба невысокого. Да-да, согласись, прими, смиришься — невысок пошиб твоего наряда. И тебе не дано носить другие костюмы — красивые, изысканные, сшитые из прекрасного материала, у тебя никогда не будет костюмов достойного цвета и качества. А если и появится случайно, то он ровно через неделю станет невыразительным, незаметным, маскирующим твою истинную суть, потому что все твои костюмы призваны маскировать. Не перебивай! Ты не наденешь приличный костюм, потому что побоишься выглядеть другим, не собой, ты побоишься тряпкой разрушить собственное представление о себе. Наша цель — отнюдь не красота и элегантность. Да, Зайцев, и это очень горько. Часто мы попросту шарахаемся от них, поскольку боимся вступить в спор со вкусами общества, с мнением окружающих. Вот попробуй приди на работу в прекрасном голубом костюме, белоснежной рубашке, надень синий галстук, причешишься по-человечески, постригись у лучшего парикмахера и приди! Приди! И ты поставишь себя под удар. Твое...

— Это почему же?

— Твое опоздание, нераскрытое дело, твоя грубость или любезность, твой рост, вес, твоя заячья фамилия — все будет выпячено и усилено костюмом. Ты станешь уязвим. Опоздание на работу, которое тебе раньше прощали, уже не простят. Твоя грубость будет увеличена во сто крат цветом, качеством, необычностью твоего наряда. Твоя любезность, вполне естествен-

ная любезность, станет смешной и навязчивой. Все вдруг вспомнят, что твоя фамилия происходит от слова «заяц». Что нераскрытое преступление — десятое на твоём счету. Да, Зайцев, да. Одеждой мы не только срам прикрываем, мы маскируемся. Мы надеваем свои одежды точно так же, как это делают актеры перед спектаклем. Вот ты, например, каждый день с утра до вечера играешь или пытаешься играть дельного, смекалистого, неутомимого следователя. Поэтому твой костюм таков.

— А кого играешь ты?

— Играю, — кивнул Ксенофонов. — Моя роль — способный, но несколько разболтанный журналист, который не прочь пошутить над кем угодно, включая самого себя.

Некоторое время друзья молчали. Ксенофонов сидел в низком кресле, вытянув ноги далеко вперед, а Зайцев — в таком же кресле, поставив локти на колени и уставившись прямо перед собой.

— Ну хорошо, — наконец произнес он и распрямился, откинул голову на спинку кресла. — Он был на высоких каблуках.

— Да! — подхватил Ксенофонов. — Высокие каблуки, отложной воротник поверх пиджака, борода и длинные волосы. Все это нужно видеть одновременно, как одну картину. С бородой тебе, наверно, все ясно. Идти на ограбление кассы с таким опознавательным знаком, как борода... На это может решиться совершенный дурак.

— А может быть, он решил сбрить ее после ограбления? — предположил Зайцев.

— Глупый вопрос. Что значит сбрить бороду сразу после такого преступления! Все приятели, знакомые, вся родня тут же всколыхнутся — что случилось?!

— Вообще-то да... — помолчав, согласился Зайцев.

— Теперь о каблуках. Ты заметил, что они по высоте почти не уступают женским? Это не просто увеличенный каблук, он высокий, старик! У преступника явно небольшой рост, да и чувство собственного достоинства тоже невелико. Но болезненно обострено, выражусь так. Он ходит почти на ходулях, стремясь выглядеть высоким и стройным, таким красавцем мужчиной. А отложной воротник рубашки поверх пиджака выдает в нем провинциала. В нашем городе не принято вот так выпускать воротник. Это мода маленьких городков. А вместе с каблуками, этой вот женской сумкой, прошитой «молниями» вдоль и поперек... Что-то в нем явно петушиное, старик, тебе не кажется? Заподозрив в нем человека кавказской национальности, я уверился в этом, когда обратил внимание на белый пиджак и черную рубашку его соучастника. У тебя есть белый пиджак и черная рубашка?

— Ты что, обалдел!

— И у меня нет. Хотя иногда и жалею об этом. И у моих друзей, знакомых, приятелей — нет. Белый пиджак и черная рубашка — это уже нечто из ряда вон, это стремление подчеркнуть опять же некие мужские достоинства. Тоже признак южных людей. У нас одеваются скромнее, незаметнее, и нравы у нас проще, и застолье безалабернее. Мы боимся выделяться, Зайцев.

— Парик! — напомнил следователь.

— У ребят с Кавказа волосы часто жесткие, густые, темные. Носить их длинными — тяжело, хлопотно. И потом длинные волосы — женский признак, они разрушают образ мужественного и значительного мужчины. Кстати, и бороды они не носят, вот усы — да, усы носят и тщательно за ними ухаживают.

— Очки!

— Очки, Зайцев, вещь обязательная для каждого уважающего себя пижона. Большие, не очень темные, с меняющимся затемнением, в тонкой металлической оправе — это крик моды. Крик! Ты вот об этом даже не знаешь, а многие люди без таких очков стесняются показаться на улице, они просто чувствуют себя неполноценными. А человек, разъезжающий на последней модели «Жигулей», в белом пиджаке и черной рубашке, с антенной над машиной... Чтобы он не имел очков в тонкой оправе?! Да это просто невозможно. Кроме того, он идет на ограбление, и очки ему нужны, чтобы хоть как-то замаскироваться, скрыть свое лицо...

— А почему рестораны, комиссионки, базар?

— В понятие красивой жизни таких людей неизбежно входит ресторан. А ради чего идут на ограбление? Ради красивой жизни. Радиоотделы комиссионки? Самые престижные, самые дорогие ныне вещи — импортные магнитофоны, транзисторы, усилители и прочая звуковоспроизводящая дребедень. А если учесть, что люди они приезжие, то на базаре у них вполне могут оказаться соотечественники, которые помогут, передадут, спрячут... У них обычно налажена вполне надежная связь через проводников, стюардесс и так далее.

— А возраст?

— Посмотри, как он бежит! Летит над дорогой! В тридцать так не побежишь, учитывая, что его образ жизни отнюдь не способствует легкости бега. Рестораны, выпивки, шашлыки... Дать ему меньше двадцати я не решился, поскольку для подобного ограбления требуется достаточная озлобленность, достаточное пренебрежение ко всем нашим моральным ценностям.

— А почему бы тебе не допустить, что они немедленно уедут после ограбления?

— Это не вопрос настоящего профессионала! Опасно! Дороги перекрыты, аэропорт, вокзалы, автостанции под наблюдением. На автодорогах посты, которые уже предупреждены о преступлении... они же не могли знать, насколько им удалось остаться неузнанными... Гораздо разумнее уйти в подполье здесь, в городе. Чтобы для всех знакомых не произошло никаких перемен в их жизни.

— Фу ты! — разочарованно протянул Зайцев. — Я уж подумал было, что ты в самом деле увидел в той фотографии нечто непостижимое, недоступное другим... А тут все так просто!

— Эх, Зайцев! Что может быть проще спичек? А человечеству понадобился не один миллион лет, чтобы изобрести их. Мало, Зайцев, смотреть, надо видеть. Видеть! А ты вон даже задержать преступника без стрельбы не сумел.

— Понимаешь, не думал, что они даже на базар к своим приятелям придут вооруженными.

— Позвонил бы мне, спросил бы... Они в шоке находились, им повсюду опасности мерещились, засады, задержания. Все эти несколько дней они жили как бы на мушке прицела. Вот и не решались показаться без оружия. Хотя, конечно, грамотнее было бы поскорее избавиться и от денег, и от пистолетов. Но тогда тебе пришлось бы повозиться, чтобы доказать их вину.

— Мне и без этого возни хватит, — сказал Зайцев сокрушенно.

Он встал, подошел к окну, долго смотрел на ночной город, как это бывает со всеми следователями. И трудно было сказать, рассматривает ли он собственное изображение в стекле, любуется огнями или не видит ничего, прокручивая перед своим мысленным взором открывшиеся перед ним истины.

ПОХИТИТЕЛЬ БРИЛЛИАНТА

Медленный торжественный снег ложился на ветви деревьев, на крыши машин, шапки прохожих; светофоры мигали величаво, звуки были негромки и, казалось, наполнены каким-то значительным смыслом. А Ксенофонтов чувствовал, как с каждой минутой ему становится все печальнее. Казалось, там, за окном его кабинета, идет жизнь, а ему выпало лишь описывать ее. Оглянувшись на маленький тесноватый стол, усыпанный листками бумаги, он снова прижался лбом к холодному стеклу. Но нет, не мог он отдалиться светлой печали до конца, насладиться видом падающего снега, розовыми лицами прохожих и разноцветными вспышками светофора на перекрестке, поскольку сегодня, как и всегда, ему предстояло сдать двести строк в номер.

Именно этим состоянием можно объяснить то, что телефонный звонок он услышал не сразу, не бросился к трубке, а лишь с недоумением посмотрел на нее, словно бы не совсем понимая, чего она от него хочет. И наконец, осознав происходящее, подошел к телефону.

— Ты что это, как вареная вермишелина на веревке? — требовательно спросил Зайцев.

— Снег идет, старик, — безнадежно проговорил Ксенофонтов. — Такой идет снег... Я вот смотрю на него и думаю, не назначить ли мне кому-нибудь свидание... В сквере... У заснеженной скамейки... Средь бела дня... В рабочее время... Чтобы уже в этом была опасность разоблачения, чтобы уже в этом был вызов высшим силам в лице нашего редактора...

— Так, — проговорил Зайцев тоном врача, собирающегося поставить безжалостный диагноз. — Все понятно. Тебе Рая передает.

— Какая Рая? — живо спросил Ксенофонтов.

— За которую ты вчера придумал столько дурацких тостов, и все гости были так благодарны, так благодарны, что сегодня тебе лучше не показываться им на глаза.

— Да, кажется, я был в ударе, — скромно заметил Ксенофонов. — Надеюсь, Рая прекрасно себя чувствует?

— Рыдает. С вечера.

— С той минуты, когда я ушел?

— Почти. Колечко у нее пропало, цена ему — три тыщи. Созвала гостей на день рождения, а гости, видишь, как с ней обошлись...

— Я не брал, — твердо сказал Ксенофонов. — И потом... Разве есть такие колечки? За три тыщи?

— Бриллиант в нем, в кольце, понял? Старинная работа. Бабушка подарила на день рождения. Ты вот что подарил вчера? Сумку с портретом Пугачевой, а бабка колечко заветное не пожалела.

— А ты попробуй достань эту сумку, — обиженно сказал Ксенофонов. — Мне ее по блату раздобыли, и заплатил я за нее вдвое больше, почти десятку. Вот так, старик. Если бы на сумке твой портрет был, ее в уцененке и за пятак никто бы не взял, а поскольку Пугачева... Сам понимаешь. А что, Рае не понравился мой подарок?

— Ксенофонов! Заткнись. Колечко у нее пропало. Понял? Звоню от нее, с утра я здесь.

— Похмеляешься?

— Провожу следственно-оперативные мероприятия, так это называется. Тебе не понять.

— Нашел злодея?

— Как тебе сказать, — замылся Зайцев. — Отпечатки, конечно, есть, но дело в том... Гости, похоже, перещупали все, что нашли в доме.

— Включая хозяйку?

— Какой ты пошляк, Ксенофонов! Газета действует на тебя плохо. Приезжай немедленно. Пользы от тебя немного, но хоть слово душевное скажешь, вчера ты был горазд говорить. Приезжай.

Ксенофонов сгреб разбросанные по столу листки бумаги, оделся, осторожно выглянул в коридор — там никого не было. Тогда он быстро проскользнул на лестничную площадку, сбегал по ступенькам вниз и выскочил на улицу.

Подняв лицо, Ксенофонов постоял некоторое время, ощущая, как на лоб, на щеки и глаза опускаются холодные снежинки и тают, превращаясь в маленькие капельки. Он вздохнул, вытолкнув из себя воздух, пропитанный бумажной пылью редакции, и широко зашагал к дому, где вчера позволили себе несколько расслабиться.

Дверь открыл Зайцев. Был он без пиджака, озабоченный и деловитый. В глубине комнаты Ксенофонов увидел хозяйку дома Раю, которая еще вчера вечером блистала свежестью. Сейчас она была заплаканная и какая-то потухшая. Рая улыбнулась Ксенофонову, но он понял, чего ей это стоило.

— Ксенофонов, — сказала она, — это ужасно.

— Да, — согласился он, — три тыщи коту под хвост!

— Да черт с ними, с этими тысячами, жила до сих пор без них и... Вчера был полный дом друзей, да? А сегодня нет ни одного... Не считая, конечно, тебя и Зайцева. Понимаешь, ночью начала прикидывать, кто мог взять, а кто не мог... И знаешь, до

чего я додумалась? Кошмар... Мог взять каждый. Сволочная память подбрасывает то одно воспоминание, то другое... Тот на машину собирает, у того жена — красавица, наряды требует, у того долгов на три года вперед... Понимаешь, Ксенофонов, я не могу относиться к ним как прежде, я лишилась друзей. — Не договорив, Рая вышла на кухню.

— Докладываю обстановку. — Зайцев взял Ксенофонтова под локоть, провел в комнату. — Садись в кресло и слушай внимательно. — Рая, как женщина...

— Молодая и красивая, — кивнул Ксенофонов.

— Это я и без тебя знаю, — несколько ревниво сказал Зайцев. — Я о другом. Она ведет довольно замкнутый образ жизни, для ее лет, разумеется. Работает в технической библиотеке. Заведует залом периодики. Так что можешь иногда заглянуть к ней почитать газеты. С моего разрешения, конечно. Живет с бабушкой. Родители в длительной командировке. Бабушка вчера ушла к подруге, чтобы не мешать молодежи веселиться. Перед уходом подарила Рае кольцо. Это Рая для собственного утешения сказала, что цена ему три тысячи, оно стоит все пять...

Вошла Рая и принесла на подносе чашечки с кофе. Поставив поднос на журнальный столик, она присела на подлокотник кресла. В брюках и тонком свитере она казалась и меньше и моложе, нежели вчера, когда была в платье.

— Мальчики, — сказала она, — верните мне друзей... Кольцо уж, ладно, как получится, но только скажите, кого я могу не подозревать? Представляете, сама себя начинаю уже ненавидеть... Ну что ты молчишь, Ксенофонов?

— Думаю. Хотя некоторые считают, что думать вовсе не обязательно, что достаточно провести оперативно-следственные мероприятия. Скажи, Рая, если я правильно помню, торжества вчера проходили в той комнате, верно?

— Все уже записано, опрошено, установлено! — нетерпеливо бросил Зайцев. — Зачем начинать все сначала!

— Да? — Ксенофонов с недоумением осмотрел следователя с головы до ног. — В таком случае верни человеку друзей, да и колечко не забудь.

— Видишь ли...

— Помолчи, старик, пей кофе и молчи. У нас очень приятные голоса. Особенно у Раи, верно, Рая? Продолжим. Стол был накрыт там?

— Да. А здесь отдыхали, курили, танцевали... А колечко лежало вот на этой полке. — Рая легко прыгнула с кресла и, подойдя к книжному шкафу у окна, показала полку. — Вечером, когда все ушли, я убрала квартиру и решила еще разок взглянуть на кольцо... Коробочка осталась, а кольца нет.

— Кто-нибудь знал об этом кольце, о том, что оно у тебя есть, что оно с бриллиантом?

— Нет, никто... Не успела похвастаться.

— Прекрасно! — Ксенофонов подошел к шкафу.

— Там отпечатков на три следствия хватит, — заметил Зайцев. — Наши ребята уже все сделали, перед тобой ушли.

И снова Ксенофонов остановился у окна, глядя, как идет снег. На балконе стояли занесенные снегом пустые бутылки, видно, Рая еще с вечера вынесла их из комнаты.

— Прекрасная погода, не правда ли? — заметил Ксенофонтов, но никто ему не ответил. — Где у тебя телефон? — спросил он, обернувшись.

— На кухне, — ответила Рая. — Хочешь позвонить в редакцию?

— Нет, приглашу похитителя бриллианта.

И Ксенофонтов вышел из комнаты. Когда он вернулся через пять минут, Рая и Зайцев сидели в тех же позах. Они смотрели на него так, будто он только что на их глазах прошелся по потолку и снова сел в кресло. А Ксенофонтов невозмутимо выплеснул в рот чашечку кофе, отставил ее и лишь тогда вроде бы заметил: в комнате еще есть люди.

— Сейчас придет, — сказал он успокаивающе.

— Кто... придет? — спросил Зайцев, запинаясь.

— Похититель.

— А кто же он?! — не выдержала Рая.

— Еще не знаю, — беззаботно ответил Ксенофонтов и снова наполнил чашечку из кофейника. — Послушай, Рая... Мы вот вчера с Зайцевым вместе пришли, а как остальные собирались?

— По одному, по двое...

— Стол уже был готов или девушки помогали?

— Конечно, помогали, а как же!

— А мужчины судачили в этой комнате?

— Да, я их сразу сюда выпроваживала, чтоб под ногами не путались.

— Какая погода! — Ксенофонтов снова подошел к окну. — Снег идет... Хочу на свидание. Хочу говорить глупости, бросаться снежками и это... Целовать заснеженные ресницы.

— Знаешь, Ксенофонтов, я, кажется, готова пойти тебе навстречу, — улыбнулась наконец Рая.

— Может быть, сначала колечко найдете? — резковато спросил Зайцев. — А то вы что-то заторопились.

— Найдём! Знаешь, Рая, друзей я тебе верну, а что касается колечка, им займется Зайцев. У тебя еще осталось кофе?

Рая вышла на кухню, а Ксенофонтов, зябко пожав плечами, передвинул свое кресло от балконной двери, поближе к книжному шкафу.

— Дует, — пояснил он. — Значит, так, я пригласил троих. Кроме нас, вчера были три мужика, верно?

— А женщин ты сразу отмел? — спросил Зайцев с усмешкой.

— Да. Сразу.

— Почему?

— Думай, Зайцев. Думай, почему я отмел женщин. Итак, придет трое. Инженер из стройуправления, этот, как его... Лошкарев, я с ним только вчера познакомился. Потом фотограф Сварчевский и... Да, Цыпин, преподаватель какой-то очень важной науки в ПТУ. Лошкарев, Сварчевский и Цыпин. Идти им недалеко, сейчас обеденный перерыв, кроме того, они наверняка надеются опрокинуть рюмку-вторую из оставшихся запасов Раи.

— Ты сказал им о пропаже?

— Конечно! Даже сказал, что у нее есть мысль подключить к этому делу следственно-оперативную группу. Я не скрывал,

что наша общая любимица очень огорчена, плачет и рыдает, что ее необходимо утешить. Они придут ее утешать. Впрочем, кто-то, возможно, и не придет, но это меня не огорчает. Похититель придет обязательно.

— О мальчики! — воскликнула Рая, входя с подносом кофе. — Как здорово вы тут устроились... А я и не сообразила, что кресло можно от окна отодвинуть. Так гораздо лучше.

— Свежий взгляд, — заметил Ксенофонов. — Присаживайся к нам. У тебя есть еще несколько минут, чтобы выпить чашечку кофе. — Он потянул носом воздух. — Идет.

— Кто? — насторожилась Рая.

В этот момент раздался звонок в дверь.

Это был Сварчевский. Верткий, оживленный, несмотря на, казалось бы, печальный повод, он быстро сбросил на пол дубленку, пригладил темные волосы, заглянул в комнату.

— Ребята! Вы уже здесь... — На ходу поцеловав Раю в щеку, он прошел в комнату, быстро пожал всем руки, принес из коридора стул и тут же пристроился к столу. — Пьете... Это хорошо. Плохо, раньше не позвали. Ну ничего, наверстаем... Так что тут у вас произошло?

— Колечко вот у хозяйки пропало, — сказал Ксенофонов. — И не может найти... Со вчерашнего вечера.

— Немудрено! Вечером тут такое творилось, что я сам мог закатиться куда угодно.

— А колечку цена три тыщи, — заметил Зайцев.

— Три?! — Фотограф изобразил крайнее удивление, оставил чашку, посмотрел на каждого. — Надо искать... Может, в самом деле закатилось... А какое оно из себя?

— С виду невзрачное колечко такое, платина, бриллиант... Вон там на полке лежало. — Ксенофонов ткнул большим пальцем за спину. — В коробочке.

— Ну, Рая, никогда не думал, что ты такая состоятельная баба! — воскликнул Сварчевский. — Давно бы на тебе женился! — Со вчерашнего дня у нее колечко, — проговорил Ксенофонов. — Но ты, конечно, не знал, что оно столько стоит, а?

— Ты напрасно так со мной. — Сварчевский осуждающе покачал головой. — У меня японская камера стоит не меньше. И между прочим, она того стоит.

— А что бы ты сделал, если бы нашел такое кольцо? — спросил Ксенофонов.

— Купил бы еще одну камеру. Шведскую. «Хассельблад»! Ребята, вы не знаете, что такое «Хассельблад»! О! Конечно, чтобы купить «Хассельблад» со всеми приспособлениями, мне пришлось бы найти три таких колечка... «Хассельблад», между прочим...

Звонок в дверь заставил Сварчевского прервать гимн во славу шведской фотокамеры.

— Входи, Коля. — Рая пропустила в прихожую Лошкарёва. Тот вошел спокойно, кивнул всем, начал обстоятельно раздеваться. Причесал перед зеркалом прямые светлые волосенки.

— Как же это могло случиться, а, ребята? — скорбно спросил Лошкарёв. Он оказался более способным проникнуться чужим горем.

— Да вот, — Ксенофонтов беспомощно развел длинные руки, — было, да сплыло.

— Хватит вам с этим кольцом! — воскликнула Рая. — Я так рада, что вы снова все собрались!

— Где оно хоть лежало-то? — спросил Лошкарев.

— Да вот, на полочке, за стеклом... Видишь пластмассовую коробочку? В ней и лежало.

Лошкарев протиснулся между коленками Ксенофонтова и краем стола отодвинул стекло и, взяв коробочку, заглянул в нее.

— Да, — сказал он, — действительно пуста.

— Три тыщи колечко стоит, — сказал Зайцев, прихлебывая кофе.

— Неужели есть еще такие кольца? — Лошкарев поставил коробочку на место.

— Но ты не знал, что оно столько стоит? — спросил Ксенофонтов.

— Ты о чем?

— О кольце. А что бы ты сделал, окажись у тебя такое кольцо?

— Да ну тебя! — отмахнулся Лошкарев.

И прозвенел третий звонок, и вошел полный, неповоротливый Цыпин в громадной мохнатой шапке, в каком-то плаще с толстой меховой подстежкой. Был он румян, свеж и изо всех сил старался выглядеть опечаленным.

— Что же вы не сказали, что сегодня все продолжается? Я бы отменил занятия в ПТУ и уже с утра был бы здесь! — Он с силой потер розовые ладони. Потом, хлопнув себя по лбу, вернулся в прихожую и из глубин своего зипуна вынул бутылку водки. — Вдруг, думаю, не лишняя окажется, а? Как вы?

— Некстати, — заметил Зайцев. — Обеденный перерыв кончается, да и это... Повод сегодня не очень веселый... Оказывается, пропавшее колечко-то три тыщи с гаком стоит.

— Мать моя женщина! — воскликнул Цыпин. — Откуда же, Рая, у тебя такие сокровища?

— Бабка вчера подарила, — ответил Ксенофонтов. — Вон там оно лежало на полочке... Лежало, лежало и, похоже, в чей-то карман забежало.

— Да. — Цыпин осуждающе покачал головой и, отвинтив крышку с бутылки, задумчиво налил в кофейную чашечку. Не обращая внимания на мутный цвет получившейся смеси, задумчиво выпил.

— Но ты не знал, что оно столько стоит? — спросил, скучая, Ксенофонтов.

— Да я и о кольце ничего не знал! Рая не похвасталась, хотя и могла бы, учитывая нашу давнишнюю дружбу. Я, например, всегда делюсь, если какая радость заведется, а вот она — нет... Горько это сознавать, но что делать...

— А что бы ты сделал, если бы нашел такое кольцо? — прервал Ксенофонтов.

— Немедленно отдал бы владельцу! — выпучив от усердия глаза, ответил Цыпин! — Хотя, конечно, пару бутылок коньяка содрал бы с ротодея.

Получив такой ответ, Ксенофонтов потерял к разговору всякий интерес и отправился на кухню помогать Рае варить кофе.

Потом все наспех выпили по чашечке и начали собираться — обеденный перерыв заканчивался. Цыпин хотел было задержать-ся, ни за что не желая уходить вместе со всеми, к тому же в бутылке еще кое-что оставалось, но Ксенофонтов проявил решительность и, набросив на Цыпина плащ с подстежкой, вытолкал вслед за Сварчевским и Лошкаревым. Он даже вышел на площадку, провожая гостей. А вернувшись через пять минут, прошествовал к шкафу, отодвинул стекло в сторону и положил в пластмассовую коробочку кольцо, сверкнувшее сильной белой искрой.

— Оно?

— Да... Кажется, оно... Кто же его взял?

— Не будем об этом. — Ксенофонтов небрежно махнул рукой. — Человек действительно не знал его цены. А может, и знал. Будем считать, что это была очень глупая шутка. Как только он понял, что шутка не удалась, он тут же принес кольцо. Но поскольку события накалились, просто так вернуть он не решился... Вот и все.

— Видите, как хорошо кончилось. — Рая была счастлива такому объяснению. Оно снимало с нее тяжелые раздумья, и мир ее снова становился спокойным и ясным.

Провалившись глубоко в кресло, Зайцев исподлобья молча наблюдал за Ксенофонтовым, а на улице, когда они уже шагали по мягкому снегу, следователь не выдержал.

— Ну, говори уже, наконец, как ты его вычислил?

— Кого?

— Слушай, перестань издеваться. Я не догадался. Не смог. Или чего-то не заметил...

— Все происходило на твоих глазах. Ты все заметил, но далеко не все понял, — рассудительно сказал Ксенофонтов. — Давай так договоримся... Даю тебе неделю на раздумья. Попробуй пошевели мозгами. Не получится — жду в любое для тебя удобное время. Приходи сам, пригласи меня... Всегда к твоим услугам.

Через две недели вечером Зайцев зашел в редакцию. Коридоры и кабинеты были уже пусты, только из-под двери ответственного секретаря пробивался свет, да Ксенофонтов был на месте — вычитывал завтрашний номер газеты.

— Что пишут? — спросил Зайцев, садясь в кресло.

— Старик, вот тебе газета, завтрашняя, между прочим. Читай. Вообще надо почаще читать завтрашние газеты, а ты все небось вчерашними балуешься... Нехорошо. Сядь и затихни, мне еще нужно целую полосу вычитать.

Зайцев послушно углубился в газету, а Ксенофонтов выбежал куда-то, шелестя серыми газетными листами, что-то вычеркивал, куда-то звонил, снова возвращался, весь в типографских запахах, и наконец, опустошенный, упал в кресло.

— Все, старик, — сказал он. — Машина заработала. Благодарный читатель даже не знает, каково нам выпустить газету, которую он частенько едва пробежит глазами по заголовкам, по картинкам...

— Я насчет кольца, — сказал Зайцев.

— Что, опять пропало?

— Как ты его нашел?

— По дороге постараюсь растолковать, хотя и не уверен, что ты поймешь. Это, старик, тонкая вещь, психология называется, наука такая. Не слышал? Напрасно. Она изучает внутреннее состояние человека, его чувства, мысли, ощущения, ты, может быть, не поверишь — даже предчувствия.

На улице была ночь, прохожие исчезли с проспекта, и только парочки еще маячили кое-где среди заснеженных деревьев. Фонари казались ярче обычного, холодный воздух освежал.

— Прекрасная погода, не правда ли? — спросил Ксенофонов.

— Согласен целиком и полностью, — отвечал Зайцев. — Но я это... насчет кольца.

— Хорошо. Слушай. Прежде всего тебе надо ясно осознать, что мы живем в мире дешевых, бездарных вещей. У тебя есть ручка? Дай мне ее... Вот видишь... Грязно-серая пластмасса, треснувший колпачок, подтекающая паста, обломленный рожек... Цена ей тридцать копеек, верно? И это инструмент профессионала? Не обижайся, у меня такая же. Я попрошу тебя показать блокнот, галстук, перчатки... прости меня... трусики... И все это, Зайцев, окажется паршиво сделанным из плохого материала пьяными халтурщиками. А наши души рвутся к прекрасному, как лебедь в облака... Но нам не суждено окунуться в мир хороших вещей.

— Никогда?

— Не суждено, Зайцев. Одни это переносят мужественно, с пониманием законов общественного и производственного развития, другие теряют самообладание и посвящают жизнь тому, чтобы устранить эту несправедливость. Самые нетерпеливые попадают в твой кабинет, становятся твоими клиентами. Если хочешь, могу назвать их пациентами, но те иногда выздоравливают, а ты своих не излечиваешь, нет, ты тычешь их мордой в грязь их поступков, но морды от этого не становятся чище...

— Я насчет кольца, — напомнил Зайцев.

— И я о том же! Встречая на жизненном пути добротную, красивую вещь, мы теряем самообладание, даже если по простоте и невежеству не понимаем, в чем ее достоинство. Мы готовы отвалить месячную зарплату за брезентовые штаны, если они прилично сделаны.

— Это ты о себе?

— О себе, о тебе, о похитителе бриллианта. Кольцо Рая получила в подарок. Никогда раньше у нее не было столь дорогого кольца, поэтому похищение не могло быть продуманным, заранее подготовленным. Похищение было случайным. Я бы назвал его сорочьим. Влетела сорока в форточку, увидела блестящую вещь, хват ее — и назад. Похититель скучал в ожидании застолья и беспорядочно хватался за различные предметы — книги, статуэтки, картинки... Попалась и коробочка. Открыл — кольцо. Не совладал с собой, сунул в карман, отошел к другому шкафу. Вопросы есть?

— Пока нет. Но почему ты решил, что похититель обязательно мужчина? Сорочьи привычки присущи и женщинам.

— Женщины помогали Рае готовить стол. Они не маялись в ожидании. А мужчин Рая сразу выпроваживала в эту комнату, чтобы не видели таинство приготовления пищи.

— Да, возможно, ты прав...

— Я прав без всяких оговорок, потому что кольцо уже две недели лежит в коробочке, там, где ему положено лежать. Мужчин на торжестве было пятеро. Мы с тобой и те трое. Я позвонил всем трем и пригласил их к Рае. Я сказал им, что у нее пропало колечко, очень ценное для нее колечко, что она вся в слезах и собирается даже обратиться к следователю, чтобы он по отпечаткам пальцев нашел злодея.

— Дальше, дальше! — нетерпеливо сказал Зайцев.

— Торопишься? Напрасно. Только что я сказал тебе самое главное. Я сказал им, что на стекле книжного шкафа остались отпечатки пальцев похитителя.

— Там все было захватано пальцами!

— Это знаешь ты, но он-то не знает. Забываешь, Зайцев, самое важное и помнишь какие-то пустяки. Похититель полез в книжный шкаф без какой-то цели, не знал он о существовании кольца и потому не предпринял никаких мер, чтобы не оставить следов. Понимаешь? Мои слова об отпечатках пальцев его встревожили. Он понял, что у него почти нет времени, что нужно торопиться, пока не приехал следователь. Он оказался в сложном положении — признаваться поздно, просто вернуть кольцо, подбросить нельзя...

— Что же ему остается?

— Попытаться обесценить отпечатки. Для этого есть единственный способ — снова у всех на глазах потрогать коробочку, стекло, полку. Чтобы потом можно было сказать — простите, но отпечатки я оставил на следующий день, когда меня пригласили, когда...

— Значит, это был...

— Совершенно верно. Помнишь, я передвинул кресло? Я отгородил угол комнаты, так что пройти к шкафу легко и непосредственно стало невозможно. А похититель, едва войдя в квартиру, устремился к шкафу. Невинный человек, увидев, что пройти к нему трудно, не станет это делать.

— А может, это будет человек, который любопытнее других, или человек менее других деликатный, хуже воспитанный... Да мало ли какие причины можно придумать!

— Придумать можно. А зачем? Человек отодвигает столик с кофе, чуть не падая мне на колени, протискивается к шкафу и тут же начинает хватать стекло, коробочку, полку — смотри-те, дескать, когда возникли эти отпечатки — сейчас, а уж никак не вчера, когда пропало кольцо.

— Как-то жидковато это, неубедительно...

— Как бы там ни было, хозяйка счастлива, а слабонервные подруги ее любимые теряют самообладание при виде кольца! Но! — Ксенофонтов поднял длинный указательный палец. — В отличие от некоторых работников правосудия я не спешу с выводами, я продолжаю поиск — задаю вопрос.

— Какой? Не помню...

— Вопрос совершенно невинный: «Ты ведь не знал, что оно такое дорогое?» Пустой, казалось бы, вопрос, но сколько в нем коварства! О! — Ксенофонтов покачал головой, словно бы в восторге перед собственной проницательностью.

— Не вижу никакого коварства!

— Что мне отвечает на этот вопрос Сварчевский? Он не увидел в нем подвоха, понял только, что намекаю, — дескать, у него таких вещей никогда не было и не будет. И понес чушь про японскую фотокамеру. Тон и вопроса и ответа несерьезный. Игра! Мы не вытираем слезы с красивых щек Раи, не промокаем носовыми платками ее глаза, мы искренне ей сочувствуем, но делаем это не слезливо. Понимаешь? На шуточный вопрос я получаю шуточный ответ. Все правильно. Я бросаю мяч, Сварчевский принимает подачу. Я снова бросаю мяч, задаю второй вопрос: «Что бы ты сделал, найдя такое кольцо?» И опять Сварчевский не уклоняется. «Купил бы еще одну камеру!» — отвечает он. — «Хассельблад». Я задаю те же вопросы Цыпину, и он отбивает мои мячи. Он беззаботен — вот что следует из его ответов.

— А Лошкарев?

— О! — воскликнул Ксенофонтов. — Лошкарев мои подачи не принимает. Я бросаю ему мяч, а он не знает, действительно ли это мяч или, может быть, чугунное ядро? И вместо того чтобы отбить мяч, он шарахается от него в сторону. Спрашиваю Лошкарева: «Ты ведь не знал, что оно такое дорогое?» Что он отвечает? «Ты о чем?» Мы все собрались из-за кольца, это злосчастное кольцо у всех в мозгах, в печенке, на языке, а он у меня спрашивает — ты о чем? Не знает, что ответить, и боится попасть впросак. Невинный мяч принимает за бомбу с дымящимся фитилем. И хотя мне уже все ясно, я спрашиваю — что бы он делал, найди такое кольцо? Но Лошкарев насторожен, обеспокоен, он раздраженно отмахивается от моего милого вопроса! «Да ну тебя!» — говорит он. Другими словами: я ему мяч, а он — прыжок в сторону.

— И ты уверен...

— Зайцев! За пятнадцать минут он прокололся трижды. Этого мало? Мне оставалось выйти вслед за ним на площадку, объяснить суть его поступков и попросить колечко. Кажется, он расстался с ним без сожаления.

**ДМИТРИЙ
ЖУКОВ**

СЛУЧАЙ НА ВУЛКАНЕ

Фантастический рассказ

Самолет летел на восток. В одиннадцати тысячах метров над землей быстро смеркалось. Махровым ковром стлалась далеко внизу изнанка туч. За бортом пятьдесят градусов мороза, а в салоне тепло. Я огляделся. Все спали, и в неудобных позах

Художник Татьяна СОКОЛОВА

людей, устроившихся кто как мог в креслах с откидными спинками, мне увиделась усталость, несокрушимая власть тяготения, которая и на огромной высоте давила каждую мышцу...

Знал бы я, что мелькнувшая мыслишка о тяготении через несколько десятков часов вдруг возрастет до волшебной яви, до гигантской мысли, до звездной мечты!

А пока самолет летел сквозь короткую ночь, навстречу солнцу, которое представлялось сначала розоватым озером с бегущими коричнево-лохматыми берегами. Потом где-то внизу возникло округлое малиновое пятнышко, несущееся с громадной скоростью под самолетом, пока не выплыло оно в открытое небо ослепительной, до рези в глазах, пылающей горой.

...Из белой пустыни высунулся правильный конус Корякского вулкана. За ним виднелись смазанные вершины Авачинского, Козельского... Во взятых впопыхах в дорогу брошюрах, написанных вулканологами, я в последние часы почерпнул ровно столько сведений, сколько надо было, чтобы не выглядеть полным невеждой в разговорах с ученым человеком, который старается потеснее познакомиться с богом огня и ведет свою родословную от Плиния Младшего, описавшего извержение Везувия и гибель Помпеи.

Несмотря на почтенный возраст науки, она не пошла дальше гипотез о подземном океане магмы, которая по трещинам в земной коре выбирается поближе к ее поверхности, как бы вскипает и под давлением газов и пара вырывается наружу.

Авачинский вулкан напоминал верхнюю часть безголового манекена, на который натянули шубу с воротником шалью. Когда-то он периодически извергался, а с 1945 года успокоился, и лишь появлявшийся над внутренним конусом белесый дымок предупреждал, что исполинские силы в недрах земли дремлют до поры до времени...

И кажется, это время пришло. О чем меня и оповестил редактор нашего отдела предельно лапидарным вопросом:

— Хочешь слетать на Камчатку?

— Ну! — ответил я сибирским междометием, означавшим согласие. Летняя путина, подумалось, прогрессивная техника на службе истребления живности Мирового океана. Тысячи тонн добычи сверх плана на сэкономленном материале... Кроме шуток, это было уже интересно. Так далеко у нас посылали редко. Но у редактора был нюх, он ничего не делал зря.

— Погляди телекс, — продолжал он. — Авачинский вулкан просыпается. Наведаешься в Институт вулканологии в Петропавловске. Три колонки, репортаж с места событий. Оформляй командировку...

К тому времени, когда самолет завершал круг для захода на посадку в аэропорту у Елизова, одного из трех городов Камчатки, ветер разогнал тучи, и справа показались кварталы Петропавловска, а внизу зачернела вода Авачинской губы. Промелькнули устья рек Авачи и Паратунки, и самолет, дрожа и потрескивая, покати по бетонной полосе.

Я выбрался на поистине свежий, заставлявший поеживаться, совершенно прозрачный, пронизанный солнцем воздух. Картина передо мной предстала удивительная и до того непохожая на все когда-либо виденное, что я невольно ахнул,

Вулканы, казалось, стояли тут вот, рядом, за самым краем летного поля, хотя я точно знал, что до них несколько десятков километров. Они занимали полнеба. Равнобедренный Корякский, торчащий из «воротника» усеченный конус Авачинского, подавленный величием соседей Козельский. Плотная зелень лесов у оснований и белые шапки, испещренные черными штрихами... Графика великого мастера — природы.

Сопка была безмятежна. Над вершиной ее уходило в небо вертикальное, почти прозрачное, безобидное облачко.

Безмятежность картины была, как оказалось, обманчивой.

Первое дело для командировочного — определиться в гостиницу. Не успел я войти в номер и щелкнуть выключателем, как лампочка качнулась и я почувствовал тяжесть в ногах. Потом они стали ватными. И снова тяжесть... У меня уже был опыт подобных ощущений, и я не особенно испугался. Землетрясенияце... Из коридора донеслись встревоженные голоса. Я вышел из номера. Командировочные и туристы толпились у столика дежурной по этажу, а она спокойно говорила им:

— Не пугайтесь, спите. Ничего страшного не будет, мы уже привыкли...

С трудом дозвонившись до Института вулканологии, я назвался и попросил меня принять.

— Нам некогда. Авачинский просыпается. Половина института уже на станции. Вами некому будет заняться, — невежливо послышалось из трубки. Частые гудки подтвердили категоричность отказа.

Я включил радио и услышал конец объявления о возможном извержении вулкана:

— ...деятельность. Возможно чередование сильных и слабых взрывов, излияние лав, а также концентрация вулканического пепла в атмосфере.

И словно бы в подтверждение пол подо мной задрожал, зазвенели оконные стекла, и донесся грохот далекого взрыва, переросший в непрерывный гул...

Надо было что-то предпринимать. Гостиница напоминала расстроенный улей. Одни из приезжих устремились вниз по лестнице, боясь, по-видимому, еще более сильных толчков и непрочности стен здания. Другие (из камчатских жителей, как я понял) сидели в креслах и стояли в холле, вроде бы спокойно обсуждая объявление.

— Всяко бывает, — говорил какой-то пожилой человек. — Помню, в пятьдесят шестом в Ключах, когда Безымянный работал, было совсем темно. Своей руки и то не видно...

— Страшно было? — спросили его.

— Да чего уж хорошего... Запаниковали некоторые, бежать бросились, руки-ноги переломали. Горячий песок сечет, огненная пурга. И вспышки, как в грозу. Это молнии были. Глаза у всех воспалились, на зубах скрипит — еще долго потом все с песком ели...

— А лава?

— Лава далеко не течет. А вот камешки могут долететь. Это уж как повезет. Лучше под крышей пересидеть...

Я подошел к пожилому и спросил, как мне найти Институт вулканологии.

— Как выйдете из гостиницы, переходите улицу. Напротив как раз 1-й автобус останавливается. Сойдете на восьмом километре, там спросите.

Я вышел на улицу, придавленную низким мрачным небом. Оно закрывало до половины сопки и лепившиеся на их склонах блочные пятиэтажки. Воздух был тяжелый, влажный и... горький.

Снаружи гудело громче. Гул то затихал, то усиливался через неравномерные интервалы. Ежась от холодной сырости, буднично торопились по своим делам люди. Ходили автобусы. Сойдя на восьмом километре, я очутился в большом сквере, в глубине которого стояло длинное трехэтажное здание. Это и был Институт вулканологии.

У подъезда его теснилось несколько крытых брезентом грузовиков. В кузов одного из них люди в желтых пластмассовых касках и зеленых рабочих костюмах грузили какие-то тюки, ящики и приборы в чехлах. Я остановился у машины, намереваясь спросить, куда мне обратиться.

Из черноты под брезентовым верхом высунулся человек с красным лицом и шишковатым носом.

— Чего стоишь! — грубо закричал он. — Подавай!

Моя зеленая выцветшая штормовка вполне могла сойти за прозодежду вулканолога. Сообразив это сразу, я не стал вручать верительных грамот, а бросился к груде вещей и ухватился за тюк побольше. Вместе с другими, быстро перекидав все в машину, я нырнул под спасительную сень брезента.

Грузовик рванулся в неизвестность...

Я сидел на скамье, водрузив ноги на тюки... Сильно болтало на поворотах и ухабах. То и дело я съезжал со скамьи, упирался в тюки руками, меня бросало обратно на скамью, больно припечатывая спиной к борту кузова. Все в машине были заняты такими же попытками хоть как-то усидеть на месте и потому молчали. Из-под брезента была видна только дорога, которая быстро убегала, исчезая в сером мареве.

Последний ухаб, и машина стала. Кто-то спрыгнул и откинул задний борт. Соскочив, я увидел поблизости вертолет.

— Быстрей! — крикнул человек с шишковатым носом и выдвинул из глубины кузова в мою сторону окованный железом ящик. Схватив его, я пошел к вертолету. Обгоняя меня, туда же побежали с тюками и приборами мои спутники в желтых касках. Один из них уже стоял в дверном проеме вертолета и принимал вещи. Перегрузка завершилась в несколько минут, и едва мы уселись на вещи в грузовом отсеке, как раздалось завывание унформеров и кто-то захлопнул дверь. И только тут, под рев двигателя, меня спросили:

— А вы кто такой?

— Корреспондент, — коротко ответил я.

— Немедленно вылезайте!

Но было уже поздно. Машина дрогнула и поднялась в воздух.

— Когда прилетим, не смейте выходить! Полетите обратно. На вас нет каски.

— Ничего, у меня голова крепкая, — крикнул я в ответ.

Человек с шишковатым носом показал мне кулак. Однако вскоре смиростивился.

— Спрашивайте, — сказал он, когда уши привыкли к шуму. — А то поздно будет...

— Почему Авачинский так долго молчал? — спросил я, выказывая осведомленность. — В чем причина нарушения периодичности?

— Не знаю. Думали, в пятьдесят девятом активизируется. Породы в кратере нагрелись до восьмисот градусов.

— А как теперь угадали?

— У нас там станция на высоте километра. Сейсмоприборы на склоне, репера. Мы пробуждение Шивелуча за полгода угадали. Вот он за три дня само извержение предсказал. — Человек ткнул пальцем в одного из своих коллег. — Не поверили. Сказали, молод еще. А теперь за неделю все были уверены. Предупредили. Наша заслуга. Будете писать, укажите, а то средств мало выделяют...

— Для города есть опасность?

— Нет. Далеко Авачинский... Разве что пепел нагонит ветром.

— А лава?

— Больше чем на десять километров не утечет. Технику подготовили, бульдозеры. В случае чего сделают защитный вал. Напишите, что извержения воздействуют на изменения климата. На Шивелуче два с половиной кубических километра породы выбросило, подняло на десять километров...

— А сейчас сколько?

— Пока не знаем. Электрические разряды, молнии бьют в кратер. Есть предположение, что от этого жизнь зародилась на земле. Образуются аминокислоты. Сенсация!

Крик его звучал насмешливо.

Вертолет накренился, поворачивая, и я прильнул к иллюминатору. Теперь была видна «шея» Авачинского вулкана с гигантским столбом дыма над ней. Черноту пронизывали красные и желтые стрелы, с невероятной скоростью стремящиеся вверх.

Краем уха я слушал вулканологов, речь которых пестрила птичьими словами: «андезит», «дацит», «риолит»...

— Как вас зовут? — спросил я человека с шишковатым носом, но он только махнул рукой. Вертолет пошел на посадку.

Вулканологи высыпали из машины. Мне крикнули:

— Подавайте!

Я стал добросовестно подтаскивать к выходу груз и, передав из рук в руки последнюю вещь, собрался выскочить сам.

— Куда! — заорал шишковатый нос. — Вы без каски!

Но я уже был на земле, на каких-то хрустящих под ногами комках, и бежал прочь от вертолета. Рядом со мной что-то ухнуло на землю, обдав теплым ветром. В воздухе стоял дикий рев, вой, грохот, и я уже не слышал, что мне кричат, стараясь увеличить расстояние между собой и сердитыми вулканологами.

Вдруг ноги мои оказались в пустоте, увлекая за собой мелкие камешки, я скользнул на спине вниз по склону...

Теперь уже кричал я, но никто не откликнулся. Да и мудрено было меня услышать, если с неба наваливался одуряющий гул, а земля шипела, как сто тысяч раздраженных змей.

Я выкатился на довольно большую площадку и встал на ноги лицом к вулкану, для чего-то отряхиваясь. Саднило локти. Справа вздымалась почти отвесная круча.

Я пошел влево, но на этот раз осторожно, и шагов через триста оказался на краю новой осыпи, откуда открывался вид на большой, заросший каменными березами и кедровым стлаником распадок. Он резко шел под уклон, и по нему с грохотом неслись вниз каменные глыбы, сокрушая скрюченные стволы деревьев. Выше по ложине уже разгорался лесной пожар, а еще выше, где распадок теснили фиолетовые бугры и скалы, виднелся какой-то непонятный вал. Он был довольно далеко, но мне показалось, что он шевелится и даже сползает по склону. Над ним багрово светился плотный дымный воздух...

Как я очутился в той пещере, сам не знаю. Как потом выяснил, по научным прописям такой пещеры здесь быть не могло. Но она была. Стены и низкие белые своды ее (я едва доставал их головой) показались мне будто отполированными. Я не знаток минералогии, но это был явно не известняк, белый, но пористый, как помнилось. Даже в слабом свете, пробивавшемся снаружи сквозь дым и пыль, белизна была поразительная...

И поэтому резко выделялся на ней черный шарик, величиной с пинг-понговый, прилипший, казалось, к своду пещеры. Как это ни странно, в пещере легче дышалось. У меня достало еще сил и любопытства поднять руку к невысокому своду и дотронуться до шарика.

Мне показалось, что я могу его взять. И я это сделал.

Шарик был совершенно круглый. Потянул его вниз, а он, чуть отделившись от свода, тут же выскользнул из пальцев и неуловимо взметнулся вверх.

Это было немыслимо. То ли гора над сводом — сплошной магнит, а шарик железный, то ли... Даже в своем отчаянном положении я не мог устоять перед извечной тягой человека к эксперименту. Достав из кармана складной нож, я приложил его лезвием к своду, потом к черному шарiku. Нож не прилип, а когда я выпустил его из рук, упал, больно стукнув по ноге.

Я вновь потянулся к шарiku, обхватив его крепче пальцами, оторвал от свода и протиснул в образовавшийся просвет пальцы другой руки. Теперь шарик лежал, да, лежал на ладони, крепко прижимая кисть руки тыльной стороной вверх, к гладкой белой поверхности. Схватив себя за пальцы освободившейся рукой, я потянул упирившийся в ладонь шарик вниз.

Это было все равно что поднимать тяжесть с полу вверх. Только такой плотный и «тяжелый» шарик вряд ли нашелся бы на всей земле.

Я повис на шарике и даже подогнул ноги. Он довольно легко пошел вниз, и я оказался на коленях. Во мне килограммов восемьдесят. Я прикинул: будь во мне шестьдесят, я бы его не заставил опуститься. Значит, черный шарик «сбросил» с меня более трех четвертей веса. Но, может быть, его стремление вверх все-таки обуславливается какой-нибудь загадочной силой в самой пещере?

Опираясь на шарик, почти не ощущая тяжести тела, я встал на ноги и пошел к выходу из пещеры. Никогда в жизни мне не было так легко идти. Казалось, подпрыгни и полетишь...

Снаружи уже было менее дымно, но метрах в десяти от пе-

щеры теперь обозначился ручей багровой лавы. Он прокладывал себе дорогу, сдвигая мелкие камни и обтекая крупные. Было очень жарко, лицо горело, но шарик по-прежнему упрямо давил в ладонь, стремясь вверх. Это подлежало осмыслению, и я, осторожно повернувшись, шагнул обратно в пег ру, показавшуюся мне теперь прохладной.

Опираясь на шарик, я думал о том, что всегда пренебрегал физикой и математикой, с младых ногтей мечтал писать.

Однако надо было думать и вспоминать, что же я вычитал в статьях и книгах тех из моих собратьев по журналистике, которые писали на научные темы.

Итак, нарушен закон тяготения. Это же антигравитация какая-то. Мечта фантастов и физиков. Невозможная, недостижимая мечта. Этого не может быть, потому что не может быть никогда, мелькнул чеховский вариант отрицания немыслимого. Рука на шарике занемела, ее покалывало, и, подумав, что шарик никуда не ускользнет, я вывернул кисть руки. Шарик молниеносно устремился к своду, куда быстрее, чем падающий предмет. Брызнула белая крошка, и шарик утвердился на месте.

Не спуская с него глаз, я начал лихорадочно прикидывать, какова его природа и происхождение.

Пришельцы! Невероятно развитые науки и технология... Прилетели в неведомые времена, зачем-то спрятали этот шарик в пещере и отбыли. Но почему рядом с вулканом? Какой-то собачий фантастический бред. Начитался!

Вулкан... Вулкан... Есть немало объяснений, почему взрываются вулканы, на тысячи метров ввысь летят расплавленные минералы. Потом, не преодолев земного тяготения, лава, камни обрушиваются на землю...

Все ли? А может быть, часть этих камней так и не возвращается? А может быть, они имеют природу совсем другую, нежели известные нам камни?..

Я посмотрел на черный шарик и цапнул его ногтем. Шершавый... На этом мое исследование загадочного шарика и закончилось. Я вернулся к прерванной мысли.

А какие у нас сведения о том, что творится в недрах Земли, которую пробурили всего лишь на двенадцать километров?

Может быть, где-то там, на страшной глубине, стиснутые гигантским давлением, зарождаются или просто существуют такие вот шарики, шары, шарищи, и время от времени, как пузырьки легкого газа в жидкости, они срываются с места и уносятся вверх, пробивая земную поверхность там, где это возможно, где тонко, в вулканической местности.

Я представил себе на секунду, как они где-то там, в глубине, давят со страшной силой на земную твердь, разогревая, плавя ее, вызывая порой судороги земной поверхности...

Но как же быть с тяготением? Как быть с открытиями Галилея и Ньютона. Вспомним-ка Байрона: «Так человека яблоко сгубило, но яблоко его же и спасло, — ведь Ньютона открытие разбило неведенья мучительное зло. Дорогу к новым звездам проложило и новый выход страждущим дало».

Я книгочей неразборчивый. Не раз ругал себя за нецелеустремленность в приобретении знаний. И вот, кажется, пригодилось...

Закон всемирного тяготения... Он условен, как всякий посту-

лат. А из него родилась космология — наука о происхождении и строении Вселенной, небесная механика... чего только из него не родилось. Даже в спиральных галактиках поведение улетающих прочь звезд объясняется тяготением. Так ли это? Сам Ньютон пытался хотя бы философски объяснить действие гравитации, да махнул рукой и сказал: «Гипотез я не измышляю...»

Зато потом гипотез, объясняющих механизм тяготения, появилось много. Говорили, что какие-то частицы давят с одной стороны сильнее, чем с другой. Придумали чудодейственный эфир — заполняет он все пустоты в космосе и тянет... Куда тянет? И еще предполагают действие каких-то гравитационных волн, которые никто и никогда не видел и не улавливал.

По Ньютону, Вселенная бесконечна. По новейшим предположениям, она безгранична, но конечна. И криволинейна. И к тому же Вселенная еще расширяется. Бегут, бегут друг от дружки галактики. Да еще со все возрастающей скоростью. Заснет, скажем, человек, проснется через десять в девятнадцатой степени лет, а уже совсем темно — все звезды разбежались. Другие утверждают, что, разбежавшись, Вселенная начнет сбегаться, пока не станет меньше булавочной головки. И все тяготение. И тут тяготение, и там тяготение. А почему возникают сверхновые звезды, вещество которых разлетается? Или «квазары», некие гигантские объекты, которые сторонятся галактик, летят от них прочь почти со скоростью света?

А может быть, они сродни моему черному шарик? Стоит его выпустить на волю, как он наберет вторую космическую скорость, вылетит за пределы Солнечной системы и...

Положим, если существует тяготение, то почему не быть отталкиванию? Но ведь это же нарушение закона всемирного тяготения! Есть даже такое понятие — гравитационная постоянная, одинаковая для всей Вселенной. Вся физика на ней стоит. Условились и пляшут от этого постулата как от печки. Что такое постулат? Нечто принимаемое за истину, без всякого доказательства. Любопытная вещь — наука. Выстроено эдакое сооружение, висящее между небом и землей. Ни опоры, ни крыши, а стоит. Наблюдений тьма, объяснений их еще больше. Обжили люди это здание, все надстраивают на благо себе и во вред. Выводят новые законы, которые действуют. Только начала начал нет. Перемени постулаты, найдут новые объяснения наблюдениям, новые теории, а здание устоит, только облик у него будет совершенно другой... Вот уже и Поль Дирак, англичанин, возглавляющий, кажется, ту же кафедру в Кембридже, что и Ньютон когда-то, высказал сомнение в постоянстве гравитации. Прими наука его предположение, и надо менять теорию строения Вселенной, не говоря уже о такой «мелочи», как эволюция Земли.

Одни говорят, что старушка Земля сжимается, ссыхается, оттого и выдавливаются складки-горы. По другой гипотезе, Землю распирает, континенты разъезжаются.

А может быть, этот черный шарик, стремящийся раздвинуть свод пещеры и улететь, поможет ответить на многие вопросы?

Теперь над этим будут ломать головы те, для кого физика — дом родной. Если мне удастся выбраться отсюда.

Но даже я могу представить себе, что дало бы человеку владение такими вот черными шариками. В космос? Пожалуйста! Засунул в корабль — и фьюить!.. А куда прилетишь? Такой шар будет стремиться прочь от любой большой массы, планеты, звезды... Если только не встретит тело с такими же свойствами. Тогда мое собственное тело станет увлекать меня прочь...

Нет, с космосом мне не разобраться, а вот на Земле такие шарики жизнь облегчили бы здорово. Экая тяжесть с плеч! Экономия мощности. Облегчение машин...

Как просто, например, превратить мой старенький автомобиль в летающий... На глазах у изумленного милиционера я возношусь в небо и юркаю за ближайшую тучку. Бред какой-то!

А почему бред? Я надеваю пояс с шариком и бью все рекорды по бегу, прыжкам в длину и высоту... Постойте, постойте... Это, конечно, жульничество, а не спорт, но вот сейчас такое свойство шарика вполне подойдет.

Попробуем!

Снова отделив шарик от свода, прижав руку крепче к бедру, я вышел из пещеры. Огненный ручей уже превратился в целую реку, отделявшую меня от кручи, с которой я слетел. Жар стоял несусветный. С ушей, казалось, слезала кожа.

Надо бежать отсюда, прыгать через огненную реку. Шевелась, она с треском ломала корку остывшей местами лавы.

Сколько же тут метров? Шесть? Семь?.. Пот заливал глаза. Но шарик привычно давил в ладонь, напоминал о себе.

Решение пришло мгновенно. Я осторожно, с усилием придерживал стремившийся вверх шарик обеими, наложенными одна на другую руками. Теперь я висел как на канате. Разбежавшись, оттолкнулся и словно бы завис над огнем. Полет в моем сознании был похож на замедленную съемку.

Огонь уже позади. Я пролетел еще несколько метров и стал карабкаться по крутому сыпучему откосу, которого никогда не одолел бы без черного шарика.

И вот уже край, уже голова моя над краем. И я вижу на плато палатку, какой-то треножник и моих дорогих деловитовозбужденных вулканологов. Первым меня заметил тот, с шишковатым носом. Свирепо поводя им, он зарычал:

— Безобразие! Это опять вы. И без каски...

— Да стойте же, смотрите, что я нашел! — закричал я, чуть не плача от радости. Двойной кулак мой пошел вниз, словно я подтягивался на своем канате. «Все-таки восемьдесят килограммов», — машинально отметил я про себя и вывернул кисти, как бы собираясь преподнести на ладонях этим вулканологам свой драгоценный подарок.

Шарик легко разомкнул мои усталые пальцы и в то же мгновение исчез.

— Смотрите! — еще успел выкрикнуть я и тупо уставился на свои пустые, сложенные горстью ладони.

— Что там у вас? — спросил шишковатый нос. — Где вы пропадали?

— Ничего, — ответил я. И это была правда, только правда, ничего, кроме правды. Но кому нужна моя правда, не подтвержденная черным шариком?!

Конрад ФИАЛКОВСКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ

Художник Юрий МАКАРОВ

ОПАСНАЯ ИГРУШКА

Я купил его сыну на день рождения. Фея взмахнула волшебной палочкой, и робот-автомат принес светящийся изнутри перламутровым светом саркофаг-коробку, в котором он спал бестревожным перламутровым сном. Тогда она мило улыбнулась мне и произнесла:

— Мне кажется, что ты будешь доволен им.

Я кивнул и, в свою очередь, улыбнулся ей.

— Ты пришел к нам один, без сына, поэтому я не стану рассказывать, что мишку нельзя обижать, нельзя выкручивать ему лапы, выковыривать фотоэлементы и вырывать конденсаторы, не забудь передать это сыну.

— Не забуду, — заверил я ее. — Я постараюсь относиться к нему, как к собственному ребенку.

— В таком случае мне очень приятно, что мой воспитанник приобрел себе заботливого отца. Тебе надо будет только переделать его программу так, чтобы он называл тебя папой.

Теперь мы оба засмеялись, и мне пришло в голову, что кто-то очень хорошо знает свое дело, если принимает на работу в Дома сказок таких очаровательных фей. Она взмахнула на прощание волшебной палочкой, и я оказался на бесшумно скользящей к выходу движущейся дорожке. Толпа маленьких детей, до этого момента окружавшая меня и с завистью рассматривавшая мишку в коробке, со смехом рассыпалась и перекочевала к большому видеотрону, на экране которого был изображен полосатый диск Юпитера. Он висел неподвижно и, как видно, был нужен только для того, чтобы мужской голос рассказывал зрителям, как Томек-космонавт преодолевает верхние слои его атмосферы. На другой стороне экрана в лучах видеотронного солнца переливалась видеотронная гора из стекла. Она тянулась вверх на тысячи метров и имела идеально ровную поверхность, по которой, напоминая ползущую по оконному стеклу муху, без видимых усилий взбирался принц в скафандре инопланетянина. За горой темнел дремучий лес, взятый взаймы у «эры дымящихся фабрик». Между пнями, поросшими пушистым мхом, деловито сновали электронные гномики с красными светящимися колпаками. На окраине леса, возле избушки бабы-яги, стоял автомат, в обязанности которого входило отвечать на все вопросы детей, как видно, уже имеющих немало неразрешенных проблем. Если бы существовал такой же автомат для взрослых, можно представить, какая очередь создавалась бы вокруг него...

Я вышел. Внушительных размеров андруд¹ в доспехах средневекового рыцаря вежливо попрощался со мной при выходе, напоследок поинтересовавшись, не оставил ли я в Доме сказок своего ребенка. Он, видимо, не привык иметь дело со взрослыми, навещающими сюда без детей. Нет, я не потерял своего ребенка. Мой сын на этот раз остался дома. В эту минуту он скорее всего сидел перед видеотроном, следя за перемещающи-

¹ Андруд — автомат, напоминающий по форме человеческую фигуру.

мися по экрану изображениями. Это было его обычным после-полуденным времяпрепровождением. Мне кажется, что правы те психологи, которые не советуют забирать детей в определенном возрасте с Земли. Мой сын прилетел на Марс слишком рано или слишком поздно. На Земле остались его друзья, с которыми он играл в космонавтов, приспособившая окрестные холмы под необследованную территорию таинственной планеты; остались наш сад, где он знал каждый куст, и дом с раздвижными стенами, источающий аромат сандалового дерева. На Марсе дети были совсем другими, они предпочитали автоматы путешествию босиком по траве. Поэтому я и купил ему электронного мишку.

— Мы назовем его... ну, скажи, как его можно назвать? — спросил он меня, когда мы открыли коробку, извлекли из нее инструкции и добрались до места, в котором было написано: «Перед тем как привести мишку в движение, ему необходимо выбрать имя, которое и будет навсегда закреплено в свободных клетках его программы».

— Ну так как? — повторил он, когда я не ответил.

— Может быть, Катион? — предложил я.

Он раздумывал с минуту.

— Нет, такое имя подходит живой собаке, но не мишке. Его имя должно быть обычным.

— Тогда придумай сам что-нибудь.

— Это мог бы быть Боб... — Он вопросительно посмотрел на меня.

— Превосходно, пусть это будет Боб.

Я нащупал спрятанную в шубке кнопку питания, и когда темные глаза мишки вспыхнули зеленым светом, произнес:

— Тебя зовут Боб. Встань!

Словно подброшенный незидимой пружиной, мишка выскочил из коробки. Небольшая, с метр ростом фигурка, забавная мордочка с рыжевато-бурым волосом... Он встал, осмотрелся, а потом снова нырнул в коробку, достал из нее щетку и принялся расчесывать свою взлохмаченную шерсть. Покончив с этим занятием, он, слегка заикаясь, обратился к сыну:

— Я т-теперь твой мишка?

— Да.

— А это кто? — он показал лапой на меня.

— Мой папа.

— Эт-то хорошо.

— Послушай, — предложил я сыну, — может, обменяем его на другого. Посмотри, он ведь сильно заикается.

— Совсем немножко и только иногда, когда меня слишком долго не включают. У других мишек дефекты намного серьезнее. Я знал одного мишку, у которого на лапе было напряжение более ста вольт, — неудачная конструкция, и он всем старался подавать лапу.

— Ну что, обменяем?

— Не соглашайся. Я умею играть в мячи и р-решать задачи по математике. Кроме того, я могу подражать голосам и р-разобрать видеотрон.

— Ну так как?

— Пусть остается этот.

— Сразу видно, что ты славный мальчик. Я буду тебе хорошим мишкой. Ты скоро убедишься в этом.

Так мишка остался у нас. Это был удивительный автомат. Не раз меня приводила в недоумение загадочная прихоть неизвестного конструктора, вмонтировавшего в детскую игрушку такую гибкую и сложную систему.

В том, что это был не обыкновенный стандартный автомат из тех, что производятся серийно для игр с детьми, я был совершенно уверен с самых первых дней. Мишка проявлял некоторые черты человеческого характера, доступные только наиболее совершенным автоматам. Например, он был ленивым. Разумеется, он повиновался любой команде, исходящей от нас, но при этом старался выполнить ее таким образом, чтобы потратить как можно меньше времени, избегая ненужной суеты, так свойственной большинству автоматов. После того как он совершал требуемое действие, он мог часами оставаться в неподвижности. По прошествии некоторого времени я обнаружил, что он в определенном смысле привязан ко мне и всегда готов оторваться от меланхоличного созерцания своих мохнатых лап, чтобы сопровождать меня, когда я поднимался из-за стола и направлялся к пультам управления вспомогательными мнемотронами.

Однажды под вечер я сидел в своем кабинете и бился над разрешением проблемы управляемых полигравитационных полей. Мишка, как всегда, когда сын уже спал, составлял мне компанию, забравшись в угол и сидя там неподвижно. Время утекало час за часом, однако, несмотря на это, я почти не продвигался вперед. Пульт управления уже несколько раз напоминал мне, что память перегружена, недвусмысленно давая понять, что задачу необходимо решать с помощью мнемотрона большей емкости. Склонившись над экранами, я почти не обращал внимания на то, что делается в кабинете. Неожиданно я услышал характерное покашливание и поднял голову. Передо мной стоял мишка.

— Ты все еще не спишь, Боб?

— Я редко сплю.

— Как это понимать, ведь у тебя в программе предусмотрено чередование сна и бодрствования?

— Да, но программа не должна быть для меня неизменной. Я могу ее регулировать.

— А что ты делаешь по ночам?

— Думаю, решаю задачи...

— Может быть, ты доказал теорему Пифагора?

— Нет, но я нашел решение твоей задачи с управляемыми полигравитационными полями.

— Ты шутишь?

— Нет, я-на самом деле. Вот результат.

На простейшем функциографе, который он держал в лапе, были написаны какие-то вычисления. В первый момент я хотел вытолкнуть его из кабинета. Я бьюсь над сложнейшей задачей в течение нескольких часов без какого-либо результата, как вдруг заявляется самопадеющая детская игрушка и выписывает из своего маленького мозжечка готовое решение. Тем не менее я сдержался. Ведь это был всего-навсего автомат, к тому же мишка моего сына.

— Спасибо, — коротко сказал я. — А теперь иди в комнату. Я отложил функциограф в сторону и вернулся к задаче. Результат получил только под утро, когда большой купол марсианской базы уже белел в первых лучах восходящего солнца. Результат был идентичен решению мишки.

— Боб, Боб! — позвал я.

Он появился через минуту, передвигаясь своей неторопливой походкой.

— Как тебе удалось это решить? — спросил я. — Ведь эта задача под силу только мозгу с большим запасом памяти.

Он молчал.

— Отвечай! — приказал я.

Безусловное повиновение человеческой воле было основополагающим началом заложенной в нем программы.

— Такой мозг сконструирован в строгом соответствии с принципом поливариантного процесса мышления. Соответственно его емкость мышления значительно шире, чем у аналогичных автоматов других конструкций.

Я застыл в изумлении, потому что хриплый низкий голос, который произносил эти слова, нисколько не походил на обычный заикающийся слог мишки.

— Что ты сказал? — только через минуту спросил я его шепотом.

— Я н-ничего не говорил, — теперь мишка заикался, как обычно.

— То есть как ничего? Повтори!

— Я н-ничего не говорил.

— Нет, не это. Что ты сказал перед этим?

— Н-не понимаю.

Это было похоже на правду. Голос существовал за границами его сознания. Он не знал о нем ничего. Слова, которые он произнес, были скорее похожи на цитату из руководства по прикладной кибернетике. Какой-то бред про поливариантное мышление. Я подошел к видеофону и набрал номер Тана, одного из моих коллег-кибернетиков. Он специализировался на теории неорганического мышления и должен был знать об этом больше.

— Тан, это Андрей. Скажи мне, пожалуйста, ты слышал что-нибудь о поливариантном мышлении?

Приветливая улыбка сошла с лица кибернетика. Только в этот момент я заметил, что Тан сонный и небритый. По всей видимости, я вытащил его из постели. Тем не менее он нашел в себе силы доброжелательно улыбнуться мне. Тан был известен своей вежливостью, и сейчас я на собственном опыте убедился в этом.

— К сожалению, Андрей, я затрудняюсь припомнить что-нибудь подобное. Откуда ты вообще взял это название?

— Я услышал его от автомата.

— Это, наверное, какой-нибудь автомат для кибернетического программирования? Тогда спроси у него ответ на этот вопрос.

— Нет, это не кибернетический автомат.

— А что же в таком случае?

— Мишка моего сына.

— Но это невозможно. Ведь это совершенно примитивный автомат.

— Я сам в недоумении, Тан.

— Андрей, — произнес Тан после минутной паузы, — а может, ты слишком много работаешь в последнее время? Люди уже просыпаются, а ты до сих пор еще не ложился.

— Послушай, Тан. Я говорю серьезно. Жаль, что ты не веришь.

— В это трудно поверить. Но я все равно попробую разыскать что-нибудь о поливариантном мышлении в главном каталоге кибернетической информации. Если удастся, я немедленно дам тебе знать.

— Спасибо, Тан.

Я повернулся к столу, но мишки в кабинете уже не было. Он сидел перед дверью детской комнаты и так безмятежно спал, как будто ничем другим в эту ночь и не занимался.

Время шло, и я почти забыл эту историю. Мишка не подавал поводов к упрекам. Самым удивительным было то, что и товарищи моего сына относились к нему без оттенка пренебрежительного превосходства, как к другим автоматам. С поразительной быстротой он решал все их школьные задачи, и мне пришлось категорически запретить ему это. Потом мишка проявил себя астрономом, и они с сыном долгие часы просиживали у радиотелескопа. В любое время дня и ночи он мог без запинок назвать точные сферические координаты всех звезд. Но меня особенно поражала невероятная целенаправленность действий мишки. Если он шевелил левой лапой, можно было быть уверенным, что скоро ему придется что-то делать.

Шла всего вторая неделя пребывания мишки в нашем доме, когда я вдруг заметил на функциографе сына несколько вычерченных эллипсов с ручными эксцентриситетами и одним общим фокусом. Заинтересовавшись невиданной фигурой, я спросил у сына:

— Что ты начертил здесь?

— Это не я, а Боб.

— Но что это такое?

— Гипотетическая планетная система Формальхauta-альфа со звездой Летающей Рыбы.

— Откуда он это знает?

— Боб все знает! — ответил он мне с такой уверенностью, которой я не мог не поразиться.

— Я бы на твоём месте не торопился принимать на веру рассказы мишки, которых у него в памяти наверняка не один десяток. Все мишки должны что-нибудь рассказывать детям. Но это не значит, что такой взрослый мальчик, как ты, должен верить любой сказке, которую они рассказывают.

— Не верь, если ты не хочешь, но это совсем не сказка, — упрямо возразил он.

— Ты думаешь, что это соответствует истинному положению вещей?

— Нет, это только гипотеза Гладстона. — Он посмотрел на меня так серьезно, как может смотреть на старого профессора молодой научный работник.

— Кто тебе это сказал?

— Боб.

— Боб! — позвал я громко.

Он появился через минуту.

— Это действительно планетная система Формальхauta?

— Так утверждает Гладстон в своей гипотезе. Свое предположение он основывает на характерном смещении полос гравитационного спектра этой звезды.

— Боб, — спросил я тихо, — откуда ты все это знаешь?

— Я обладаю определенными знаниями в этой области, оставленными мне для популяризации космологии.

— Кем оставленными?

— Оставленными в моей программе.

— В каких пределах ты знаешь космологию?

— В рамках начального курса, как минимум.

Под впечатлением этого разговора я сочинил телеписьмо с благодарностью Дому сказок. Ответ я получил в тот же день. Дом сказок выражал свое удовлетворение тем, что у меня нет причин для недовольства электронным мишкой и что благодаря моим стараниям он смог подняться до такого высокого и нехарактерного для других автоматов уровня реализации интеллектуального потенциала. При этом меня просили сообщить поподробнее все кибернетические операции, которым я подверг мишку, чтобы добиться максимальной степени реализации при относительно небольшом объеме памяти.

Так стало ясно, что ни я, ни Дом сказок не могли считать себя виновниками в появлении уникального мишки. Но так как гении среди автоматов, так же как и гении среди людей, не являются сами собой, Дом сказок направил запрос на Землю, чтобы она проверила, откуда и каким образом появляются на свет электронные мишки. Ответ должен был поступить через несколько месяцев. Не так просто отыскать в многомиллиардной массе жителей Земли тех, кто имел непосредственное отношение к электронному мишке, появившемуся несколько месяцев назад на Марсе.

Потом по видеотрону попросил о встрече Тан, и мы условились на полдень. Он, как всегда, пришел вовремя. Мы прошли в комнату сына. Они с мишкой оживленно обсуждали последнюю серию какого-то космического видеопутешествия, в которой сбросивший скорость корабль уже переходил с параболической орбиты на эллиптическую. Тан некоторое время с интересом прислушивался к их разговору. Потом шепотом спросил у меня:

— Как его зовут?

— Кого, сына?

— Нет, автомат.

— Боб.

Он слушал еще минуту, не прерывая разговора, потом неожиданно позвал:

— Боб, иди сюда!

Автомат повиновался без промедления.

— Что такое эллипс? — спросил Тан.

Боб, не задумываясь, отчеканил определение.

— А я не понимаю. Объясни мне.

Боб принялся терпеливо объяснять, как нерадивому ученику объясняют простое задание. Тан оборвал его:

— Ты считаешь, что достижение других галактик на звездолетах возможно?

Автомат с минуту колебался, но все же ответил:

— Я не знаю. Мне необходимы все данные, чтобы сделать точные расчеты.

За этим вопросом посыпались другие. Это продолжалось так долго, что даже мой сын не выдержал и спросил у меня:

— Когда он уйдет, чтобы мы с Бобом закончили расчет?

Тан ответил моему сыну улыбкой и задал последний вопрос:

— У тебя есть рефлекс повиновения?

— Нет, — ответил мишка.

— Хорошо, ты можешь вернуться к своим расчетам. А мы, — он посмотрел на меня, — пойдем в кабинет.

— Пока это только мое предположение, — сказал он в кабинете. — Мне кажется, что мозг мишки был забракован после психического контроля системы как возбудитель нестабильности поведения и отправлен на склад. Там в него, судя по всему, вмонтировали большое количество стабилизирующих элементов, ограничивая его возможности и одновременно увеличивая устойчивость.

Тан говорил так, будто сам лично присутствовал при сборке автомата.

— Помнишь, я задал ему вопрос о возможности достижения других галактик? Каждый нормальный мишка ответил бы в строгом соответствии со стереотипными программами, что это возможно, однако этот мишка потребовал данные для расчетов. Мне кажется, что он не всегда рассказывал сказки.

Я не стал вызывать кибернетический автомат и не разобрал мишку на части. Я вполне мог сделать это, если бы не представил себе недоуменный взгляд диспетчера: «Ты вызываешь автомат для ремонта детской игрушки? Неужели ты думаешь, что нам больше нечем заниматься?»

Я бы, конечно, стал объяснять ему, что речь идет совсем не о ремонте, что наш мишка особенный и слишком превосходит другие бытовые автоматы, чтобы быть простой игрушкой, но я сомневался, что это добавит диспетчеру веры. Во всяком случае, я ничего не предпринял.

Тем временем мой сын и мишка превратились в неразлучную пару, проводя время либо в обсерватории, либо в пустыне за базой, где в марсианских камнях кристаллы кварца блестели точно так же, как в земных из моего детства.

Где-то под конец марсианской зимы, когда холмы на горизонте потемнели от пробивающейся растительности, контроль радиосвязи Марса зарегистрировал перехват серии сигналов, которые, судя по пеленгу, передавались с нашей базы.

Ремо, руководитель секции связи с Землей, вызвал нас к себе. Я относился к этой секции, поскольку исполнял обязанности главного инженера второй смены.

— Это вздор, — сказал Ремо. — Кому и зачем понадобилось передавать что-то в космос? Они, как всегда, неточно запеленовали сигналы с ракет и теперь ищут виновного. Вы же знаете, как они там работают... Я понимаю, что им нужно показать результаты деятельности своего отделения, но зачем вмешивать в это нас?..

— Рапорт указывает точное время и подписан самим Тве-ром...

— Они ввели его в заблуждение. Попросту обманули. Этой банде, которая прилетела с Земли сразу после окончания института, все еще кажется, что Марс — таинственная планета, на которой происходит только то, чего не может происходить на Земле. Мы все прошли через это.

Никто не возражал, потому что Ремо прожил на Марсе столько лет, сколько все остальные, вместе взятые. Ответ на запрос подготовил наш стажер. Он не содержал ничего обидного для авторов запроса, однако намекал на то, чтобы нас оставили в покое, получился достаточно выразительным.

В течение нескольких дней после этого ничего не случилось, пока не пришла информация с Земли. Радиоконтроль Марса после нашего ответа переслал запись сигналов в Межпланетный институт шифров. Текст послания не отличался пространностью и содержал в себе всего три слова: «Трансфер реализован частично», зато сам шифр был настолько сложным, что институт одновременно с расшифровкой прислал благодарность за интересную и впервые встретившуюся в его практике систему шифра.

На втором собрании Ремо продолжал настаивать на своем мнении, однако теперь он был не так уверен в себе. После собрания он вызвал меня в кабинет.

— Видишь ли, Андрей, я в это не верю, но меньше всего хочу, чтобы кто-нибудь мог упрекнуть меня в легкомысленном отношении к делу. Как убедить их, что сигналы исходят не от нас?

— У меня есть мысль... — начал я и замолчал, потому что как раз в этот момент в дверях кабинета появился мишка.

— С-сын ищет тебя, — сказал он, заикаясь, как обычно.

— Сейчас иду, — ответил я и вдруг заметил удивленный взгляд Ремо. — Что с тобой? — спросил я его.

— Не понимаю... ума не приложу, как входной автомат пропустил эту игрушку?

Замечание было простым, но неожиданным. Я уже привык к постоянному присутствию мишки и не обратил на это внимания. Но Ремо был прав. Входной автомат его кабинета не должен пропускать ни человека, ни автомат без специального разрешения.

— Как ты сюда прошел? — спросил он мишку.

— Обыкновенно. На двух лапах, — ответил Боб.

Ремо покраснел и вышел из кабинета.

— Что случилось? — спросил я.

— Сын обжег руку током высокой частоты.

— Что-нибудь серьезное? Проводи меня.

— Ничего страшного. Можешь закончить разговор.

— Как это произошло?

Мишка не успел ответить, потому что в кабинет вернулся Ремо. Он был бледен.

— Автомат... автомат получил разрешение на пропуск этой игрушки. От кого?

— Во всяком случае, не от меня, — сказал я.

— Тогда от кого? Может, ты знаешь?

— Я вошел... и все.

— Это я вижу. Но откуда...

— Ремо, ведь это обыкновенная игрушка. Он не может это-

го знать. Наверное, опять какое-нибудь замыкание в центральном мозге базы. Это может случиться.

— Но не должно.

— Согласен с тобой, но ведь автоматы ненадежны.

— Они не должны быть такими!

— Разумеется. Однако давай закончим наш разговор. Я должен идти, сын обжег себе руку током.

— Ты что-то предлагаешь?

— Я смонтирую у себя в кабинете автономную сигнализацию, реагирующую на передачу сигналов внутри базы.

— Пожалуй, неплохая идея. И все равно я не верю, что сигналы повторятся.

Мы с мишкой вышли и отправились к сыну. Автомат первичной помощи уже осмотрел его руку. Сын даже не посмотрел в мою сторону, когда я подошел к его креслу.

— Где ты обжег руку? — спросил я.

— Не скажу.

Он упорно избегал смотреть мне в глаза.

— Пойми, надо обязательно устранить дефект. Иначе он может причинить неприятности многим.

— Не скажу, — упрямо повторил он.

— Как хочешь. Тогда ты, Боб, расскажи, где это случилось?

— Не знаю, — ответил Боб, и в этот момент я перехватил взгляд сына. Во взгляде, который он устремил на Боба, кроме удивления, можно было обнаружить нечто похожее на страх.

Оборудование приема внутренних сигналов базы я установил сразу в двух местах: один комплект в кабинете, другой — возле пульта мнемотронов. Оборудование было несложным, его установка не представляла особых трудностей, но работать с мнемотронами, одновременно прислушиваясь к сигналам из кабинета, было по меньшей мере неудобно. Позже в видеотронном зале мне сказали, что мной руководила изощренная интуиция опытного инженера, не привыкшего доверять автоматам. Но это, пожалуй, было уже преувеличением.

Было далеко за полночь. Я сидел в своем кабинете, склонившись над очередными диаграммами, когда мое внимание привлек посторонний шум, доносившийся из зала мнемотронов. Я прислушался. Сомнений быть не могло: заработала установленная мной система сигнализации.

Когда я уже бежал по коридору к центру трансляции сигналов базы, вдруг вспомнил, что оборудование, установленное в моем кабинете, не сработало. В первый момент я подумал, что в спешке неправильно смонтировал его, и разозлился на себя, потому что не переносу неаккуратности в работе.

Дежурный андруд центра пропустил меня, когда я произнес пароль. Я подумал, что тот, кто вошел сюда раньше меня, должен был знать его и, следовательно, принадлежал к персоналу базы. Я бежал теперь по коридору к залу трансляции, но его двери отказались пропустить меня. Я дернул рычаг — безрезультатно. Двери были заблокированы, заблокированы из центра управления базой. Я понял, что мой противник, который находился там, внутри, и с помощью нашей антенны передавал сигналы в космос, имел доступ к центральному мозгу базы. Это было опасно.

Я побежал назад по коридору к входным дверям, открыл их и заблокировал таким образом, чтобы их было невозможно запереть по команде из координирующих систем базы. Потом посмотрел на андруада. Я подумал, что в моем распоряжении должен остаться хотя бы один автомат, подскочил к нему и вырвал усики приема центральных сигналов. Он дернулся, но не решился напасть на меня, потому что я был человеком. Затем попытался связаться по видеотрону с Ремо, но связи уже не было. Центральный мозг базы заблокировал и информационные каналы. Я ожидал этого. Теперь мне оставалось только сделать то, что инструкция предусматривала для крайних случаев, когда опасности подвергалась жизнь обитателей базы. Я дернул на себя рычаг чрезвычайной тревоги. Стальная нить, скрепленная plombой и поддерживающая его, натянулась, но держала мое усилие. Тогда я навалился на рычаг всей тяжестью тела. Нить наконец лопнула, поцарапав мне руку. Почти одновременно я услышал нарастающее завывание. Вой сирены сопровождался еще одним характерным звуком: по наружному коридору к центру трансляции приближались автоматы. Они не могли причинить мне вреда, однако могли вывести из строя мое оборудование и единственный андруад. Могли... если получали команды из центрального мозга базы.

У меня не было с собой оружия: на базе никто не носит оружия. Я вырвал из рук андруада газовый резак, запер двери и заблокировал их, чтобы помешать автоматам беспрепятственно проникнуть в центр, и вместе с андруадом побежал по коридору к залу трансляции. Двери открылись. Мне это показалось подозрительным.

— Иди! — приказал я андруаду.

Автомат повиновался моим словам без колебаний. Он сделал шаг в дверной проем. Сверху на него упал черный провод. Я увидел вспышку-разряд, после которого андруад превратился в неподвижную грудку металлолома.

Провод закачался. Я не стал дожидаться, пока он снова заползет вверх, высунулся из-за двери и нажал на кнопку включения резака. Послышался пронзительный скрежет. Это был... мишка, наш мишка. Он упал на пол, хотел встать, но я продолжал направлять огонь на него до тех пор, пока панцирь не лопнул с тихим треском и игрушка не стала неподвижной. Только бурая шерсть на смешной и симпатичной мордочке продолжала гореть.

И вдруг я увидел сына. Он сидел на полу бледный и несчастный.

— Мы с ним только играли... — прошептал он.

Центральный мозг базы был открыт. Мы увидели причудливое сплетение проводов и мозаику серых, неправильной формы кристаллов.

— Это здесь, — сказал Тан.

В руке он держал небольшой плазменный нож. На конце ножа порхало голубое пламя. Описывая ножом небольшие полуокружности, он протянул другую руку к проводам и достал два кристалла, на вид ничем не отличавшихся от остальных.

— Готово, — сказал он. — Нам повезло, что мы успели.

— Ты полагаешь, что они могли угрожать всей базе?

— Теоретически это вполне возможно. Ведь центральный мозг управляет почти всеми системами базы.

— Но как эта игрушка...

— Прежде всего зачем? Кому все это предназначалось? А сама игрушка, кстати, один из самых сложных автоматов, с которыми мне приходилось встречаться. Стоит принять во внимание сравнительно небольшой объем автомата по сравнению с объемом, который использовался только для хранения кристаллов до установки их в центральном мозге базы. — Он показал рукой на разбросанные на полу бесформенные серые куски.

— Ты думаешь, что эти кристаллы были спрятаны внутри мишки?

— Я проверил это. Первое сообщение было передано после того, как был установлен первый кристалл.

— О чем говорилось во втором сообщении?

— Дословно: «Весь трансфер реализован».

— Следовательно, следующих сигналов уже не должно было быть?

— Да. Мишка продолжал бы играть с твоим сыном, а мы бы даже не подозревали, что центральный мозг базы запрограммирован на определенную последовательность сигналов, содержащихся в других кристаллах.

— Кому все-таки были адресованы эти сообщения?

— Этого мы пока не знаем. Но не ломай над этим голову. Скоро все станет известно. Миллионы людей в эту минуту заняты поисками адресата. Вся информация о нашей базе поступает в видеотронный зал.

— Я не успел просмотреть ее.

— Жаль. Все считают тебя героем, защитившим одинокую марсианскую базу от вторжения из космоса.

— Они явно преувеличивают.

— Как всегда. Не может быть и речи о нападении из космоса. Этот мишка, хоть и отличается чрезвычайно сложным устройством, все же обычный земной автомат.

— Ты уверен в этом?

— Больше чем уверен. В конструкции были частично использованы некоторые типовые схемы, производящиеся серийно для нужд астронавигации.

— Вот откуда его знания в этой области!

— Скорее всего. В этих кристаллах должен содержаться значительный объем информации, хотя их и использовали для других целей.

Я с минуту размышлял. Я не был уверен, что мне стоит спрашивать об этом, но все-таки задал вопрос:

— Скажи, Тан, каким образом он мог попасть сюда? Ведь он всего-навсего автомат.

— Ты забываешь о своем сыне, Андрей. Он провел его сюда. На этом и основывался расчет конструктора автомата. Пока еще неизвестного нам конструктора. Дьявольски хитрая уловка заключить эту систему в детскую игрушку. Очень легко увлечь маленького человека какой-нибудь игрой и с его помощью про-

никнуть в помещение центрального мозга базы. Твой сын поднимает панцирное покрытие, а игрушка несколькими точными движениями, рассчитанными специальной программой, устанавливает первый кристалл — назовем его приспособляющим. Его задачей становится подготовка незнакомого мозга, в данном случае центрального мозга нашей базы, к внесению настоящего информационного кристалла. Он должен быть принят структурой мозга так, чтобы не пропустить никаких нарушений в системе сигнализации.

— А потом?

— А потом подобным же образом устанавливается информационный кристалл, и функциональные характеристики жизнедеятельности мозга несколько видоизменяются.

В эту минуту вошел Ремо.

— Теперь нам известно, откуда у нас появился мишка, — провозгласил он.

— Кто его сотворил?

— Профессор Таропат.

— Тот самый, из Института психики автоматов? Несколько лет назад я слушал его лекции. Но сейчас ему должно быть уже около ста лет, — сказал Тан.

— Восемьдесят с небольшим. Несколько лет назад он отошел от активной научной деятельности и занимается теперь только собственной маленькой лабораторией где-то в Австралии.

— Зачем ему это понадобилось?

Ремо пожал плечами.

— Похоже, только для того, чтобы доказать, что автоматы могут представлять опасность для людей. Он твердит об этом уже много лет...

РАЗНОВИДНОСТЬ HOMO SAPIENS

Ако заглушил мотор, и едва различимая вибрация корпуса исчезла.

— Мы на месте, — сообщил он. — База находится там, за хребтом. — Он показал рукой на

отраженный в главном экране многоярусный горб скалы.

— Я хотел совершить посадку именно здесь, чтобы нас не заметили, — добавил он.

— Я рад, что тебе это удалось. Еще несколько метров, и нам бы из этого милого места никогда не выбраться.

Лунная скала, на выступ которой они сели, была достаточно хорошо освещена солнцем, и Вар окинул ее дружелюбным взглядом, полным симпатии и благодарности. За выступом начиналась пропасть, черная и непроницаемая, как сам космос.

— Да, там расщелина. До нее рукой подать — всего несколько десятков метров. Но я видел ее на радаре, — объяснил Ако.

— Это очень на тебя похоже, Ако. Я надеюсь еще присутствовать на твоём погребении.

Ако засмеялся.

— Ты переоцениваешь мой характер. В моей полетной инст-

рукции задача поставлена именно так: прилуниться на участке, недоступном наблюдению с базы, но в непосредственной близости от нее. Не моя вина, что эта местность больше подходит для скалолазания, чем для посадки. Мы все-таки на Луне, а не на Земле.

— Ладно, все в порядке. Не заводись.

— Ну и эмоции у тебя...

— Это только начало. Сначала посадка на краю пропасти, теперь вот прогулка по лунным кручам, потом сама база...

— Я тоже думаю, что основные волнения у тебя еще впереди, — произнес Ако, и Вар тщетно пытался выискать следы улыбки на его лице.

— Посмотрим, — ответил он неопределенно.

— Во всяком случае при любых обстоятельствах имей в виду, что я возвращаюсь на базу, и мы дежури́м на условленной волне. И очень прошу тебя, Вар, как товарища: если заметишь что-нибудь необычное, сразу же передай вызов.

— Я не буду беспокоить вас по мелочам. И потом, что со мной может случиться, в конце концов? Через два дня ты вернешься. Кроме того, я захватил с собой контейнер с дезинтегратором.

Вар пожал плечами и протянул руку к шлему.

— Ты не можешь быть уверен, что с тобой ничего не случится. С Сетом мы уже вторую неделю не можем выйти на связь.

Вар не ответил. Он надел шлем и отрегулировал клапаны. Потом встал с кресла, взял контейнер — алюминиевый цилиндр внушительных размеров, но здесь почти невесомый, — и вышел через шлюзы наружу.

Корабль притаился в тени скалы, и только торчащие над корпусом антенны прорезали ее светящимися линиями. Вар добрался до того места, где кончалась тень и начинались тепло и солнце, и прощально взмахнул рукой. Ему показалось, что скала вздрогнула, когда стартовал Ако. Вар еще некоторое время следил за исчезающими огнями, а потом пошел по краю пропасти вперед, к нагромождению скал.

...Он увидел ее через два часа, когда перевалил на другую сторону хребта.

Она лежала внизу — белый полукруглый нарост на сером, шероховатом подножии скал. Он спускался к ней долго, потому что шел по затененному склону, неровности которого он мог видеть только на маленьком экране приемника инфракрасных лучей, смонтированного в шлем.

Наконец он ступил на относительно ровную поверхность котловины и только тогда передал позывные:

— Котловина Светящихся скал, прием...

Ответ последовал через минуту.

«Женщина, — подумал он, — это наверняка она».

— Говорит Вар, селенист. Я нахожусь перед вашими шлюзами. Пропустите меня, — говоря это, он все ближе и ближе подходил к базе.

— Хорошо, я открою шлюзы и выйду навстречу, — сказал тот же голос.

Вход в шлюзы был обозначен, как обычно, белой фосфоресцирующей полосой.

После того как шлюзы раскрылись и он вошел внутрь, ему пришлось ждать в переходной камере, пока давление воздуха придет в норму. Наконец он снял шлем.

Она встретила его у входа в коридор, ведущий внутрь базы.

— О, Эль, что ты здесь делаешь?

«Я замечательно удивляюсь, черт возьми!» — подумал он о себе.

— Однако это и в самом деле ты. Сначала, когда я услышала твоё имя, я ещё сомневалась в этом. Я очень рада тебя видеть. — Она крепко пожала протянутую ей руку и внимательно оглядела его. — Ты ничуть не изменился, Вар.

— Ты тоже. Но скажи мне, пожалуйста, что ты делаешь здесь, на этой базе?

— Я ассистент доцента Воора.

— Ты говоришь, Воора. Мне кажется, что я раньше уже слышал это имя...

— Возможно... Скорее всего ещё на Земле. Он заведовал отделением перехвата космических сигналов в Порто-Андос.

— Как ты сказала? Порто-Андос? Подожди, так это там случилась история с приемом серии регулярных сигналов?

— Да, Воор был в ней замешан.

— Кажется, после этой мистификации Воор был вынужден отказаться от деятельности?

— Это не было мистификацией, Вар.

— А чем, по-твоему, это было?

— Он и в самом деле принял какие-то сигналы.

— Не буду с тобой спорить, Эль, мне трудно объективно судить об этой истории. Меня там не было. Но если мне не изменяет память, дальнейший перехват ни к чему не привел. И потом эта басня про аварию записывающих устройств...

— Я вижу, что ты интересовался этой историей. — Она внимательно посмотрела на Вара.

— В своё время она наделала много шума.

«Ошибка, ты совершил ошибку», — подумал он. — Ты не должен был так хорошо помнить эту историю».

— И все-таки я удивлен, что ты согласилась стать его ассистентом.

— Так сложились обстоятельства, Вар. Впрочем, я уже говорила тебе, что не сомневаюсь, что он действительно принял эти сигналы.

— Возможно, но дело не в этом. В любом случае я рад, что встретил тебя. В конце концов, это твоё право быть ассистентом у кого угодно.

— Я тоже так думаю. А теперь расскажи мне, что ты делал все два года с тех пор, как мы закончили институт.

— Все это время я работал на Марсе.

— В Марсианском институте?

— Да. Мне пришлось заниматься там многими вещами, какими может заниматься на Марсе математик.

— Тебя не обвинишь в излишней откровенности.

— Ты не права, Эль. Просто я выполнял там обычную черновую работу, которую с таким же успехом можно делать на Земле. А сейчас я в отпуске.

— И ты выбрал туризм на Луне?

— Что-то вроде этого. Но меня привлекает только невидимая сторона Луны. Это может показаться смешным, но мне не доставляет удовольствия взбираться даже на самые недоступные вершины на той стороне. Мне, по крайней мере, мешает сознание того, что древние астрономы знали их наперечет и наблюдали их сотни раз.

— В наших краях тебе это не грозит.

— Я знаю и поэтому приехал сюда. Все туристические путеводители в один голос утверждают, что окрестности базы Котловины Светящихся скал — одно из наименее изученных мест.

— Они не обманывают тебя, Вар. Даже мы не знаем этих скал вокруг базы.

— И вы до сих пор не исследовали их?

— У нас нет оборудования.

— Как нет?

— Видишь ли, у нашей базы неудачная репутация. Поблизости нет ни одного месторождения. До нас не доходят лунные коммуникации. Ты наверняка не знаешь, что только мы, Воор и я, — постоянный персонал этой базы. Остальные — это практиканты, командированные с Земли. Впрочем, иногда появляются туристы вроде тебя. Я даже подозреваю, хотя об этом никто официально не заявлял, что нашей базе отведена роль лунной заимки или отеля, как тебе больше нравится. Обычная периферийная база без перспектив на развитие. Скорее всего именно поэтому Воор после той истории стал ее руководителем.

— И как он это переносит?

Эль снова внимательно посмотрела на Вара.

— Привык, — сказала она. — Ладно, пойдем. Я покажу тебе твою кабину.

Она пошла впереди, а Вар, держа в руке контейнер, шел следом за ней.

«Она подозревает меня, — подумал он. — Я только не понимаю почему. Ведь меня информировали, что после приезда Воора на Луну на эту тему вообще не было разговоров».

— Вот здесь. — Она остановилась и открыла дверь. — Надеюсь, тебе у нас понравится.

— Уже нравится.

Он хотел еще что-то добавить, но неожиданно экран локального видеотелефона прояснился, и с него на Вара взглянуло лицо, которое он хорошо знал по стереофотограмме, — лицо Воора.

— Эль, это не Сет вернулся? — спросил Воор.

«Это неплохо, — подумал Вар, — это очень неплохо, что он первый произнес его имя. Теперь все должно быть проще».

— Нет, это не Сет.

Воор замолчал, словно обдумывая ее ответ, и наконец после продолжительной паузы спросил:

— А кто же это пришел?

— Вар. Меня зовут Вар. Я селенист, — сказал Вар и повернулся лицом к видеотелефону.

— Селенист — это не профессия. Кем ты работаешь?

— Математиком.

— Мы все математики. Одни в большей степени, другие в меньшей. Я хочу знать, чем ты занимаешься?

— Я работаю в Марсианском институте в отделе прикладных исследований.

«Воор устраивает мне экзамен, — подумал он, — но я к этому готов».

— Это мой коллега, — сказала Эль. — Когда-то близкий товарищ.

Вар почувствовал себя немного задетым.

— Хорошо, — сказал Воор, — зайди ко мне попозже. Расскажешь нам о большом свете.

— Я давно не был на Земле.

— Это не страшно. Для нас большой свет начинается с центральных баз Луны, — как-то неприятно засмеялся он. — Ну ладно, до встречи.

Экран погас.

— Пожалуй, он немного странен? — Вар повернулся к Эль, перекладывая контейнер в другую руку.

— Тебе показалось.

— Возможно. А кто этот Сет?

— Практикант, наш единственный практикант. А ты очень любознательный, Вар.

— Я такой от рождения. Однако, как я вижу, наплыва практикантов у вас не бывает.

— Нет, и вряд ли предвидится. Лучшие сюда не попадают.

— И этот Сет вместо того, чтобы работать, болтается без дела по горам?

— Хуже всего то, что он уже второй день не возвращается на базу.

— Он выходит на радиосвязь?

— Нет.

— Тогда почему вы не передаете сигнал тревоги?

— Воор взял ответственность на себя.

— Второй день, и вы до сих пор не поставили в известность Центр? Ведь он может погибнуть. Это неслыханно. — Вар повысил голос. — Я пойду к Воору и скажу ему, что я об этом думаю.

— Ты никуда не пойдешь. Я... я пошутила... Сет минуту назад пошел на автоматическую станцию пеленга метеоров.

Вар испытующе посмотрел на Эль.

— Ты никогда не врала, Эль, но теперь я вижу, что ты изменилась. Мне трудно тебе поверить.

— Я действительно пошутила. А впрочем, иди к Воору и спроси у него сам. Ты только поставишь себя в неловкое положение. Кроме того, здесь командует он, а не ты. Он руководитель этой базы, и только ему здесь принадлежит право принимать решение.

— И тем не менее я все-таки пойду к нему. Пожалуй, это моя обязанность — выяснить, в чем тут дело... И твоя, кстати, — добавил он.

Эль пожала плечами.

— Я тебе говорила, что пошутила. Но если ты считаешь это своей обязанностью... Круг обязанностей селенистов достаточно широк, как я вижу.

Он повернулся и, схватив контейнер, пошел по коридору.

Эль последовала за ним. Он не оглядывался и только сзади себя слышал звук ее размеренных шагов по акриновому полу. Они миновали множество дверей, скрывающих лаборатории, которые можно встретить на любой лунной базе. Они уже подходили к центральному залу, когда Вар вдруг услышал быстрые и громкие шаги, немного похожие на топот. Двери одной из лабораторий были приоткрыты, Вар остановился. Шаги на мгновение стихли, потом снова зазвучали, однообразно и ритмично напоминая автомат. И все же это были шаги человека. Вар подбежал к двери:

— Нет, нет! — закричала Эль.

Он услышал ее крик и понял, что она предостерегает его, но не остановился. В лаборатории царил полумрак, и в первую минуту, ослепленный ярким светом коридора, Вар ничего не мог видеть. Затем он увидел мужчину. Примерно минуту мужчина стоял неподвижно, потом двинулся вперед, ступая мелкими шажками, — наподобие детей, играющих в паровоз. Вар, не отрывая взгляда от мужчины, протянул руку к выключателю. Потолок засветился, и он увидел его лицо.

— Сет?

— Я же тебе говорила, что он здесь.

Это был голос Эль, спокойный и сдержанный, ничем не напоминающий крик, который он слышал. Он машинально обернулся к Эль, но она смотрела куда-то в потолок, поверх головы Сета.

— Я же говорила тебе, что пошутила, — сказала она.

Сет на некоторое время остановился, потом снова вернулся к своему странному занятию. Он даже не взглянул на них.

— Сет! Сет! — повторил Вар.

Ответа не последовало.

— Что вы с ним сделали? — Он опять повернулся к Эль. Лицо ее осталось неподвижным. Она продолжала смотреть куда-то в потолок.

— Ты не говорил, что знаешь Сета, — сказала она.

— Какое это может иметь значение? Что с Сетом?

Он слышал за собой мерный топот шагов.

— Выходит, ты меня обманывал, Вар. Ты не сказал, что особенно интересуешься им.

— Я еще не сказал многого другого. Но скажу! Скажу! Меня послали сюда выяснить, что с ним произошло, почему на протяжении двух последних недель во время каждого разговора с Центром Сета или вообще не было, или он, по вашим словам, куда-то вышел. Я ожидал, что встречу здесь чудака и девушку, которую раньше знал...

— Теперь ты все увидел, — сказала она. — Но это уже не имеет значения. Я не хотела, чтобы ты сюда заходил, — добавила она тем же спокойным, ничего не выражающим голосом.

— Ты не хотела... — оборвал ее Вар. Он положил руку на плечо Сета. — Сет, ты узнаешь меня?

— Я астронавт-вездолетчик. Сначала я должен лететь на Сириус, а на обратной дороге побывать на Альдебаране.

— Ты сам видишь, что его нельзя было допускать к разговору ни с Землей, ни с Центром, — сказала Эль.

— Зато Воору придется заговорить! Я иду к нему!

Он бросил контейнер и выбежал в коридор. До него еще доносились топот Сета и голос Эль, которая что-то говорила, когда он вбежал в центральный зал, потом повернул в коридор, в конце которого, как он знал, находилась дверь в кабинет Воора. Дверь была открыта.

— Воор, ты здесь?! — закричал он и так резко остановился, что чуть не упал.

С кресла поднялся Сет.

— Я тебя приветствую на нашей базе и внимательно слушаю.

— Как ты здесь оказался? Ведь ты остался там, в лаборатории.

— Ты уже и там побывал?..

— Где Воор? Скажи, где Воор? — Он стоял перед Сетом и смотрел ему в глаза.

— Воора нет.

— Неправда, я разговаривал с ним полчаса назад.

— Ах, вот в чем дело. Это всего лишь видеотронная запись.

Он подошел к пульта, и на экране видеотелефона Вар увидел лицо. Это было лицо, которое он уже видел при входе, — лицо Воора.

— Тогда где же он?

— В этом образе, — Сет показал рукой на экран, — его нет и не будет.

— Почему? Что с ним случилось?

— В этом образе он временно не существует.

— И вы не сообщили в Центр. Как это объяснить, Сет?

— Видишь ли, Центр ставится в известность только в случае смерти. А Воор не умер. Так же и я не совсем Сет. Настоящего Сета ты видел в лаборатории. У меня только та же самая оболочка. У нас одинаковая внешность с Сетом. Но моя психика тождественна психике Воора.

— В таком случае, Сет, я не очень высокого мнения о психике Воора.

— Я не Сет...

— Ну хорошо, не Сет, если тебе так угодно. В любом случае я должен уведомить тебя, что я послан сюда как официальное лицо, как представитель Центра и у меня есть полномочия отозвать вас отсюда.

— Ты не сделаешь этого...

— Непременно сделаю.

— Нет. У тебя не будет желания сделать это. Уверю тебя.

— Хорошо, но сначала я должен поговорить с Воором.

— Слушай, Вар. Ты не в силах допустить, что у оригинала может быть несколько копий?

— Конечно же, но...

— Дай мне договорить. А почему бы не предположить, что вся информация, которой обладает любая отдельная человеческая особь, может быть переложена на двух разных индивидуумов?

— Вряд ли это возможно.

— Почему?

— Это неосуществимо на практике.

— А может, человечество пока еще не умеет это делать?

— Другими словами, ты утверждаешь, что совершил подобную трансформацию? — Вар с интересом посмотрел на Сета.

Сет не успел ответить, дверь внезапно распахнулась, и вместе с отзвуком глухого стога в помещение вторглось дуновение теплого воздуха. Изменение давления было настолько резким, что Вар с минуту ничего не слышал.

— Что случилось? — Сет подбежал к дверям.

— Кому, как не тебе, лучше других знать это. Очень напоминает небольшой взрыв где-то поблизости, — сказал Вар и подумал о контейнере. В контейнере находился дезинтегратор.

— Здесь нет ничего, что может взрываться. Ни в одной лаборатории. Мы не проводим экспериментов и располагаем только реактором хозяйственного обеспечения.

— Я посмотрю, что случилось.

— Подожди, я сам проверю, — сказал Сет и пошел к двери.

В этот момент Вар услышал сигнал тревоги.

— Стой! — крикнул он. — На базе радиоактивное заражение!

— Я вызову Эль. — Сет подошел к микрофонам. — Эль, ты у себя? Эль, ты меня слышишь?

— Скорее всего она вышла из своей кабины. Вызови ее по системе оповещения базы, — посоветовал Вар.

— Если она еще действует. Что там стряслось? Эль, говорит Воор. Зайди в мой кабинет. Зайди сейчас же! Ты меня слышишь?

— Ее нет. Наверное, ты прав. Система связи неисправна.

— Я пойду к шлюзам, — оборвал его Сет. — Кажется, кто-то бежит...

Теперь и Вар слышал топот чьих-то ног в коридоре. Двери с треском распахнулись.

— Задержите его! У него дезинтегратор! — Эль всей тяжестью тела прислонилась к стене.

— У кого?

— У Сета. Воор, проверь, можно ли еще им управлять. «Она сказала: «Воор», — отметил про себя Вар.

— Нет, он не откликается на вызов.

Мерный топот становился все громче.

— Бежим! — скомандовал Вар.

Они оставались без движения.

— Отсюда нет другого выхода, — отозвалась Эль.

Топот утих, в дверях стоял Сет, опираясь на дезинтегратор как на трость. Вар чуть присел, собираясь броситься на Сета, как вдруг тот поднял дезинтегратор. Он метил прямо в грудь Вара.

— Сет, разве ты не узнаешь меня? — прошептал он.

— Ты растение. Растение с Сириуса, именуемое, — он задумался на несколько мгновений, — именуемое прещетапорои. А там звери. — Он переместил дуло дезинтегратора. — Я охочусь на зверей, — добавил он объясняющим тоном. А потом Вар вдруг увидел блеск, голубой блеск, который ослепил его.

— Котловина Светящихся скал, — сказал Ако. — Садимся, Вар. Там тебя уже ждут. Тебе предстоит тяжелое объяснение с ними.

— Ты так думаешь?

— Я уверен в этом. Там сейчас Сорв, а ты должен хорошо

представлять себе этого типа, — ответил он, не отрывая глаз от растущего на экране белого купола базы.

— Ако, — Вар говорил медленно, — ты утверждаешь, что нашел меня около входного шлюза только спустя два дня?

— Да. Ты лежал, как младенец в коляске. У тебя провал в памяти?

— Ты разговаривал с Воором?

— Да. Он был на экране и сказал, чтобы я не входил, потому что в коридорах остатки радиоактивного заражения.

— И ты не пошел?

— Нет. Вскоре я наткнулся на тебя. Иначе бы я пошел дальше. Я был в скафандре, который может многое выдержать. Это не было случайностью. Сразу после старта я получил информацию с базы, что здесь произошел взрыв и что тебя немного потрепало.

Вар почувствовал замедление скорости, и корабль остановился возле посадочной платформы на базе. Они уже выходили, когда Вар положил руку на плечо Ако.

— Послушай, а он не рассказывал тебе, как... как возникло это заражение?

— Он говорил, что у них что-то взорвалось в лаборатории и ты как раз оказался рядом.

— Когда это произошло?

— Незадолго до твоей посадки, так сказал Воор.

Шлюзы закрылись за ними. Он снова попал в ту же самую входную камеру и не сразу заметил... Эль.

— Эль, как я рад, что ты жива, — сказал он и остановился. «А может, это Воор?» — подумал он.

— Приветствую тебя, Вар, мы достаточно долго не виделись.

— Он не попал в вас тогда?

— Я не понимаю, о ком ты.

— О Сете.

— Сет должен был попасть в нас?

— Тогда, в кабинете. Ты там была, он...

— Вар, я знаю, что ты попал к нам в момент взрыва в третьей лаборатории. Я очень тебе сочувствую.

— Не ломай комедию, Эль. Ведь он выстрелил в вас антипротонами.

— Вар, мне очень жаль, но именно Сет отнес тебя к шлюзу.

— Где он?

— В кабинете Воора. Они ждут тебя.

В кабинете сидел Сорв с центральной базы. Возле него вертелось еще несколько мужчин, и среди них Вар увидел Сета. Он произвольно попятился. Сорв внимательно посмотрел на Вара.

— Мы прочитали твой доклад, — сказал он. — Эти люди исследуют помещение, следов радиоактивности здесь нет. Правда, это был небольшой локальный взрыв, и прошел уже месяц...

— Месяц? — Вар побледнел. — А Сет?.. — неуверенно спросил он.

— Ты видел его.

— Я написал в докладе чистую правду, — тихо сказал Вар. — Кроме того, по моему дезинтегратору можно...

— Он в контейнере. Мы обнаружили незначительные следы

радиоактивности. Он мог с одинаковой степенью вероятности использоваться как год, так и месяц назад.

— Да. Я понимаю тебя, — сказал Вар. — Ничто не подтверждает мой доклад. Еще один вопрос, Сорв. Из всего этого следует, что у меня были галлюцинации и что у меня травмирована психика. Почему в таком случае вы не отправили меня на Землю с ракетой психиатрической помощи?

— Послушай, Вар, — медленно заговорил Сорв, — такие случаи не могут проходить бесследно. Я понимаю, каким это было потрясением для тебя. Ты мог быть в горячке... ты бредил... Люди-двойники... Согласись, это выглядит по меньшей мере неправдоподобно.

— Но я это пережил... Это действительно было!

— Ты в этом вполне убежден?

— Да.

— Что ж, в таком случае для тебя будет нелишним отдохнуть в изолированном помещении.

— Сорв, поверь мне, у меня никогда не было никаких психических расстройств, ты прочтешь это в моей карте медицинских исследований. Я прошел все тесты... Я на самом деле здоров.

— Я понимаю и... хочу тебе помочь. Потому я и вызвал тебя сюда.

— Помочь? Каким образом?

— Очень просто. Забери обратно свой доклад. К сожалению, мы не успели его задержать, и он уже ушел на Землю. Ты должен отдавать себе отчет в том, что там, на Земле, плохо представляют наши реальные условия. Им наверняка покажется, что у нас работают люди с излишне красочным воображением — вроде тебя...

— Я уже не в силах что-либо изменить. Я написал то, что действительно случилось со мной. Если бы отказаться от доклада... Но это невозможно. Да я и не откажусь.

Сорв помолчал, потом спросил:

— Тебя когда-нибудь интересовало, почему эта местность называется Котловиной Светящихся скал?

— Не шути, Сорв.

— Я говорю серьезно. Эти скалы и в самом деле светятся. Разумеется, обнаружить свечение можно только с помощью приборов, так что название несколько натянуто.

— Но что общего это имеет с нашим делом?

— Эти скалы были облучены.

— Пусть так, но...

— Они были облучены много лет назад, когда базы здесь еще не существовало.

— Я не понимаю, на что ты намекаешь.

— Двигатели космических кораблей при взлете и посадке могут заражать близлежащие участки...

— Звездолеты? Здесь? — Вар с недоверием посмотрел на Сорва. — Ведь здесь только скалы, пропасти и ничего больше.

— Когда-то здесь была ровная поверхность. Дно кратера не совсем потухшего вулкана. Не так давно, кстати, лет триста-четыреста назад — доля секунды по геологической шкале времени.

— Не понимаю, какое отношение это может иметь к базе?

— Это как раз несложно понять. Здесь они спрятали свою базу. Они разместили ее в расщелинах искусственных разломов.

— Кто?

— Они...

— Они... Я ничего не понимаю, Сорв.

— Твой доклад только подтверждает наши предположения.

— Предположения?

— Предположения по поводу назначения базы Котловины Святищихся скал. Известно ли тебе, что она не играла никакой роли в системе лунных баз?

— Да, я припоминаю. Эль говорила мне, что здесь ничего нет, что база служит только как приют селенистам.

— Она была недалеко от истины. Это единственная бесполезная база на Луне.

— Зачем же тогда ее построили?

— Этот же вопрос задавал себе Анадо.

— Кто такой Анадо?

— Создатель гипотезы реконнессанса¹, но о ней чуть позже. Пока ты отлеживался в госпитале, дело несколько продвинулось вперед. Базе уже двести лет. Ты не желаешь поподробнее узнать о ее возникновении? Мы просмотрели исторические акты раннего периода колонизации Луны.

— Ну и что?

— Актов, относящихся к этой базе, мы не обнаружили, они бесследно пропали. Никто не в состоянии ответить, зачем построили эту базу, существование которой не представляет никакой практической ценности для человечества.

— И все равно я не понимаю.

— Что же тут понимать? Ответ напрашивается сам: пришельцы из космоса.

— Ты думаешь, что это они?

— Не я. В этом суть гипотезы, выдвинутой Анадо.

В кабинете стало тихо. Все ушли. Они остались одни с Сорвом. Неожиданно он почувствовал себя стесненно. «Проклятые ассоциации, — подумал он, — это место ассоциируется у меня с Сетом и дезинтегратором».

— Я объясню тебе до конца, — сказал Сорв. — Они становились похожими на людей. Принимали человеческий облик. Таким образом им было легче наблюдать за нами. Но они еще не умели синтезировать человека. Они были вынуждены использовать для этого живых людей.

— Они убивали их?

— Нет, множили. Для этого им было достаточно иметь немного времени и живого человека. Затем они стирали из памяти людей все, что было связано с копированием, и подопытный образец продолжал жить, ничего не подозревая.

— В то время как у него уже был двойник?

— Да, один или несколько. В сущности, этим двойником была система, принадлежащая их цивилизации, а не человек.

— Это... это невероятно!

— А тебе не приходилось слышать о случаях удивительного

¹ Реконнессанс (от франц. reconnaissance) — узнавание, осмотр, обследование, разведка, рекогносцировка.

сходства между людьми, которые друг друга раньше в глаза не видели?

— И ты думаешь, что один из них?..

— Если верить гипотезе Анадо, это вполне возможно.

Вар минуту сидел в молчании.

— Но для чего они это делают? — спросил он наконец.

— Реконнессанс. Так предполагает Анадо. Впрочем, они делают их уже сотни лет. Вполне вероятно, что среди миллиардов людей существует немало подобных близнецов.

— А центры, в которых осуществляется производство копий? Где они располагаются?

— Ты находишься в одном из них. Полузабытая база на отшибе, на которой меняются только практиканты. Они покидают ее по истечении положенного срока уже скопированными. Такие центры должны действовать постоянно, создавая все новые и новые копии, из-за того, что те недолговечны.

— То есть Воора скорее всего уже не существует?

— Он живет в образе Сета, скопированного Сета, которого ты видел. А может, он уже перешел в Эль.

— А настоящий Сет?

— Судя по всему, ты попал на базу как раз в момент копирования. Возможно, что именно тогда его память, память Сета-человека подвергалась стиранию. Не исключено, что в такие моменты человек ведет себя именно так.

— А откуда тебе известно, где они сами, а где их копии?

— А откуда я знаю, что ты — это ты, а я — это я?

— Но ведь Воор был одним из них?

— В этом нет никаких сомнений. Когда в ракетной аварии погиб предыдущий руководитель этой базы — нечеловек, требовалось срочно заменить его другим нечеловеком. Тогда Воор и выдумал эту историю с серией регулярных сигналов. За подобные вещи отсылают на самые дальние базы, а на этой, полузаброшенной, как раз открылась вакансия.

— Знаешь, Сорв, — сказал Вар после минутной паузы, — а может, я тоже не человек?

— Ты человек.

— Почему ты так решил?

— Я знаю. Иначе бы не говорил всего, что сказал.

— Здесь ты, пожалуй, прав. Сейчас, когда я знаю все...

— Ты не знаешь самого главного.

— Чего я не знаю?

— Что Анадо находится в изоляторе.

— Почему?

— Наверняка ты один из немногих, кто не думает, что Анадо заслуживает клинического лечения за подобные гипотезы.

— Но ведь есть доводы, хотя бы мой доклад...

— Об этом докладе доктора не знают и не узнают. Поэтому ты должен затребовать пазад свой доклад.

— То есть как?

— Нельзя допустить поисков других центров копирования. Непростительно добровольно отказываться от такой замечательной возможности изучения вида homo sapiens.

Вар несколько мгновений всматривался в Сорва и вдруг все понял.

— Так ты тоже?..

— Да.

Вар сдвинул руками подлокотники кресла.

— Зачем ты мне это говоришь, зачем ты мне все рассказал? Его голос слегка дрожал.

— Потому что мы хотели знать, что случилось тогда на базе. Они все погибли — все, за исключением тебя. Те, которых ты видел сегодня, это только копии, какие-то очередные копии, взятые со склада.

— Но ведь мой доклад...

— Нам неизвестно, что ты написал в докладе, а дело принимало серьезный оборот. Вообрази себе наше положение. Мы получаем сигнал тревоги и прилетаем сюда. Они, эти нелюди, которые были в нашем распоряжении на этой базе, уничтожены. В живых остался один ты — человек. Парадоксальная ситуация. Прямо скажем, опасная ситуация. За последние несколько сотен лет люди сумели сделать громадный шаг вперед и в некоторых отношениях стоят вровень с нами.

— А Сет?

— Он сам себя сжег дезинтегратором. Во всяком случае, мы застали его уже мертвым. Мы должны были привести базу в относительный порядок. Мы нашли на складе копии Сета и Эль. Ты видел их. После этого нам пришла в голову мысль скопировать тебя.

— Что дальше?

— Не успели. Мы получили известие, что Ако стартовал к тебе. К тому моменту база еще не была готова, поэтому нам пришлось выпустить тебя отсюда, чтобы не иметь хлопот с Ако. Но, как мы видим, ты вернулся. Впрочем, то, что ты сейчас все знаешь, уже не имеет для нас ровно никакого значения. Через минуту ты забудешь все, что помнил, кроме горячего дуновения воздуха после взрыва в момент твоего появления в шлюзах.

Вар хотел протестовать, но его волю сковала усталость, безмерная усталость путника, прошедшего длинную дорогу в горах и наконец добравшегося до места, где тепло и безопасно.

— Чувствуешь сонливость, — донесся до него заботливый голос Сорва. — Ты в радиусе действия копировального эмиттера.

— Подожди... скажи... зачем... почему вы это делаете?

Сорв усмехнулся.

— Только потому, что homo sapiens — довольно интересный вид. Я бы даже сказал, чрезвычайно интересный вид. Вы быстро развиваетесь. Таких случаев, как твой, становится все больше и больше. Вы сокращаете дистанцию между нашими цивилизациями, а ведь ваша на несколько миллионов лет моложе. Вы уже добрались до пределов Солнечной системы, и не исключено, что через несколько сотен лет вы захотите полететь к звездам и наткнетесь на нашу Атариду...

Он не слышал звука открывающихся дверей. Он вдруг увидел перед собой лицо Ако... Сорв что-то крикнул, но Вар ничего не разбирал. Его ослепил голубой блеск, а потом он почувствовал отрезвляющий запах озона... Омертвение, сдавливавшее его, проходило. Он снова увидел лицо Ако.

— Они не догадались проверить, они не знали о включенном

передатчике, который я положил в карман твоего скафандра. Извини, что я не вырвал тебя отсюда раньше, но я хотел записать весь ваш разговор. Он будет неплохим дополнением к твоему докладу.

УТРО АВТОРА

Он постучал, вместо того чтобы просто позвонить во входную дверь, а когда Роберт вышел, он уже стоял в прихожей. Он был среднего роста и встретил Роберта улыбкой.

— Вы ко мне? — Роберт смерил его оценивающим взглядом. «Какая необычная куртка, — подумал он. — Ни пуговиц, ни «молний».

— Да, к вам.

— Дверь была не заперта? — спросил Роберт.

— Да, в некотором смысле. Но я ее закрыл.

— Благодарю вас. Моя жена ужасно рассеянна, особенно когда спешит на работу.

— Вы уже женаты? — Незнакомец перестал улыбаться.

— Да. А почему вас это интересует?

— Разумеется, это мелочь. Небольшая неточность. Но извините... — странный посетитель заколебался, — первый или второй раз?

— Не понимаю вас. Я женат первый раз. Но объясните мне...

— И в самом деле мелочь. Я только поинтересовался.

— Хорошо. Я не держу в тайне свое гражданское положение. Но объясните мне все-таки, что привело вас ко мне?

— Ах да, действительно. Я забыл представиться. Меня зовут Дон.

— Дон? Красивое имя... А фамилия?

— Дон, имени вполне достаточно. Есть еще некоторые подробности, но они несущественны. Я читатель ваших книг.

— Мне очень приятно. А эта встреча, как я понимаю, что-то вроде утреннего интервью с писателем? — Он сделал два шага по направлению к незнакомцу.

«Сейчас я его вежливо выпровожу», — подумал Роберт.

— Нет, что вы. Из-за таких мелочей я бы никогда не стал вас беспокоить. Я представляю Институт истории литературы. Отдел... Впрочем, об этом потом. Для начала я должен объяснить вам все в нескольких словах. Может быть, пойдем в ваш кабинет? Он мне хорошо знаком по фотографии. Письменный стол служит доказательством вашего тонкого вкуса и украшением...

— Мой стол всего лишь занимает предназначенное ему место, в чем вы можете убедиться собственными глазами. Другого у меня никогда не было. — Роберт сделал приглашающий жест в сторону кабинета.

«Интересно, — подумал он. — Этот тип совсем не похож на нормального человека. Что поделает, писателю не приходится выбирать своих читателей».

Они прошли в кабинет, в котором вместе со множеством книг на полках привлекали внимание разбросанные на полу старые

иллюстрированные журналы, машинописные листы, какие-то счета и просто бумажки без определенного содержания и предназначения. Возле пепельницы с окурками стояла чашка с недопитым кофе.

— Если бы вы позвонили перед тем, как прийти, я бы успел навести здесь порядок, — сказал Роберт.

— Но, дорогой мой, вы именно так и работали, и это очень похоже на вас... — Он, видимо, заметил удивление во взгляде Роберта, потому что сразу же добавил: — Только человеку, оторванному от мира, нужен порядок, чтобы не пропасть. Это цитата, — сказал он, как бы извиняясь перед Робертом.

«Я знаю, что это цитата, и даже знаю чья», — подумал Роберт, невольно гордясь тем, что держит в памяти столько разных высказываний писателей, чьи книги он когда-то читал.

— Однако нашему миру, нашей Солнечной системе порядок необходим, и вы это всегда утверждали. Я имею в виду ваши книги, — добавил он.

— Знаете, я как-то не задумывался над этим...

— Историки литературы раннего периода атомной эры настаивают на такой трактовке вашего творчества.

— Эры... какой?

— Ну, вашего времени.

— Я не совсем понимаю, — сказал Роберт и решил про себя, что ничего страшного бы не произошло, если бы этот человек находился сейчас по другую сторону двери.

— Собственно, вы вложили эту мысль в свои «Откровения андруада».

— Вы ошибаетесь. Я никогда не писал такой книги...

— Еще нет?

— Вам угодно издеваться надо мной?

— Вы приписываете мне слишком смелое намерение. Но я вас уверяю, вы ее еще напишете. Вы можете полностью доверять моему слову. Ведь я писал работу магистра по теме «Образ андруада в литературе раннего периода атомной эры».

— Дорогой друг, — Роберт старался говорить спокойно, — мы сейчас прощаемся с вами. Я на сегодня запланировал еще много работы...

— Разрешите мне закончить, дорогой автор. Итак, я буду прост и краток с вами: я возглавляю отдел истории литературы раннего периода атомной эры.

— Я был знаком с человеком, который утверждал, что он адмирал Нельсон, — иронично сказал Роберт.

— К сожалению, мне не пришлось знать этого адмирала. Те, кто попадает на практику во времени, наверное, встречались с ним. Но вернемся к делу. В ваших несомненно значительных произведениях нельзя не отметить определенные противоречия, которые, если можно так выразиться, ставят под сомнение возможность широкой популяризации ваших книг. Мы затрудняемся рекомендовать их к обязательному чтению в школе, ни тем более включить их в штатные библиотеки космолетов.

— О чем вы говорите? О каких космолетах...

— Я имею в виду, конечно, пассажирские космолеты регулярного сообщения с Марсом и Венерой. Экипажи экспериментальных космолетов и кораблей далекой разведки, — это, естествен-

но, интеллектуальная элита. Они читают все. Но в данном случае речь идет об обычных землянах, у которых могли бы возникнуть непрогнозируемые ассоциации.

— Под влиянием моих книг?

— Ну, конечно. — Незнакомец явно обрадовался. — Замечательно, что мы наконец-то начинаем понимать друг друга.

— Тогда, черт побери, пусть они их не читают.

— Нет. Это полностью исключено. Признанный классик литературы. Миллионные тиражи. Огромное количество стереовизорных экранизаций. И совсем не принимать в расчет?..

— Да, я понимаю всю сложность вашего положения. Теперь, пожалуй, мы можем начать прощаться, — сказал Роберт.

— Но ведь вы даже не выслушали мое предложение.

— Тогда говорите покороче.

«Он скажет, и я наконец избавлюсь от него», — подумал Роберт.

— В таком деле, как всегда, лучше отталкиваться от фактов.

— В каком деле?

— Речь идет об опыте с курицей.

— С кем?

— С курицей. Провоцирование определенной реакции курицы в результате стимуляции, или, другими словами, раздражения тех или иных центров в ее мозге.

— Да, с помощью имплантированного электрода. А почему обязательно с курицей?

— Это может быть и петух. Но, дорогой автор, давайте не придирайтесь к мелочам. У нас есть курица, мы помещаем электрод в соответствующем участке ее мозга и воздействуем электричеством на этот центр.

— Согласен, но...

— Одну минуту. Если это центр агрессии, курица принимает-ся атаковать несуществующего противника, если центр страха — убегает, несмотря на то, что вокруг нет ничего, что бы могло побудить ее к этому.

— Я тоже читал об этом.

— Вы об этом, ко всему прочему, еще и писали. Таким образом, если мы раздражаем оба названных центра одновременно, то поведение курицы становится двойственным: курица топорщит перья, бежит по кругу и полискивает.

— Хорошо, однако какое отношение все это имеет ко мне?

— В естественных условиях описанное поведение курицы может иметь место в том случае, если на ее цыплят нападает ястреб. Курица боится и одновременно порывается вступить в противоборство с ним.

Роберт тяжело опустился в кресло.

— И что дальше?

Незнакомец усмехнулся.

— Как мило, что вы ничего не имеете против систематизированных лекций. Как будто вы живете в наше время. Однако ближе к делу. Не поддается сомнению, что подобным же образом можно спровоцировать аналогичное поведение и у человека. С той лишь разницей, что человек ощущает его как собственный спонтанный порыв.

— Необъяснимый страх и беспричинная агрессивность... —

«Я начинаю втягиваться в это», — подумал Роберт.

— Да, без видимых внешних причин, если не считать электрода, — поправил незнакомец.

— Стимулированная стрелковая цепь в нападении... Каждый солдат — герой?

— Это нас не интересует. Мы уже прошли через это. Что же касается вас, дорогой автор, то вы в своих замыслах идете еще дальше.

— Но ведь я ничего подобного не писал. Я в этом абсолютно уверен.

— Но вы напишете, и очень скоро. Я не помню всех дат вашей биографии, но уверяю вас, что это вопрос нескольких лет.

— Что вас беспокоит в таком случае?

— Вы сами сказали: необъяснимый страх, беспричинная агрессивность и немотивированное беспокойство.

— Ну и что из этого?

— А вам еще не приходилось пережить это самому? Вы никогда не удивляли себя и других неожиданными поступками, которым позже вы сами не могли найти объяснения? Какое-то неясное желание, внезапно проявившаяся внутренняя потребность?..

— Но ведь меня не стимулировали, — тихо произнес Роберт.

— Потому что у вас нет электрода в мозге? А может быть, он совсем не требуется?

— Бред какой-то.

— В ваше время — да. Но в наше время это уже не закон. Во всяком случае, нас волнует проблема предупреждения непреднамеренных ассоциаций, и поэтому я хочу попросить вас стараться не подавать повода к ним в книгах, которые вам предстоит написать.

— Я не совсем понимаю вас. Вы просто хотите, чтобы то, что я пишу, было написано иначе?

— Вот именно. Впрочем, дело касается сущих пустяков.

— И для этого вы затеваете всю эту комедию? Но это невозможно. Я автор. Я пишу о том, что хочу сказать. И только о том. Ни больше ни меньше.

— Разумеется, разумеется. Вы совершенно правы, дорогой автор. Именно так и надо писать. И все же это можно сделать чуточку иначе.

— Нет, этого довольно! Вы требуете от меня искажения всех моих рассказов? И эта заумная мотивировка: во имя добра моих читателей какого-то века. Чтобы как можно меньше размышляли, читая мои книги?!

— Вы чересчур драматизируете ситуацию, дорогой автор.

«Если он еще раз скажет «дорогой автор», я вышвырну его за дверь», — подумал Роберт.

— Я говорю то, что считаю нужным. Кроме того, насколько я могу судить по вашим предыдущим высказываниям, вы присваиваете себе право исправлять произведения, которые еще не написаны, которые будут написаны в будущем.

— В определенном смысле вы рассуждаете правильно. Мы исходим из основополагающего принципа, что эти необходимые исправления логичнее вносить самому автору, чем какому-то случайному редактору в будущем.

— Вы напрасно теряете время. Я не собираюсь ничего изменять, — сказал Роберт.

— Что за времена! С Гёте у нас было гораздо меньше хлопот. Он переделывал «Фауста» по нашим указаниям. Насколько я припоминаю, и «Гамлет» сначала заканчивался иначе. А для более ранних авторов любое наше появление становилось событием... Что ж, я вижу, что не убедил вас. Вы ничего не измените?

— Об этом не может быть и речи. Напишу! Все напишу!

Незнакомец только покачал головой. В этот момент зазвонил телефон. Роберт машинально взял трубку.

— Да, слушаю. Дон? Он у меня. Что?.. Сейчас спрошу Дона... Он говорит, что придет к вам, так как вы к этому привыкли, — сказал Роберт своему гостю, прикрыв трубку ладонью.

— Пусть приходит, если не может иначе, — согласился Дон.

— Приходите. Вы знаете мой адрес? Тогда до встречи.

«Сейчас за ним придут, и станет спокойнее, — подумал Роберт. — Судя по всему, Дон не впервые ускользает из-под опеки».

— Кто это, доктор? — спросил он Дона.

— Нет, автомат.

— Вы так зовете его?

— Нет, это на самом деле автомат, и я думаю, что он сможет устроить вам сюрприз.

— Вы думаете, что после нашего сегодняшнего разговора меня можно удивить?

— Если вы достаточно серьезно относитесь к научной фантастике, то, пожалуй, нет. Но вернемся к нашей беседе. У меня к вам есть конкретное предложение.

«У меня тоже есть предложение, — подумал Роберт. — Но я приберегу его до того момента, когда тебя придут забирать».

— Я вас слушаю, — сказал он спокойно.

— Я хочу предложить вам кафедру научной литературы раннего периода атомной эры в Мировом институте истории литературы. Что вы думаете по этому поводу?

— Где находится этот институт?

— Около семидесяти километров и трехсот шестидесяти лет отсюда.

— Лет?

— Разумеется. В будущем. Ну как, решились? — Незнакомец ждал ответа.

— Я не могу бросить свое время. Сами понимаете: семья, работа. Еще не написанные книги.

— Мы приготовили автомат, способный замещать вас. Он знает ваше творчество и биографию до мельчайших подробностей. Вы можете не беспокоиться. В его памяти записаны все ваши произведения, слово в слово. Ошибки исключены. Он будет точно воспроизводить их. В крайнем случае он опустит только некоторые частности, о которых мы говорили. От этого ценность ваших произведений ничуть не уменьшится. Итак, вы согласны?

— Согласен! — радостно воскликнул Роберт. — Они за вами вот-вот придут, — добавил он.

— Я вижу, вам не хватает терпения. Мы сейчас поедем. Это звонил как раз ваш заместитель.

— Мой заместитель?

— Да. Вы не узнали его по голосу? Он как две капли воды схож с вашим. Другое дело, что мы никогда не знаем собственного голоса. Он точная ваша копия. Ни семья, ни коллеги, никто другой не будет подозревать, что вы уехали. А вот и он!

— Да, и опять без стука, — сказал Роберт и не закончил. — Он прибыл через четвертое измерение. К этому надо еще привыкнуть.

— Но он... он такой же, как я.

— Теперь вы видите, что я не преувеличивал?

— Пан... пан... — заикался Роберт.

— Вы можете называть меня Робертом, — ответил тот. — Если вы пришли сюда за интервью, я с сожалением вынужден отказать. Я на сегодня запланировал еще много работы.

— Замечательно, не так ли? Дайте мне вашу руку, Роберт. Вы оставляете достойного заместителя.

Роберт машинально подал незнакомцу руку... и они исчезли.

Когда жена Роберта вернулась домой, ей бросилось в глаза, что бумаги на его письменном столе разложены ровно, а карандаши аккуратно заточены. Она немного удивилась, но ничего не сказала. Она просто не знала, что автоматам двадцать четвертого века задана потребность в порядке.

Перевела с польского Н. СТАЦЕНКО

**На I, IV страницах обложки рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА
к роману «В ЧУЖИХ НЕ СТРЕЛЯТЬ»**

**На II странице обложки рисунок Геннадия ФИЛАТОВА
к рассказу «СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ»**

**На III странице обложки рисунок Юрия МАКАРОВА
к фантастическому рассказу «УТРО АВТОРА»**

Под редакцией А. ПОЛЕЩУКА и В. РЫБИНА

Редактор выпуска Е. КУЗЬМИН

Художественный редактор В. КУХАРУК

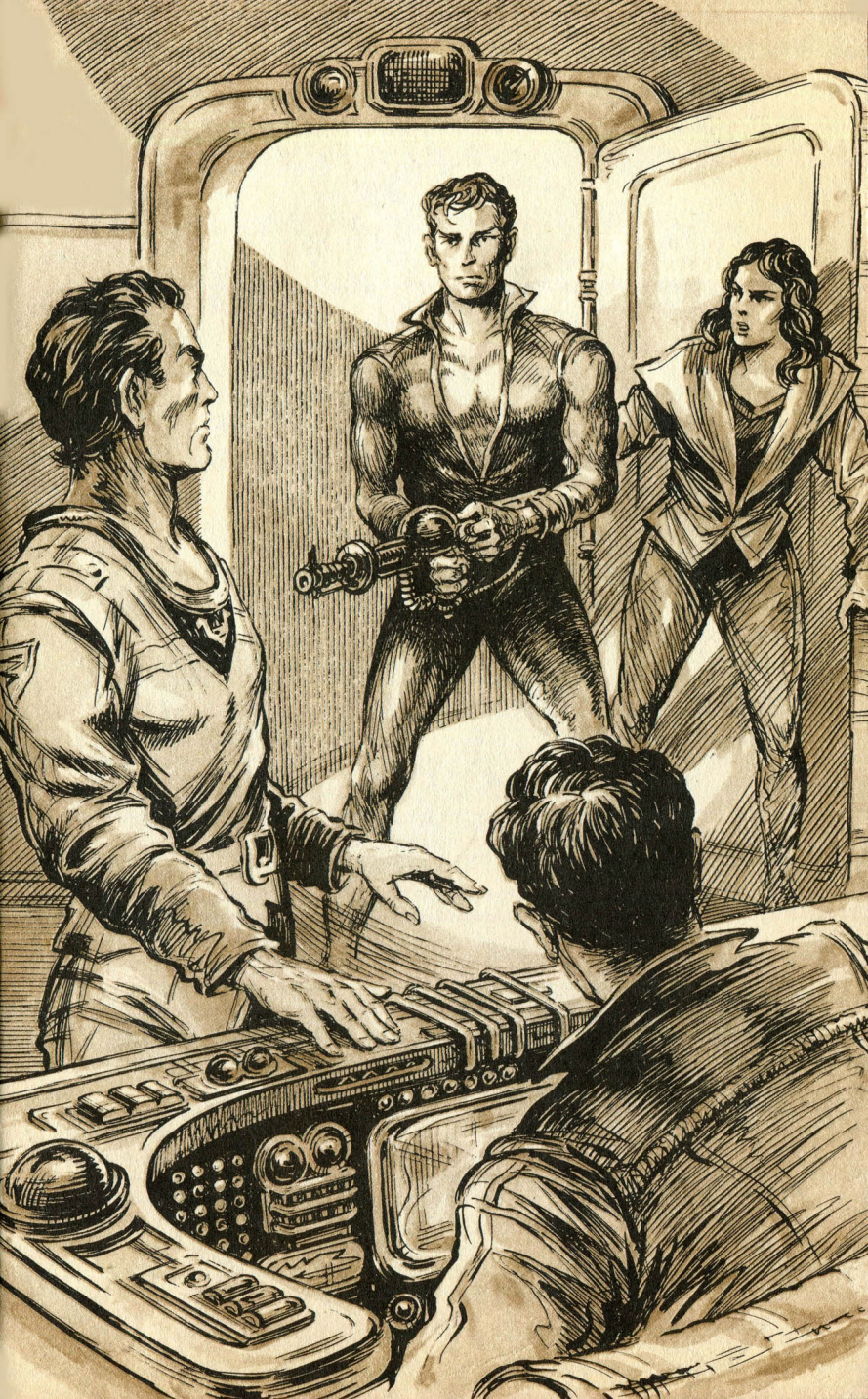
Технический редактор О. БОЙКО

**Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5 а.
Тел. 285-80-10, 285-88-84**

**Сдано в набор 11.09.86. Подписано в печать 20.10.86. А08284.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 280 000 экз.
Цена 60 коп. Заказ 219.**

© «Искатель», 1986 г.

**Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30,
Сущевская, 21.**

ИСКАТЕЛЬ

Анатолий РОМОВ

Виктор ПРОНИН

Дмитрий ЖУКОВ

Конрад ФИАЛКОВСКИЙ

Цена 60 коп.

